

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

3(23)
2017

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин

Главный редактор

А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай), Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Россия), Гэй У. (США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В. (Иран), Коротаяв А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (Казахстан), Сергеев М. Ю. (США), Степин В. С. (Россия), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия), Юдин Б. Г. (Россия).

Адрес редакции:

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, к. 205, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Хасбулатов Р. И. Идолы и идолопоклонники: крах либертаризма. Статья третья	3
Гранин Ю. Д. Запад и альтернативные стратегии модернизации	17
Лешкевич Т. Г. «Глобальный модерн» и новое понимание субъектности	31

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Голубев В. С. Суверенная глобализация и геополитика	43
Кочетов Э. Г. Парадигма Мирового Преображения как модель будущего (ее суть в максимально сжатом виде)	51

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Вебер А. Б. Экология и общественное сознание: трудный путь к устойчивому развитию	61
Мехтиева Н. Р. Информационные войны как «цифровой» аспект глобализации	77
Савеленко Д. В. Экономический потенциал трудовой миграции в развитии стран Таможенного союза	90

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Гринин Л. Е. Революция в России и трансформация Мир-Системы	97
Бахтуридзе З. З. Международные отношения в эпоху «пост»: возможности эволюции	113
Мартин Г. Т. Планетарная «зрелость» и наш глобальный общественный договор	121
Яскевич Я. С. Рациональность, нравственность и модели управления в бизнесе и политике	130
<i>Contents</i>	143

ТЕОРИЯ

ИДОЛЫ И ИДОЛОПОКЛОННИКИ: КРАХ ЛИБЕРТАРИЗМА

Статья третья^{*}

Хасбулатов Р. И.^{**}

Продолжающийся глобальный кризис не только выявил внутренние слабости современного мира как саморегулирующейся системы, но и необычайно усилил критику капитализма как общественной системы. Впервые после исчезновения мирового социализма и торжества капитализма возникли самые серьезные основания считать, что современный капитализм далек от совершенства и таит угрозы для общества. Автор развивает мысль о том, что необходима коренная перестройка самих оснований международных хозяйственно-финансовых отношений. В статье дается оценка существующих подходов к решению данной проблемы, а также предлагаются новые решения с учетом реалий российской действительности.

Ключевые слова: социальные революции, реформация, Вашингтонский консенсус, классический либерализм, кейнсианство, неокейнсианство, монетаризм, либертарианство, кризис, депрессия.

The current global crisis has not only revealed the internal weaknesses of the modern world as a self-adjusting system but has also intensified the criticism of the capitalism as a social system. For the first time after the collapse of the world socialism and triumph of capitalism there are strong grounds to believe that the modern capitalism is not so perfect and poses a significant threat to the society. The author considers that the grounds of the international economic and financial relations need a fundamental reconstruction. The article examines the current approaches to solution of the problem and presents new ideas while considering the realities of Russia.

Keywords: social revolutions, Reformation, Washington Consensus, classical liberalism, Keynesianism, neo-Keynesianism, monetarism, libertarianism, crisis, decline.

Вашингтонский консенсус

Политические обстоятельства сыграли в деле взрывного распространения монетарных идей свою особую роль, к ним относятся два следующих ключевых политических события. *Первое* – введение в действие так называемого Вашингтон-

^{*} Статьи 1 и 2 см.: «Век глобализации», 2011, № 1, 2.

^{**} Хасбулатов Руслан Имранович – чл.-корр. РАН, д. э. н., профессор, заведующий кафедрой мировой экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова. E-mail: hasbulatov@rea.ru.

ского консенсуса. *Второе* – принятие этого документа российской президентско-правительственной властью в качестве базы реформирования.

Обреченность намеченных правительством Б. Н. Ельцина реформ стала совершенно очевидной вскоре после того, как я подробно ознакомился с основными программными документами, в том числе с Вашингтонским консенсусом. История его возникновения вкратце такова. Все 1980-е гг. развивающиеся страны, особенно латиноамериканские, находились в сильнейшем долговом кризисе. МВФ и Вашингтон предпринимали все возможные меры, чтобы вывести Латиноамериканский континент как регион особых интересов Америки из финансового кризиса. Был, в частности, утвержден специальный план Брэйди (по имени министра финансов США), предполагающий мощную финансовую помощь этим странам, списание большей части долгов, либерализацию торговли и т. д. Ничто не помогало – страны континента все глубже погружались в трясину финансового и экономического кризиса. Вот тогда, в конце 90-х г., и появилась на свет пресловутая программа Вашингтонского оздоровления экономики стран – должников Латинской Америки, позже названная консенсусом. Автором разработки был профессор Дж. Уильямсон из Института мировой экономики Петерсона Гарвардского университета, который работал под патронажем министерства финансов США и МВФ [см.: Williamson 1990: 1–3]. Программа получила наименование «Вашингтонский консенсус» в силу того, что большая группа ее разработчиков из разных университетов, собравшись в Вашингтоне, согласилась с главными положениями, основанными на синтезе идей монетаризма и неолиберализма, осуществленном М. Фридманом и рядом других аналитиков (Ф. Хайек).

«Вашингтонский консенсус» как экономическая программа был предназначен первоначально, как выше отмечено, для группы латиноамериканских стран, находившихся в безнадежной долговой зависимости. И главной задачей этой программы было достижение такой стабилизации, которая обеспечила бы возврат долгов американским банкам. Этим странам и было предложено принять «Вашингтонский консенсус», программа которого включала 10 пунктов:

- приватизация экономики;
- финансовая дисциплина;
- сокращение государственных расходов;
- реформа налогообложения;
- финансовая либерализация;
- ценовая либерализация;
- торговая либерализация;
- достижение конкурентоспособности валютных курсов;
- открытие границ для прямых иностранных инвестиций (и свободного выезда капиталов из стран);
- укрепление имущественных прав собственников.

Некоторые страны Латинской Америки рьяно взялись за проведение соответствующих «реформ» под надзором американских консультантов и МВФ. И тут же поплатились: мощные социальные выступления смели целый ряд правительств, и большинство стран полностью или частично отказались от этого «консенсуса». Так бесславно провалился Вашингтонский консенсус в Латинской Америке, и, что интересно, это произошло в 1989–1990 гг. Тем не менее целый ряд его поло-

жений так или иначе были введены в экономическую политику многих развивающихся стран под жестким давлением министерства финансов США, Госдепартамента и МВФ.

Трагические последствия для России: разрушение без созидания

«Консенсус» привез в Москву хитроумный М. Камдессю, исполнительный директор МВФ. Он встретился со мной, и мы долго обсуждали этот документ. Я прямо заявил, что Верховный Совет не примет программу, основанную на этих положениях. Но Б. Н. Ельцин оказался сговорчивым. Десятки американских специалистов разрабатывали для правительства «мероприятия», которые проводились на практике исполнительными распоряжениями и указами президента. Это и вызвало известный хаос и мощный процесс деиндустриализации в народном хозяйстве страны. Все критически относившиеся к такой политике немедленно объявлялись «врагами реформы», в том числе председатель Верховного Совета, они подвергались остракизму в российских СМИ (в газетах, журналах, на радио и телевидении), клеймились в американских и европейских СМИ и политических кругах, противопоставлялись «демократу» Ельцину и «реформатору» Гайдару, этому бездарному исполнителю чужой воли. Поэтому «заграница» не только позволила Ельцину расстрелять Верховный Совет и установить в России авторитарный режим, но и обеспечила две следующие геополитические задачи: во-первых, предельно ослабила экономические позиции России в мире до такой степени, что она лишилась реального влияния в мировой политике; во-вторых, прочно «привязала» к своим потребностям сырьевой потенциал нашей страны на десятилетие вперед, «обеспечив» разрушение передовых отраслей машиностроения, в том числе станко-, приборостроения; оказались отброшенными на десятилетие назад уровень жизни, культура, наука и образование.

Следует отметить, что целый ряд известных не только российских, но и западных аналитиков изначально громко заявили об ущербности экономической политики России, навязанной ей МВФ и американским правительством (Дж. Гэлбрейт, лауреат Нобелевской премии П. Самуэльсон, Василий Леонтьев и др.). Другой лауреат Нобелевской премии, Дж. Стиглиц, позже писал: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [Стиглиц 2011].

Странные «реформаторы» – они выбрали самый худший из всех возможных вариантов, отвергнув даже первоначальный, согласованный в ходе обсуждения между Верховным Советом и президентом еще весной 1991 г., до появления на политической сцене этих самых «странных реформаторов», одержимых разрушением, но не созиданием. В печати неоднократно цитировались слова, сказанные президентом Б. Клинтон на совещании начальников штабов США в 1996 г.: «Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием: мы получили сырьевой прирост... Нынешнее руководство страны (то есть России. – Р. Х.) нас устраивает во всех отношениях» [см.: Речь...].

Суммарные потери Российской Федерации за период 1991–1996 гг. превысили утраты в Великой Отечественной войне. Приведем ряд показателей из официальной статистики лишь в области сельского хозяйства в сравнительном аспекте,

за 1990 г. и 2006 г. Так, численность сельскохозяйственных организаций на эти годы составляла: в 1990 г. – 25,8 тыс. ед., в 2006 г. – 16,9 тыс. ед.; уровень рентабельности: в 1990 г. – 37 %, в 2006 г. – 10 %; доля убыточных хозяйств: в 1990 г. – 3 %, в 2006 г. – 32 %; посевная площадь (в млн га): в 1990 г. – 112,1; в 2006 г. – 48,2; поголовье крупного рогатого скота (млн голов): в 1990 г. – 35,3; в 2006 г. – 10,5; свиней (млн голов): в 1990 г. – 23,5, в 2006 г. – 8,2; овец и коз (млн голов): в 1990 г. – 46,5; в 2006 г. – 3,9. С тех пор ситуация изменилась к лучшему, но не так радикально, как об этом во всеуслышание заявляют высокопоставленные должностные лица.

При этом поражали темпы сокращения сельского хозяйства и животноводства – одинаково высокие и в 1990-х, и в 2000–2007 гг., вплоть до последних лет. Ныне имеется также много сомнений относительно достижений. Спрашивается, к примеру, зачем нужно экспортировать зерно, когда в огромных объемах завозятся корма для скота, мука, мучные изделия и пр.? Надо отметить, однако, что санкции, введенные Западом против РФ в связи с украинскими событиями, и анти-санкции России сыграли некоторую положительную роль для развития сельского хозяйства и животноводства. Но, похоже, пользу из этого извлекает быстро растущая дюжина аграрно-животноводческих и иных корпораций-гигантов, монополизирующих эти отрасли; а фермерства как не было, так и не предвидится. Соответственно, удел села – дальнейшее разорение.

На невозможность добиться позитивного результата «реформ», базируясь на этих идеях, я указывал на съездах народных депутатов в 1992–1993 гг., заседаниях Верховного Совета, в публичных выступлениях, монографиях и множестве статей на всем протяжении 1990-х гг. и в последующие годы, а также в выступлениях на международных конференциях, в беседах с представителями международных организаций и учеными разных стран. С аналогичных позиций выступали и некоторые другие отечественные аналитики, но нас не хотели слышать, обвиняли в попытках «реставрации СССР и коммунизма». И лишь с конца 90-х гг. началось критическое осмысление монетаризма на Западе, в том числе в исследованиях международных организаций системы ООН, в которых прямо подчеркивалось губительное воздействие идей Вашингтонского консенсуса на развивающиеся и переходные страны. Однако серьезное осмысление на Западе началось только в ходе и после глобального кризиса 2008–2010 гг. В то же время в России уже четверть века неизменно проводится в жизнь экономическая политика, основанная на Вашингтонском консенсусе. Лишь в недолгий период нахождения во главе правительства академика Е. Примакова эта тенденция была остановлена. Я думаю, что страну спасло провидение – необычайный рост цен на нефть и газ принес государству огромные денежные ресурсы, которые «перекрыли» грубые ошибки правящих кругов в 2001–2015 гг.

Конец эры доминирования либертаризма

Глобальный кризис, возникший в 2008 г., положил конец эпохе доминирования в экономической политике стран Запада либертарианства в духе монетарных идей М. Фридмана. Ранее я писал о том, что выдающийся американский экономист профессор Пол Самуэльсон называл это течение **либертаризмом**, *экстремистским ответвлением либеральной экономической мысли*. В самый разгар мирового кризиса в 2009 г. в своем интервью немецкому журналу *Die Welt* Самуэль-

сон выразился следующим образом: «Очень жалко, что Фридман не дожил до наших дней, чтобы увидеть разрушительные последствия торжества своих экстремистских идей» [Die Welt 2009]. Таким образом, один из самых известных в мире экономистов называет данное направление теории и основанную на ней экономическую политику, буквально навязанную всему миру, *экстремизмом!* В унисон высказался и лауреат Нобелевской премии Пол Кругман, заявив, что «фридменовская теория никогда не была научной теорией, а скорее – политической идеологией» [см.: Кругман 2009]. Но не об этом ли я говорил и писал еще в 1992–1993 гг.? «Что-то надо делать с капитализмом», – заявил президент Франции Н. Саркози в 2009 г., в том же духе высказалась канцлер Германии Ангела Меркель. А тем временем идет процесс ускоренного демонтажа всех либерально-монетарных конструкций системы экономического регулирования. Происходит «возвращение» в политику неокейнсианцев (при яростном сопротивлении неоллибералов-монетаристов). Конечно, речь не может идти о простой замене догматической политики либертарианцев традиционным кейнсианством – это невозможно. Но наблюдается дефицит стратегических идей, идет процесс их поиска и отбора. В том числе относительно новой роли государства, его «экономической ниши», участия общества в экономической политике, ограничения деятельности крупных банков и корпораций, их чрезмерных доходов и т. д.

Даже известные столпы неоллиберализма становятся на позиции кейнсианского регулирования в Америке и Западной Европе. Следовательно, речь идет о мощном сдвиге в идейно-теоретическом осмыслении самой концептуальной базы политики, о понимании необходимости ухода от традиционных догматических и реакционных экстремистских неоллиберально-монетарных идей, о том, что снова стала доминировать известная ключевая мысль Кейнса о невозможности самостоятельного бескризисного развития современного капитализма – без опоры на государственное экономическое вмешательство. Соответственно, отвергается ключевая идея неоллиберальной теории относительно того, что капитализм может и далее развиваться исключительно на базе «невидимой руки рынка». В настоящее время на Западе идет процесс поиска новых стратегических идей одновременно с включением в качестве регуляторов арсенала кейнсианских методов регулирования. Соответственно, быстро «вычищаются» носители прежних, ортодоксальных неоллиберальных идей в финансово-экономическом блоке правительства – их время ушло.

Однако приход к власти в США президента-суперлиберала изменил эту ситуацию, сегодня мы еще не знаем, что конкретно будет предпринято в экономической политике США.

В России по-прежнему правят бал догматики-реакционеры

В России «все по-старому», здесь правит бал старая неоллиберально-монетарная гвардия, крайне реакционно-догматическая, фундаменталистская и социально безответственная. Если говорить о новых стратегических идеях, российское руководство показывает их отсутствие – как во внутреннем, так и в международном плане. По сути, никаких новых идей ни во внутренней, ни во внешнеэкономической политике не выдвинуто. Идея модернизации и инноваций должна опираться на широкие преобразования во всей экономической системе на базе современного машиностроения. Но последнего просто нет – оно уничтожено. Данная

идея требует не «узкого» подхода, а модернизации ключевых отраслей промышленности, создания новых транспортных коммуникаций, наращивания потенциала науки и образования, производственной и социальной инфраструктуры, развития сельского хозяйства. И конечно, преобразования управляющей системы на федеральном уровне прежде всего. Похоже, в руководящих кругах нет понимания того, что происходит в мире, хотя они готовы во всеоружии противостоять ему на «всех фронтах» – от украинского до ближневосточного и т. д. Они не понимают того, что старые идеи, которыми они руководствовались, отброшены прочь глобальным кризисом, повсюду идет процесс реанимации неокейнсианских и прагматических элементов политики с позиций интересов общества, с позиций достижения большей социальной справедливости и сокращения разрывов в распределении национального дохода. Что могут предложить эти догматики? Оказывается, ничего.

Отсюда – и отсутствие серьезного теоретического обоснования «нового курса» в российской экономической политике (за его неимением). Мощное инфраструктурное строительство (создание стратегических дорог, коммуникаций и пр.), промышленное освоение обширных территорий страны с опорой на государственный сектор – вот что следовало бы считать приоритетными задачами на протяжении последних лет, когда казна была переполнена нефтедолларами. Этого направления политики как не было, так и нет. Поэтому промышленная зависимость от мировой экономики стала чрезмерной. Как ослабить эту зависимость – вот стратегический вопрос. Ответ на него я предлагал с неизменной последовательностью начиная с 1992 г. Это перенос центра тяжести на развитие собственной промышленной базы и сельского хозяйства, что невозможно лишь на базе «рынка», опора на экономическую деятельность государства как на федеральном, так и на провинциальном уровнях. Правда, в связи с западными санкциями кое-что пришлось делать самим.

Одна из главных проблем, обозначившихся в процессе глобального кризиса, – ухудшение уровня жизни населения, включая средний класс, в то время как очень незначительная часть общества контролирует большую часть национального богатства; бюрократия также значительно обогатилась за счет массивированного влияния колоссальных бюджетных ресурсов.

Явная несправедливость в сегодняшнем мире вызывает все большее возмущение большинства народов, в том числе в ЕС, США, СНГ, на Арабском Востоке, в Азии и Латинской Америке. Почти невозможно избежать массовых социальных выступлений против такой политики, поскольку невозможно предположить осознание политическими элитами необходимости радикальных изменений социального порядка в своих странах для устранения вопиющей несправедливости в распределении материальных благ, реальных прав и свобод.

Первыми, как представляется, будут «рушиться» слабые, внутренне неустойчивые страны, для которых характерны огромные перекосы в уровне жизни населения – то есть такие, как большинство бедных стран Азии и Африки, а также бывших социалистических государств Европы и Азии. Их деловые и политические элиты направили все устремления на личное обогащение и продление своего нахождения у власти, не оставив никакого выбора гражданам своих стран; они мгновенно «забыли», почему всего каких-то 25 лет тому назад общества сделали свой выбор в пользу капитализма, полагая, что на этом пути люди приобретут

и материальный достаток, и политические права, и гражданские свободы. Их обманули – они стали еще менее обеспеченными и в еще большей степени лишились этих самых прав и свобод. Это относится и к России, и даже в большей степени к ней, чем к другим странам.

Но и в более развитых традиционных центрах капитализма быстро нарастают разочарование и недовольство существующим положением. Государства непрерывно расширяют сферы принуждения, становящиеся все более тотальными, неизменно сокращаются права и свободы гражданина при резком, взрывном росте экспансии государства и разрыве социальной стратификации. На одном полюсе общества концентрируется узкая группа сверхбогачей, на другом – огромная масса нуждающихся, число которых катастрофически растет даже в самой богатой стране мира – США. Таким образом, зона государственного принуждения все более расширяется при одновременном сокращении зоны человеческой свободы. Французский философ Бернар Лавернь, исследуя еще в 30-х гг. XX в. процесс наступления государства на права личности, искал возможности «примирения» сильной власти и уважения к правам и свободам человека. «Имея дело с людьми добрыми и справедливыми, было бы нетрудно установить удовлетворительный политический строй. Но политический гений народов состоит в том, чтобы установить такой приемлемый строй, опираясь как раз на алчных и ограниченных существ, каковыми являются почти все люди, в том числе избираемые в качестве правителей» [Lavergne 1933], – таковыми были суждения этого прозорливого мыслителя, труды которого были изъяты еще нацистами после оккупации Франции.

Тоталитарные системы XX в. породили стойкое отчуждение между человеком и государством, отторжение любой формы гнета государства над обществом. Появилось всеобщее ощущение неосознанного страха перед государством. По сути, мало что осталось от былых толкований государства как результата общественного договора, стоящего на службе обществу, а правительства – как наемных служащих, ответственных перед народом. И тоталитарные системы, и демократические, и их неразумные правители – все они в одинаковой мере внесли свой немалый вклад в дискредитацию государства повсюду в мире. Поэтому вполне объяснимо стремление общества, порой бессознательное, к отстранению государства от участия в тех сферах жизни, когда оно (это участие) представляется избыточным. Отсюда и предпочтение тем подходам, которые обосновывают «нежелательность» присутствия государства в экономике. Таким образом, не следует упрощенно подходить к ним, пытаться видеть в одних исключительно «прогрессивное» начало, в других – «начало реакционное»; и те и другие – продукт общественного развития на определенных этапах эволюции, соответствующих складывающимся эволюционным или революционным условиям. Иногда засилье бюрократии вызывает отвращение не столько к ней – бесчестным чиновникам, а к государству. Это, похоже, и произошло в Америке, в которой трудовой люд избрал господина Д. Трампа своим президентом, полагая, что он будет на стороне трудящихся, а не бюрократов и «кровопийц с Уолл-стрит».

Однако любая социальная теория имеет свои пределы, диктуемые определенными факторами, свойственные данному уровню развития общества во времени и пространстве. Не существует социальных теорий, «верных навсегда», что самым лучшим образом показали марксизм и его экономическое поражение в СССР и других социалистических странах. Не потому, что теория была неверна,

а потому, что она нуждалась в развитии. То же самое произошло (и продолжает происходить) ныне с неолиберальными (либертариистскими) теориями. Они превратились в свою противоположность, то есть перестали играть позитивную роль, которую до некоторой степени, возможно, выполняли в предыдущие десятилетия. Прославляя ничем (и никем) не ограниченную «свободу рынка», понимаемую как универсальный регулятор, которым правят крупные корпорации (отрицающие эту самую «свободу рынка»), либертарианская политико-экономическая и мировоззренчески-культурологическая пропаганда фактически подчинила свободную волю индивида всепожирающей и развращающей силе денег. Она трансформировала государство в открытую силу (механизм насилия), защищающую узкую группу богатей-нуворишей, превратила современного человека в раба денежного успеха, который готов совершить любое преступление ради личного обогащения. Так называемая «протестантская мораль» (она прославлялась в период расцвета кейнсианства), которая якобы (по Максус Веберу) явилась важнейшим фактором процветания англосаксонских стран, оказалась выброшенной под натиском «новой морали» – потребительской неолиберально-монетарной идеологии. Произошел морально-этический и нравственный откат обществ от великих тысячелетних традиций, переходивших из поколения в поколение, – по мере распространения идей «абсолютной свободы рынка», открывших возможности быстрого формирования разрыва между «праздным классом» (по Т. Веблену) и абсолютным большинством общества. Неравенство и несправедливость – вот главные определяющие признаки того типичного «либерального государства», которое стало продуктом трансформационного процесса в последние десятилетия.

Поскольку дискредитация государства – это конкретная историческая реальность, воплотившаяся в догму, она оказывала огромное влияние на мировое научное сообщество, в частности в сфере общественной мысли, подвигая к идее неограниченной «свободы» предпринимательства. Человек постепенно становится рабом рынка, культивируемой этим рынком новой морали и псевдокультурных ценностей. Государства же заняли позиции нейтральных наблюдателей в происходящем процессе разложения общества, жестко охраняя, однако, политические режимы и экономические порядки. Это тоже не случайно: увод общества от социально-политической реальности любыми путями – это его современная функция, в значительной мере реализуемая на телевидении и в печатных СМИ, что мы хорошо видим на отечественных телеканалах. Пока остается неподконтрольным Интернет, рассматривающийся как угроза для политического класса.

При этом следует отметить следующее обстоятельство: все в большей мере проявляющееся недемократическое поведение государств (или их лидеров, что одно и то же) усиливало указанные выше общественные настроения, способствовало восприятию государства как враждебной человеку силы повсюду, в том числе в самых передовых западных странах (может быть, исключая небольшое число малых европейских, в том числе Скандинавских стран). Эти общества попали в «ловушки» установленных ими самими «демократических» систем: в результате произошло снижение интеллектуального уровня правящей политической и деловой элиты; все чаще повторяются случаи, когда в ходе избирательных кампаний отсеиваются, как правило, наиболее способные к лидерству деятели; откровенная пропаганда «серости» (излюбленный прием кандидата: «Я – такой же, как и вы!»), в то время как обществу, государству нужен не «такой, как все», а настоящий лидер) и т. д. В результате произошла негативная трансформация не только дирек-

торов крупных корпораций и банков, но и управляющего класса ведущих держав мира – ими руководят весьма посредственные, «серенькие» личности, даже не мечтавшие оказаться в роли правителей. Это подтверждается неоправданно большим числом банкротств крупных корпораций, банков, да и государств вследствие неспособности менеджмента и политической элиты прогнозировать их будущее или неумения вести даже текущие операции; мошенничество и коррупция стали обычными явлениями как в предпринимательстве, так и в политике. На государственном уровне данный системный дефект не менее выразителен – стоит лишь внимательно присмотреться к поведению мировых лидеров (G7) на ежегодных саммитах либо иных встречах высокопоставленных деятелей, и выводы достаточно очевидны. Поэтому те или иные рациональные действия правителей даже обществом порой воспринимаются крайне настороженно, с недоверием. В частности, возможно, в силу не всегда осознанных опасений, внушенных в былые времена всесильным коммунистическим тоталитарным государством, неразумные действия в 1990-е гг. ельцинистов, утверждающих о «необходимости ухода государства из экономики», а также современные инвективы Путина – Медведева поддерживались и поддерживаются определенной частью интеллектуальных сил общества, инстинктивно осознававших возможную угрозу со стороны новой экспансии государства как враждебной обществу силы. И одновременно люди глухи и слепы в отношении очевидных видимых явлений, свидетельствующих об опасном укреплении силового элемента в системе политического режима.

В настоящее время, после четверти века доминирования реакционной неолыберально-монетарной доктрины в России, убедительно показавшей свою несостоятельность во всем мире, эта настороженность также сохраняется, в том числе в силу отсутствия четко сформулированных теоретически позиций относительно происходящего «явочным порядком» возвращения кейнсианства на Западе, хотя эта тенденция противоречива. Современная неопределенная посткризисная ситуация в мире значительно усиливается в результате непосредственной связи универсального политико-экономического либерализма с пропагандой абсолютной ценности «денежного успеха» и потребительских ценностей. Категории свободы трактуются исключительно как возможности потребления, при этом отбрасываются внутренние мотивы действия (или бездействия) личности, ее морально-этическое восприятие отношений с внешним миром. Культивирование все новых потребностей и новых возможностей их удовлетворения – вот что стало абсолютной целью (и ценностью) в современном «цивилизованном мире».

Кризис государства и глобализация

Кризис проявляется в том, что и Большое Государство, и Большой Бизнес в равной мере потеряли свою моральную привлекательность, выступая как циничная, своекорыстная объединенная сила, противостоящая Обществу. Если Большое Государство олицетворяется с бюрократией и наступлением на личность, то Большой Бизнес – с безграничной и тупой жадностью, лишенной к тому же способностей к созидательной деятельности. Большое Государство, бросающееся ему на помощь в периоды кризисов, во многом порожденных этим же Большим Бизнесом, также теряет свой ореол защитника народа и рассматривается как такая же враждебная сила. Отсюда быстрый рост *отчуждения* между обществом, с одной стороны, и государством и бизнесом – с другой.

Чтобы преодолеть это органическое отчуждение, необходима формационная смена, качественно другое общественно-экономическое и политическое устройство, когда и Власть, и Большой Бизнес в одинаковой мере контролировались бы реально общественными силами, то есть необходим другой *тип социализации власти и капитала*. По-видимому, должна быть изменена вся система доминирования крупных частных банков и корпораций – этих рассадников зла, несправедливости и провокаций. На смену должна прийти альтернативная социальная система с преобладанием общественной, коллективной, кооперативной, индивидуальной, групповой и иных форм собственности, но без покушений на принцип частной собственности.

Политическое же устройство должно исключить любые формы использования в выборных процессах денежного фактора (не должно быть даже малейшей причастности к этому), свободная конкуренция людей и их идей – вот что должно быть определяющим в новой системе государственной власти. Ельцинская модель государства – это, несомненно, вторичная, привнесенная модель, из которой при этом тщательно были удалены позитивные элементы, но встроены демагогические декларации и авторитарные конструкции. Она должна была неминуемо взорваться после 1998 г., когда во всей уродливой мощи проявился системный кризис ельцинизма (известный «дефолт»). Его, однако, спасло, как мы указывали ранее, провидение, ниспослав мощный неиссякаемый поток нефтедолларов, который наследники ельцинизма так толком и не сумели использовать, во всяком случае, на благо народа. Но он был использован для укрепления могущества политического режима. Хотя надо понимать, что усиление политического режима – это не есть усиление государства. В истории бывают и такие ситуации, когда при мощных политических режимах государства распадаются.

Российский опыт показывает, что *укрепление государственного режима не есть укрепление самого государства*. В слабых и бедных государствах правители всячески пытаются усилить свою личную власть через политический режим, то есть способы и инструменты приведения в действие государственной власти. Происходит экспансия бюрократического аппарата из верных правителю соратников, укрепляются карательные функции государства, возрастает численность военно-правоохранительных элементов государства – армии, внутренних войск, спецслужб, специально подготовленных военизированных подразделений для борьбы с «преступностью», особенно с «терроризмом», но на деле предназначенных для подавления общественных антиправительственных выступлений. При этом правителям кажется, что происходит консолидация государства, его целостность, что оно таким образом усиливается. Но это далеко не так. Для подлинного укрепления государства необходимо, чтобы граждане реально убеждались: их Власть действует в направлении достижения *справедливости* в обществе.

Быстро растущие наднациональные и транснациональные институты осуществляют экспансию в сфере государства, «приватизируют» часть функций, ранее являвшихся прерогативой суверенного государства. Одновременно государство испытывает давление «снизу», когда часть его функций переходит на местный и региональный уровень. Под влиянием этих факторов в свое время появилась доктрина «ограниченного суверенитета».

Суверенитет государства ограничивается новой ролью международных институтов, в сфере международных отношений их становится все больше, особенно разнообразных негосударственных субъектов; их влияние постоянно возрастает

ет. В одних случаях они содействуют стабильности и безопасности, в других – создают угрозы личности и обществу. В частности, стала очевидной дестабилизирующая роль международных террористических организаций, превратившихся в наиболее серьезную угрозу глобальной безопасности. Для борьбы с ними государства увеличивают военные бюджеты. Например, оборонный бюджет США запланирован на 2018 г. в размере более 700 млрд долларов.

Таким образом, суверенное государство перестало быть единственным субъектом миропорядка и все больше вынуждено считаться с новой ролью надгосударственных и негосударственных субъектов в сфере международных отношений. При этом исследователи отмечают, что новые международные субъекты адекватной легитимностью не обладают. Даже решения ООН носят, как правило, рекомендательный характер. Отсюда возрастающая по важности проблема организации и управления сферами жизнедеятельности мирового сообщества. Однако противоречие заключается в том, что в мире, состоящем из национальных государств, регулирование универсальных (надгосударственных) процессов связано с ограничениями власти национального государства. Суть кризиса Европейского союза – прежде всего в этой плоскости, и, очевидно, какое-то решение этого противоречия должно быть найдено.

Казалось бы, должны укрепляться институты ООН как единственной универсальной организации, способной действовать на основе международного Закона во имя справедливости. Но этого не происходит. Становится очевидным, что в эпоху глобализации национальное государство не может сохранить свои функции и суверенитет в прежнем объеме. Но и либертарианская глобализация, по справедливому замечанию С. Рогова, не создает адекватных политических и иных структур, способных интегрировать функции, ускользающие от национальных государств, и использовать их в благих целях на более широком геополитическом пространстве. Вместо этого власть перетекает в международные финансово-экономические организации (МВФ, Всемирный банк, ВТО и др.), а также в практически никому не подотчетные транснациональные корпорации (ТНК) и транснациональные банки (ТНБ). Таким образом, на глобальном уровне идеология «ограниченного суверенитета» обретает свое практическое воплощение в иррациональном направлении развития, вне контроля мирового сообщества и участия национальных государств. Внедрение информационных технологий в сферу производства стало основой превращения ТНК, крупных банков и их групп в доминирующую силу мировой экономики и мировых финансов. С появлением глобальных производственных систем возникли новые возможности роста потоков прямых иностранных инвестиций. Около 70 тысяч транснациональных корпораций (ТНК) с сотнями тысяч их иностранных филиалов играют ключевую роль в функционировании всей мировой экономики и глобальной финансовой системы. Как показал целый ряд международных организаций, несколько сотен семейств контролируют более 50 % мировой экономики. В России дифференциация общества наивысшая в мире. Слабый и незначительный средний класс все более сокращается, как шагреновая кожа. На этом фоне рассуждения высокопоставленных должностных лиц о том, что в России «торжествует справедливость», звучат оскорбительно по отношению к обществу. Возможно, они произносятся искренне, в силу незнания реальности. Отечественные ученые и специалисты должны, как мне представляется, более активно участвовать в разработке новой модели пере-

устройства мира и, самое важное, в разработке альтернативной модели социально-экономического развития стран и организации управления обществом.

Резюме

Наверное, в последние годы я провел сотни выступлений и написал десятки работ (и фундаментальных, и в форме научных статей, и публицистических), в которых обобщил некоторые итоги мирового развития и сформулировал ряд предложений для отечественной политики.

▪ Антициклическая и антикризисная политика разрабатывалась и вводилась в рамках общего *кейнсианского (неокейнсианского) регулирования*. Данное направление методологии экономической политики, действовавшее все послевоенные десятилетия – самые тяжелые, особенно для европейского капитализма, – было заменено в середине 1970-х гг. синтезом *монетарной и неолиберальной экономических теорий как новой методологии* экономической политики. В условиях современного мирового кризиса эта методология потерпела окончательный крах.

▪ Судя по конкретной деятельности правительств западных стран в области интенсивного наращивания государственного экономического активизма в ходе нынешнего мирового кризиса, они решительно стали на путь реабилитации кейнсианства (его реституции), хотя и воздерживаются от признания этого. Возможно, потому, что неолиберальный монетаризм, позже получивший определение «международного монетаризма», был введен буквально официально – через парламентские акты, рекомендации ОЭСР, МВФ, Всемирного банка. Естественно, кому хочется признаваться в ошибочных решениях?

▪ *Суть главной идеи кейнсианства: современный капитализм не в состоянии* обеспечить свое воспроизводство и бескризисное развитие, *если он не будет опираться на государство*, а также без решительного государственного регулирования. *Суть главной идеи неолиберально-монетарной модели: современный капитализм, как и в эпоху Адама Смита, в состоянии обеспечить свое воспроизводство и бескризисное развитие, если ему не будет мешать государство.*

▪ Стало предельно ясно, что «невидимая рука рынка» не может обеспечить общественные цели без четкого государственного ориентирования на них, обозначения конкретных приоритетов в макроэкономической политике. В научно-экспертном сообществе западных и развивающихся стран идет интенсивный поиск стратегических экономических концепций, связанных с новой ролью государства, общества, с поисками новой модели посткапиталистического развития, с установлением контроля над крупными банками и корпорациями. Но российские так называемые «элитарные» круги все это не интересует: их вполне устраивает современная модель несправедливого общественного и государственного устройства.

▪ Следует признать, что вся предыдущая экономическая политика российских правительств, основанная на догматических постулатах либертарианства, не решила главных задач структурного характера в национальной экономике. Ее нужно решительно менять. Национализации, денационализации (и конфискации) – это обычная политическая практика с глубокой древности, методы политики и больше ничего. Соответственно, «политизация» и идеологизация этих направлений выступает как средство политической борьбы, лишенной объективного подхода. От этого надо отказаться. Следует безусловно национализировать прежде всего

нефтегазовые корпорации – они должны быть исключительно государственными, с четким парламентским и отечественным контролем. Соответственно, следует определить параметры государственного экономического сектора, рассматривая его не как «временное явление», а скорее всего, как фундаментальную базу национальной экономики (некоторые отрасли тяжелой индустрии, ВПК, воздушный и морской флот и т. д.).

▪ Необходимо оптимальное сочетание этих двух видов экономической деятельности, то есть частной и государственной. Никто нигде не доказал преимущества частной собственности перед государственной с точки зрения эффективности. Дело в том, что в дурном государстве все дурно – и государственная, и частная собственность. Обе эти формы – суть тех конкретных общественных отношений, которые складываются в государстве и обществе. По самым достоверным исследованиям, к примеру, эффективность частных компаний значительно уступает бывшим государственным предприятиям при социализме (до 1991 г.); на них ниже производительность труда, но выше – показатели эксплуатации работника, прибавочная стоимость; меньше налоговые поступления и т. д.

▪ Социальная сфера: здравоохранение, образование и просвещение, фундаментальная наука, сфера жилищно-коммунального регулирования – это исключительные области деятельности государства и местных органов власти, в которых не может быть места частному предпринимательству. Они принципиально не являются сферами предпринимательской деятельности. Деятельность частных компаний в этих областях, как это уже наглядно показал опыт, действует угнетающе, не улучшает ситуацию, а привносит множество новых проблем. И, самое главное, многократно увеличивает затраты и населения, и государства. И – что особенно важно – в такой специфической стране, как Россия, с ее необъятными просторами, редконаселенностью и мощными залежами природных богатств, повышенное значение должны иметь государственная и кооперативная формы собственности, а также государственное экономическое вмешательство на всех уровнях власти.

▪ Налоговая система должна быть дифференцированной, а не строиться на принципе единого подхода ко всем категориям; она должна стать инструментом сокращения разрыва в уровне жизни между богатыми и бедными strata (выполнять функцию перераспределения доходов в пользу бедных слоев населения). При этом не следует взysкивать никаких налогов с граждан, чей уровень дохода меньше размера прожиточного минимума.

За прошедшие годы я неоднократно ставил вопрос о необходимости связать рентные доходы от природных ресурсов с Пенсионным фондом через определенные отчисления (спецналог). Официальные власти не услышали эту идею, но те, кто ее услышал, безо всякой ссылки на автора постарались ее вульгаризировать, предложив «передать в управление Пенсионному фонду нефтегазовый сектор». Согласно моей идее, установление определенного специального налога на все компании, занятые разработкой природных ресурсов, позволило бы достигнуть следующих результатов: во-первых, способствовало реализации конституционного принципа о том, что «природные богатства страны и ее недра являются собственностью народа России». А так как все наши граждане неумолимо становятся пенсионерами, достигнув установленного возраста, данный принцип и мог бы реализоваться в том числе и через этот неизбежный «пенсионный коридор» в жизни. Во-вторых, такой механизм мог бы стать надежным каналом пополнения

ресурсов Пенсионного фонда, испытывающего хронический дефицит средств для пенсионных выплат; последние неизбежно возрастают, в то время как их источники растут меньшими темпами.

▪ Цикличность – это всеобщий, универсальный закон экономических систем, причем любого типа, тем более если страна **прочно** находится в системе международного разделения труда (МРТ). Но он провоцируется и субъективным фактором. Планетарный экономический кризис во многом является следствием глобальной неолиберально-монетарной идеологии, доминировавшей последние три десятилетия в экономической политике большинства стран, в том числе России и ряда других переходных экономик. Идеализация крупных корпораций и банков, их бесконтрольное предпринимательство, направленное на одну-единственную задачу (выколачивание сверхприбылей любой ценой, не считаясь с общественными интересами) – это одна из главных причин возникновения кризиса. Он показал полную непригодность этой доктрины как руководства по экономической политике. Необходима качественно иная парадигма экономической политики, обеспечивающая бóльшую справедливость при распределении общественных благ.

Литература

Кругман П. Возвращение Великой депрессии. М., 2009.

Речь президента США Б. Клинтона на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов 25 октября 1995 года [Электронный ресурс]. URL: http://pikabu.ru/story/rech_prezidenta_ssha_uilyama_billa_klintonna_na_zakryitom_soveshchaniy_obedinennogo_komiteta_nachalnikov_shtabov_25_oktyabrya_1995_goda_347746.

Стиглиц Дж. Крутое пике. М., 2011.

Lavergne B. Le gouvernement des démocraties modernes. T. 2. Paris, 1933.

Vor 2012 werden wir keine Erholung erleben // Die Welt. 2009. Januar 20.

Williamson J. Introduction // Latin American Adjustment. How Much has Happened? / Ed. by J. Williamson. Washington, D.C., 1990. Pp. 1–3.

ЗАПАД И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Гранин Ю. Д.*

В статье анализируются возможности новых индустриальных стран разных регионов планеты вырабатывать альтернативные западному модернизму стратегии модернизации. Лучшие всего это получается у Китая, Индии и Японии, модернизовавшихся на собственной цивилизационной основе. России пока не удастся создать собственную модель модернизации. Она реализует стратегию догоняющего развития, поскольку власть и элиты находятся под обаянием либеральных теоретических клише, утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций образования и науки.

Ключевые слова: глобализация, вестернизация, модернизация, наука, образование, цивилизация, экономика.

The article analyses the opportunities of emerging industrial countries of different regions of the world to develop modernization strategies alternative to the Western modernism. It turns out that China, India and Japan have carried out modernization on their own civilization basis and have succeeded best of all. Russia has failed to create her own model of modernization and realizes the strategy of “the catching-up development” since the authorities and elite are fascinated by the liberal theoretical cliches, and have lost the skills to understand the difficult structure and importance of social functions of science and education.

Keywords: globalization, westernization, modernization, science, education, civilization, economy.

Вопрос о выработке альтернативных западным стратегий модернизации обсуждается специалистами в контексте проблемы вестернизации – доминирующей евроатлантической исторической формы глобализации, к середине прошлого века окончательно разделившей человечество на страны первого, второго и третьего мира. Означает ли это, что будущее человечества связано с неизбежной вестернизацией стран мировой периферии и полупериферии? Каковы их шансы «на равных» вписаться, если можно так выразиться, в евроатлантический глобальный контекст и многие ли из них в обозримом будущем останутся на политической карте мира? И удастся ли тем, кто останется, выработать собственные – национальные – формы стратегий развития и какие именно?

Точный ответ на эти вопросы, разумеется, даст будущее. Но уже сейчас очевидно: многообразии вариантов ответов на сформулированные проблемы в со-

* Гранин Юрий Дмитриевич – д. ф. н., профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии. E-mail: maily-granin@mail.ru.

временных научных изысканиях зависит, в частности, от предпосланных им парадигм исследования современного мира. Рассмотрим некоторые из них.

* * *

Прежде всего обратим внимание на общеупотребительное значение термина «модерн», то есть современность – эпоха в развитии капитализма, начало которой датируется Новым временем. Именно тогда, полагали основоположники теории модернизации Р. Арон, У. Ростоу, Ш. Эйзенштадт и др., первоначально локализовавшись в странах Западной Европы и затем распространившись по всему миру, сформировалась *modernity* (современность) – наилучшая (капиталистическая) хозяйственная система и одновременно передовые тип общественного (экономического, социального и политического) развития и тип общества, выступающие для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования.

Эта точка зрения, интерпретирующая историю человечества XVI–XX столетий с позиций европоцентризма, была господствующей вплоть до начала 1970-х гг. Ее основной постулат – все общества проходят эволюционные стадии роста на пути от примитивной, статичной и функционально не разделенной традиционности к современности, характеризуемой господством капиталистического уклада хозяйства, выделенной персональностью, преобладанием инноваций над традициями, инновационной динамичностью, рациональным научным управлением, неуклонным материальным ростом, новым типом государственности (суверенное правовое демократическое государство), дифференциацией на функциональные сферы экономики, политики и культуры. Тем самым всемирно-исторический процесс интерпретировался в виде некоего линейного прогресса с эксплицитно заданной и, как позже выяснилось, идеологически окрашенной целью: предполагалось, что все страны должны стремиться достичь высшего уровня современности, воплощением которого были США.

Однако интеллектуалы этих стран (из Азии, Африки, но прежде всего из Латинской Америки), труды которых образовали направление постколониальных исследований, подвергли сомнению положение большинства теорий модернизации о том, что «неразвитые» страны повторяют путь, который уже прошли нынешние развитые государства. Дело в том, что многие латиноамериканские страны обрели независимость еще в начале – середине XIX в. и с тех пор неоднократно предпринимали попытки модернизации. Однако им не удалось даже приблизиться к экономикам стран Западной Европы и США. Причины такого положения дел были глубоко проанализированы в неомарксистских концепциях периферийного капитализма Р. Пребиша, зависимого развития (депендетизма) П. Бэрна, С. Фуртадо, Ф. Кардозу, концепции «развития недоразвития» А. Г. Франка и неэквивалентного обмена А. Эммануэля. Их лейтмотивом стала идея естественно-исторического развития социальных форм жизни, при котором «культура имеет значение» для развития капитализма в странах разной цивилизационной принадлежности.

В 1970-е гг. эту мысль подхватили последователи Ф. Броделя – основоположник мир-системного подхода И. Валлерстайн и его коллеги (А. Бергезен, Ф. Борншир, К. Чейз-Данн, С. Амин, А. Франк и др.), занявшиеся изучением истории становления глобальной системы капитализма. Важно иметь в виду, что мир-системная теория предложила новую методологию изучения социальной реальности, отличную не только от господствовавших в западной социологии того

времени концепций модернизации, но и от структурного функционализма Т. Парсонса. Прежде всего И. Валлерстайн изменил представление о фундаментальных объектах исследования. Он отказывается от понятия «общество» и заменяет его концептом «историческая система», подчеркивая тем самым непрерывную динамику общественных процессов, их «жизненную» природу.

Исторические системы как фундаментальные объекты исследования Валлерстайн разделяет на две группы: «мини-системы» и «мир-системы» (или миросистемы). По мысли социолога, анализу подлежат только мир-системы (world-systems) – «крупные и устойчивые во времени единицы». Мир-система для социолога – «это не просто мировая система, а система, которая сама есть мир и которая фактически почти всегда была меньше, чем весь мир» [Валлерстайн 2006: 5]. Он делит мир-системы на мир-империи – обширные политические структуры (например, Египет эпохи фараонов, Римская империя или Китай династии Хань) и мир-экономики – неравномерные цепи структур, основанные на торговле и производстве.

Таким образом, созданный И. Валлерстайном мир-системный анализ основывается на новой научной картине социального мира, вводит новый фундаментальный объект исследования – «исторические системы», меняет философские основания социоэкономического исследования. Онтологические основания его теории представляются сеткой категорий: «мир-система», «мир-экономика», «мир-империя», «время-пространство», «время большой длительности», «ядро», «периферия», «вековые тренды», «геоистория», «геокультура» и т. д.

Подчеркивая значимость этого обстоятельства, следует иметь в виду европоцентричный характер мировой динамики Валлерстайна, которая плохо согласовывалась с историческими данными, на что обратили внимание последователи «линии Броделя» в мир-системном анализе А. Г. Франк и Б. Джиллс. Они выступили против идеи Валлерстайна о зарождении капитализма в Европе и неизменном разделении мира на центр, периферию и полупериферию. Критикуя европоцентризм Валлерстайна, они доказывали, что смещение мировых центров с Востока на Запад произошло в период с 1250 по 1450 г., охватывающий первый «вековой тренд» Броделя. По их мнению, новая европейская капиталистическая система возникла на периферии существующей восточной системы. Эту точку зрения сейчас разделяют многие современные сторонники мир-системного подхода, которые на основе большого конкретно-исторического материала относят существование восточной мир-системы к Средним векам и даже к эпохе бронзового века. В итоге оформился принципиальный поворот изучения истории человечества как глобальной целостности совсем в другом ракурсе: ракурсе противостоящего евроцентризму нелинейного полицентризма исторического развития, связанного с периодическими смещениями центров мировой динамики. В работах Дж. Абу-Луход, С. Амина, Э. В. Саида, Б. Тернера, П. Кеннеди данное направление исследований получило название реориентализма. Некоторые идеи и результаты этих исследований способствовали уточнению и развитию модернистской парадигмы в социальных исследованиях, на основе которой сформировался так называемый *модернистский подход*.

Как и другие, он не является внутренне единым, а представляет сложную совокупность многочисленных теорий модернизации и постиндустриализма, находящихся между собой в отношениях конкуренции, но объединенных общим представлением о наступлении принципиально нового – постиндустриального

или постмодернистского – этапа в развитии человечества [Иноземцев 1999: 3–66]. Игнорируя пропагандируемую мир-системниками возможность смены полюсов мирового развития, представители модернистского подхода едины в негативном отношении к теориям локальных цивилизаций, предпочитая оперировать макро-историческими категориями, выстраивая проекции исторического развития по линиям «аграрное – индустриальное – постиндустриальное общества» или «досовременное состояние – эпоха (общество) модернизи – эпоха постмодернити (постсовременность)». За рубежом приверженцами модернистского подхода являются Д. Белл, Э. Гидденс, П. Дракер, С. Крук, С. Лэш, а в России – В. Л. Иноземцев, С. А. Караганов и ряд других авторов.

Их объединяет одна очень простая и фатальная мысль – шансов догнать и перегнать Запад у «всего остального мира» в обозримом будущем нет. Думаю, это спорное утверждение. Прежде всего, повторю, следует помнить о нелинейности развития человеческой истории, о том, что, уходя в глубину веков, глобализация осуществлялась в сложной диалектике исторических форм – в череде многих попыток объединения человечества на основе разных конкурирующих между собой цивилизационных моделей развития [Гранин 2014а: 90–103]. С конца XVIII в. доминирующей формой глобализации окончательно стала евроатлантическая модель развития, проводниками которой были крупнейшие колониальные империи Запада. Прочно связав человечество путями транснационального финансового и промышленного капитала, международных союзов и организаций, эта навязанная многим народам форма развития уже к началу XX в. действительно стала восприниматься большинством в качестве наилучшей, побудив многие страны встать на путь догоняющей модернизации. Однако начавшаяся со второй половины 1990-х гг. третья волна глобализации вместе с тем показала бесперспективность политики догоняющей модернизации и, вызвав к жизни плюрализацию и кризис идентичности во многих незападных странах, в конце концов дала толчок к выработке их правительствами национальных моделей модернизации [Его же 2007: 116–121; 2014б].

Запад отреагировал на них очередным кризисом конвенциализации, когнитивно выразившимся в переписывании прежде казавшихся незыблемыми теоретических постулатов – новом теоретическом оправдании космополитизма, появлении концепций «рефлексивной современности», «глобального гражданства» и «глобального гражданского общества», «коммуникативной этики» и концепции «третьего пути» [Его же 2012: 807]. Ни одна из них не может предложить устраивающие всех рецепты решения глобальных проблем современности, но все они в чем-то дополняют друг друга, создают пространство диалога и активно влияют на политику правительств государств самой разной цивилизационной принадлежности. От того, в каком направлении будут двигаться эти страны, отвечая на «вызов Запада», вырабатывая собственные представления о прогрессе и собственные модели модернизации, зависит грядущее устройство мира. И совсем не исключено, что полюс исторического доминирования сместится в сторону нынешней мировой полупериферии, стран с иной – незападной – цивилизационной идентичностью. Определенные предпосылки для этого есть.

* * *

Многие исследователи связывают перспективы государств полупериферии с паллиативными мерами: со стратегией концентрации ресурсов на передовых

направлениях НТП, либо с формированием правовой базы глобализации для установления действительного равноправия всех участников глобализационного процесса, или, например, с сокращением потребностей стран-лидеров в дешевой рабочей силе. Последние два предложения имеют утопический характер. Зато вполне реальны национальные формы стратегий модернизации, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма. Взамен предлагается признание приоритета национальных интересов, развитие экономики, опирающееся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но главным образом на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и национальных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу.

Пример первого варианта развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности: не меняясь социокультурно, японцы провели технологическую революцию. По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Правда, их успехи в долгосрочной перспективе оказались не столь значительными в сравнении с Китаем, успех которого был особенно впечатляющим.

* * *

Китай занялся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меняя системы социальных и политических ценностей. По мнению некоторых ученых, КНР дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности: «В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто носители функций, а прежде всего патриоты... Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское» [Буров, Федотова 2007: 18]. На это же обстоятельство указывает известный китайский ученый, автор программы «конфуцианского мегапроекта» Ту Вэймин: «Успехи конфуцианской Восточной Азии, которая добилась практически полной модернизации и при этом избежала абсолютной вестернизации, ясно показывают, что модернизация допускает разные культурные формы» [Ту Вэймин 2014: 11].

Китайское руководство, как и китайские ученые, исходит из того, что современная (евроатлантическая) форма глобализации является объективным процессом. Но подходит оно к ней так, чтобы извлечь из нее максимум выгод для страны, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с данным процессом. Для этого с 2001 по 2010 г. Центром исследования модернизации и Группой исследования стратегий модернизации Китая, специалистами, работающими в Китайской академии наук (директор центра и руководитель группы – профессор Хэ Чуаньци) были подготовлены 10 ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно характеристику общего ее состояния в мире и Китае на соответствующий год [Обзорный... 2011].

Поражает не только огромный объем системной работы, но и объективность исследования: разделив модернизацию на «первичную» и «вторичную», разработав индексы развития и проанализировав в соответствии с ними 131 страну, они включили Китай лишь в число «предварительно развитых» стран, которые до-

стигнут уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 г. Но, учитывая темпы роста, китайский прагматизм и многолетнюю продуманную внешнюю и внутреннюю политику Китая, эти цифры должны быть скорректированы в сторону значительного уменьшения.

Китайское руководство настойчиво добивалось приема в ВТО, но с такой же настойчивостью оно отстаивало в ходе обсуждения условий приема собственные интересы. Некоторые уступки (снижение тарифов на высокотехнологичную продукцию из США и др.) были сделаны лишь на словах, чтобы добиться результата на переговорах. В стратегическом же плане сохраняется политика протекционизма, особенно в отношении сельского хозяйства и зарождающихся отраслей промышленности. С другой стороны, китайцы обнаружили, что некоторые меры ВТО могут быть обращены в орудие самозащиты (использование антидемпинговых законов, повышение контроля за качеством импортных товаров и др.).

В 2010 г. Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995–2009 гг.: быстрее всего наука развивается в Китае, который уже сравнялся с Соединенными Штатами по количеству научных работников. С тех пор ситуация не изменилась. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост, а в России основные показатели научно-технического развития не растут, а снижаются.

Таким образом, у китайцев явно есть чему поучиться, прежде всего тому, как отстаивать свои национальные интересы. Для руководства этой страны поиск более выгодных условий на международном рынке менее важен, чем участие в создании правил игры на этом рынке. Как пишут исследователи, китайские лидеры, признавая необходимость углубления интеграции с международной экономикой, стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость. В результате такой национально ориентированной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) такой силы, что теперь Китай по их уровню занимает второе место после США.

Секрет успеха кроется в сохранении роли государства в экономике, которая особенно возрастает в современных условиях, характеризующихся нестабильностью финансового капитала и колебаниями мировых рынков. Показательно, что азиатский кризис 1997–1998 гг. не затронул Китай, хотя страна экономически связана с государствами Юго-Восточной Азии, оказавшимися в кризисе. Произошло это потому, что финансовый сектор в КНР не был либерализован. В результате оказалось, что лидеры модернизации – «азиатские тигры» – стали менее привлекательными партнерами для мировых транснациональных компаний (ТНК), а Китай, напротив, стал более интересен для них вследствие своей недостаточно глубокой интеграции в глобализацию финансов. Целью мировых ТНК при проникновении в Китай является быстрая прибыль, они заинтересованы в стабильном правительстве, благодаря которому в стране взят курс на китаизацию продукции, что в свою очередь обеспечивает лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК становятся «патриотичными» в своей стратегии, чем вряд ли могут похвалиться другие страны полупериферии.

Деятельность ТНК на китайской территории относительно свободна от государственного регулирования, прежде всего в особых экономических зонах – Шанхае и Тяньцзине. Причем коммунистическое государство часто оказывается

союзником не своих граждан, а ТНК в решении трудовых конфликтов. В Китае усиливается поляризация общества, а либерализация торговли не проходит бесследно для внутренних производителей. Вместе с тем у Китая в отношении ПИИ есть преимущество: приходящий в страну иностранный капитал на треть является вложениями китайцев, проживающих за рубежом. В России, как известно, ситуация прямо противоположная, и именно из-за слабости государственного регулирования. Если руководство КНР пошло на сочетание различных форм собственности, то в России бывшая номенклатура сосредоточила усилия на экспроприации собственности. В 1990-е гг. у нас слепо копировали рекомендации МВФ, впав в либеральный догматизм, а успех китайских реформ связан с их постепенностью и сохранением контроля над экономикой. Помимо привлечения мировых ТНК инструментами транснационального хозяйствования в КНР выступают государственные ТНК, экспорт капитала и рабочей силы, что в комплексе способствовало резкому усилению активности Китая на международной арене.

Еще одно преимущество китайской стратегии модернизации, которого нет у России, заключается в том, что при успешном развитии рыночной экономики рыночные ценности не могут доминировать здесь над остальными сферами жизни, прежде всего социальной и культурной. В результате создается успешный и перспективный баланс, стимулирующий стабильное развитие. Как пишет Ань Вэй, «гражданское право гарантирует эффективность рынка, а государственное административное право гарантирует социальную справедливость» [Ань Вэй 2005: 169].

В отличие от прежних стратегов российских реформ 1990-х гг. китайские руководители сделали акцент на доминирование общественного сектора, государственное финансирование НИОКР, социальную политику и инвестиции в человеческий потенциал. Этот стратегический выбор привел к небывалым темпам роста экономики, совершенно отличным от спада, пережитого Россией, где безразлично относились и к науке, и к человеческому потенциалу, несмотря на проводившиеся в РАН исследования. Видимо, все дело в выборе правильной стратегии: китайские руководители и представители интеллигенции правильно решили для себя проблему соотношения современной (в значительной степени скоренной по американским лекалам) глобализации и патриотизма – на основе приоритета национальных интересов. «Целенаправленный акцент на патриотизм, чувство национального достоинства, подкрепляемый все более очевидными успехами страны в социально-экономическом развитии, превращается в одну из центральных идей общественной жизни» [Буров 2005: 49].

Показательно, что патриотические настроения являются в КНР не предметом споров, как в России, а составляют консенсус элиты и массы. Прозападно настроенная часть китайской интеллигенции и международные правозащитные организации выражают обеспокоенность тем, что эти националистические настроения могут целенаправленно использоваться руководством КПК. Однако речь следует вести скорее о национальном консенсусе. Это особенно наглядно проявляется при анализе высказываний китайских политиков и интеллектуалов. Большинство из них, повторю, считают глобализацию объективной исторической тенденцией и рассматривают ее как новую стадию процесса модернизации. Которая, как считают китайцы, может быть осуществлена только на основе национального единства страны. По мнению китайских ученых, западная теория гуманитарных интервенций и ограниченного суверенитета, которая стала идеологической основой для вмеша-

тельства в дела Югославии, Афганистана, Ирака и др., используется правящими кругами западных стран для осуществления гегемонистской политики.

Несмотря на то, что в 2013–2014 гг. темпы роста китайской экономики снизились, она продолжала оставаться первой в ряду быстрорастущих экономик Азии. В 2015 г. экономический рост в Китае составил около 7 %. Не случайно в конце 2015 г. Директор Международного валютного фонда (МВФ) К. Лагард и два десятка членов исполнительного совета фонда на заседании в Вашингтоне включили большинством голосов китайский юань в корзину ключевых международных валют, на основе которой рассчитывается стоимость специальных прав заимствования (SDR) МВФ. Таким образом, юань примкнул к престижному клубу доллара США, евро, иены и фунта стерлингов, которые образуют искусственное резервное и платежное средство, созданное МВФ в 1969 г. Кроме того, правительство планирует активно стимулировать экспорт китайского капитала за рубеж в форме ПИИ – объем китайских ПИИ в следующие 10 лет может достичь 1,25 трлн долларов.

В 2015 г. были осуществлены государственные программы инвестиций в инфраструктуру, запущенные еще в 2014 г. Было одобрено строительство 16 железных дорог и 5 аэропортов с общим объемом финансирования более 110 млрд долларов. Кроме того, рассматриваются еще более 50 проектов для привлечения частных инвестиций общим объемом около 160 млрд долларов. При их осуществлении предполагается отработать систему государственно-частного партнерства.

Правда, в последние два года Китай постепенно идет по пути дерегулирования – взят курс на допуск частного китайского капитала в отдельные сегменты экономики, прежде всего в отрасли, монополизированные госкорпорациями. Сохраняют актуальность увеличение производства высокотехнологичных товаров, увеличение доли таких товаров в общем объеме китайского экспорта. В этих условиях Китай пытается компенсировать «недобор» темпов, а также усилить позиции своей высокотехнологичной продукции расширением экспорта капитала, в том числе в рамках стратегии экономического пояса «Шелкового пути». Ее реализация предполагает создание транспортных коридоров от Тихого до Атлантического океана на основе китайских технологий в области строительства скоростных железных дорог и инфраструктурных инвестиций. Китай через разные источники – региональные банки развития, региональные фонды инфраструктурных инвестиций и др. – предоставляет странам-получателям льготные кредиты на строительство железнодорожных магистралей при условии использования китайских технологий и поставок продукции китайских промпредприятий в страну осуществления проекта. При этом используются меры поддержки экспорта – страхование, льготное кредитование и т. д.

Предполагается, что вслед за китайскими железными дорогами в страну-получатель придет китайский бизнес. В 2015 г. на продвижение «Шелкового пути» были направлены основные усилия китайского правительства во внешней политике. Географический приоритет мегастратегии на первом этапе реализации – страны Центральной Азии, далее Восточная, Центральная и Западная Европа. Соответствующее предложение было сделано и России – проект строительства высокоскоростной магистрали «Москва – Казань», а также участие китайских компаний в создании транспортного коридора «Владивосток – Москва». Планируется активное вовлечение в строительство экономического пояса китайского малого и среднего бизнеса.

Индия также является страной, способной создать альтернативную национальную модель модернизации на собственной цивилизационной основе. После завоевания независимости правительство Индийского национального конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью. Однако влияние принципов общества потребления привело в 1980-е гг. к отказу от системы регулирования импорта, от ограничений деятельности ТНК и притока иностранного капитала. Однако индийские лидеры того времени в отличие от китайских руководителей усмотрели в привлечении зарубежного капитала источник экономического роста, в то время как в Китае само развитие экономики вследствие политики регулируемого государством рынка привлекало этот капитал. В результате в 1980–1990-е гг. уровень экономического развития Индии мало изменился. ПИИ не оправдали доверия, и рост потребления предметов роскоши не повлек за собой экономического прогресса. Стране все еще трудно справиться с проблемой массовой нищеты, висящей тяжелым грузом на экономике. Меры по либерализации финансовой системы в 1990-е гг. лишь усугубили положение, причем не только нищих, но и бедных (например, лиц с небольшими вкладами).

В то же время экспансия евроатлантического глобализма не принесла Индии и серьезных потрясений, имевших место в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Это явилось следствием того, что в индийском обществе сохранялось общее мнение о необходимости самостоятельного развития в соответствии с национальными интересами страны. Глобализация не рассматривалась как однонаправленный процесс вестернизации, и считалось, что страна может выбирать собственную стратегию развития. В Индии существовало и существует согласие между основными политическими силами по ключевым вопросам развития и участия в глобализации. Индийские реформы не изменили ориентации на защиту внутреннего рынка. В результате позиции национального капитала продолжали укрепляться. Приватизация части государственного сектора оказалась более успешной и эффективной, чем в России. Реформы шли без скачков и разрушений, что выгодно отличало их от российских реформ. Правда, доля страны в международной торговле продолжала неуклонно снижаться, роль ПИИ оставалась незначительной. Упор делался на развитие внутреннего рынка. Это была вовсе не политика автаркии, но разумное сосредоточение на собственных проблемах. В результате ряд из них удавалось успешно решать.

Неслучайно в первое десятилетие XXI в. экономика Индии демонстрировала темпы роста, сопоставимые с китайскими. Достигнув на короткое время в 2009 г. показателей Китая в 9,1 %, Индия с тех пор явно замедлила развитие. В 2010 г. темпы роста снизились до 8,8 %, в 2011 г. – до 7,1 %, в 2012 г. рост составил 6,9 %. Индия не только не сумела обогнать по этому показателю Китай, она снова последовательно отстает от него на 1–2 %. Правда, по данным исследования международного рейтингового агентства Moody's, в 2015–2016 гг. темпы роста ее экономики составят 7–7,5 %, и это будет самый высокий экономический рост среди G20 [Moody's 2015]. Но учитывая, что по показателям на душу населения КНР превосходит Индию более чем в два раза, возможные темпы роста следует воспринимать со сдержанным оптимизмом.

Нельзя сказать, что внятная альтернативная национальная стратегия в Индии уже сложилась, но все предпосылки к этому имеются. Это пестрое в культурном отношении общество способно инкорпорировать в свой состав различные куль-

турно-идеологические конструкты, сохраняя при этом свое своеобразие. У Индии, считает Т. Шриниваса, как у богатой и древней цивилизации, есть потенциал и для культурной эмиссии, и для выработки альтернативных структур современности [Многоликая... 2004: 49].

* * *

Опыт выработки национально-региональной стратегии модернизации у стран Юго-Восточной Азии принадлежит скорее прошлому, чем будущему. Успех «азиатских тигров» в 1980-е гг. был связан как раз с использованием их национально-культурных особенностей при проведении политики модернизации и открытости. Но неверной оказалась сама стратегическая линия – поиск удачного места в глобальной экономике вместо приоритетов национального экономического развития. И очередной шторм в океане мирового капитала смыл достижения этих стран. В результате глобализированные экономики стран ЮВА оказались в зависимости от капризов глобальной финансовой системы и утратили свой национальный суверенитет. Разразившийся кризис стал полной неожиданностью. И если западные инвесторы сумели выйти из него с небольшими потерями, то в самих этих странах он привел к массовой безработице, остановке производства, падению уровня жизни. Диктатуры сначала Ф. Маркоса, а затем и М. Сухарто были свергнуты, власть тайских генералов ограничена, а Чон Ду Хван и Ро Дэ У оказались под судом.

Что же касается Латинской Америки, здесь мы пока наблюдаем лишь робкие попытки выработки альтернативной западной континентальной стратегии модернизации. Народные массы в этих странах всегда отличались революционностью, а элиты ориентировались на интересы США, а не на собственные национальные интересы. Правда, в 1950–1970-х гг., когда во многих странах Южной Америки пришли к власти откровенно авторитарные политические режимы, получившие название «авторитаризмов развития», они обеспечивали – как экономическими, так и административными методами – существенное увеличение доли капиталовложений в ВВП, в том числе и за счет богатых слоев общества. Они проводили политику, направленную и на технологическую модернизацию существующей промышленности, и на создание принципиально новых для страны отраслей хозяйства, обеспечивали условия для подготовки новой рабочей силы, создавали национальные системы образования и научных исследований**. При этом «авторитаризмы развития» использовали не только репрессии, осуществляя «принуждение к прогрессу». Они опирались на идеологию, обеспечивавшую общественный консенсус: общество, или по крайней мере его наиболее активная часть, соглашалось обменять политические свободы на рост материального благосостояния и расширение возможностей вертикальной социальной мобильности. Другими словами, «авторитаризм развития», с одной стороны, отбраковывал неспособную к новой работе часть населения, а с другой – открывал перспективы, в том числе и для выходцев из социальных низов, сделать карьеру честным трудом, благодаря способностям и усердию. Затем это наглядно проявилось в ходе ускоренных модернизаций в НИС Азии, а сегодня наблюдается в Китае и Вьетнаме, где принцип меритократии восходит к конфуцианской традиции.

** Последнее, как правило, делалось не на начальных этапах модернизации, а после достижения приемлемого уровня промышленного развития [подробнее см.: Авторитаризм... 2005].

Однако политические трансформации 1990-х гг. привели к череде экономических крахов (Мексика, Бразилия, Перу, Аргентина), явственно свидетельствовавших, что четкое следование компрадорских элит рецептам МВФ не принесло экономического эффекта. Раскол же между элитами и массой не способствует национальному консенсусу и выработке единой стратегии модернизации. Странам континента предстоит решать задачи восстановления независимости от западных ТНК. Осознание этого объясняет приход к власти левых правительств в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Боливии, Чили, часть из которых уже стала значительно «правее» в ходе последних выборов 2015 г. Однако и они никакой серьезной альтернативы предложить не смогли. Выработка альтернативной стратегии вестернизации и неолиберализму здесь – дело будущего.

* * *

Из африканских стран в качестве претендента на собственную стратегию модернизации может рассматриваться только ЮАР – государство, в высшей степени открытое западным влияниям. Это касается как белого населения, так и чернокожего и вообще цветного, традиции борьбы которого с апартеидом формировались в основном по западным же стандартам. Однако пока ЮАР отстает в плане усвоения методов преуспеяния в глобальной экономике. Президент этой страны Т. Мбеки выдвинул концепцию «африканского ренессанса», включающую развитие демократии, достижение приемлемых темпов экономического развития, освобождение от бремени долга, борьбу со СПИДом, обретение культурного богатства исторического прошлого народов Африки. По существу, это стратегия привлечения западных инвестиций, придания положительного имиджа странам континента, прежде всего ЮАР, традиционно связанной с Западом. Скорее речь здесь идет не столько о выработке альтернативной стратегии модернизации, сколько об усвоении западных ценностей для решения задач индустриального периода. Безусловно, Южно-Африканская Республика является субрегиональным лидером, и ее глобальное значение будет возрастать. Альтернативная африканская концепция развития, конечно, существует, но в настоящее время она слишком слаба и противоречива. По опубликованным 6 января 2016 г. данным Всемирного банка, в 2015 г. экономический рост в ЮАР составил всего 1,3 %, а в 2016 г. прогнозировался лишь в размере 1,4 % [Доклад...].

Прочие страны мира скорее приспосабливаются к евроатлантическому модернизму, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это приспособление получается отчасти успешно – как, например, у аравийских монархий [Яковлев 2002: 72–82], хотя в полной мере усвоить западные стандарты жизни и выработать собственные геополитические стратегии и национальную модель развития здесь не удается [Его же 2007].

Некоторые исследователи видят перспективу в создании треугольника «Россия – Индия – Китай» как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Настало время объединить усилия Индии, Китая и России для выхода из плена ошибочных концепций и поиска более приемлемых стратегий для себя и других

стран. Однако в этой триаде Россия, к сожалению, в обозримом будущем не станет лидером по многим причинам. Обозначу лишь некоторые.

* * *

В отличие от Китая, разработавшего стратегию модернизации еще 15 лет назад, у нас только в 2010 г. была создана Комиссия по модернизации при Президенте РФ. Уже тогда многие заметили, что модернизация истолковывается правительством прежде всего в технологическом ключе, а по мнению некоторых когда-то влиятельных аналитиков, провозглашенная политика модернизации в действительности есть не что иное, как «прогрессизм» – инструментальный ответ на геополитические вызовы без четко обозначенной цели, позволяющей власти инициировать политику «чрезвычайщины» и позиционировать себя в качестве «инновационной» [Павловский 2010: 2]. В конце 2012 г. в интервью «Новой газете» Г. Павловский высказался в том же духе, заявив, что у президента и его окружения нет «стратегии, нет культуры мышления о сложных вещах» [Его же 2012]. Позже, в 2014 и 2015 гг., примерно те же оценки давали появившиеся как из-под земли разнообразные финансовые и прочие «аналитики». С глубокомыслием рассуждая о зависимости курса иностранной валюты от мировых цен на углеводороды, от международных санкций, отрезавших страну от иностранных кредитов и технологий, они предрекли России экономический дефолт и следующий за ним социальный взрыв.

Ничего этого ожидаемо не случилось. Но в критике правительства, его консультантов и экспертов было много справедливого. Думаю, большинство из них придерживаются либеральной идеологии, находятся под обаянием либеральных теоретических клише, опирающихся на парадигму одновекторного линейного прогресса. Помимо неизбежных упрощений, блокирующих доступ исследователей к российским реалиям, эта теоретическая оптика чревата синдромом постоянного реформаторства, основанного на стремлении насильственного уподобления России странам «идеального Запада», опыт которых надо заимствовать.

Но «догнать и перегнать» Запад не получается. В силу цивилизационных особенностей, экзогенного характера модернизации и ее регулярных срывов в нашей стране продолжают сохраняться элементы социальной архаики: социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения, выражающиеся в произволе чиновников, социальной практике чиновных «кормлений», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии. Вместе с появлением «власти-собственности» (свободной конвертации власти в деньги и собственность и обратно) эти и некоторые другие виды социальной практики, показывают исследователи, взаимосвязаны и несовместимы с индустриальным характером развития РФ [Рябов 2008]. «Вероятно, – замечает Александр Шубин, – наши правители осознают, что по мере смещения страны в “третий мир” она деградирует социально. Соответственно, задача перехода к модернизации может читаться как надежда переломить тенденцию деградации, развернуть вектор движения страны от регресса к возвращению на путь современного прогресса» [Шубин 2010].

Быть может. Но дело не только в «правителях». Следует взглянуть правде в глаза и признать, что огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяжении 300 лет, уже более двух десятилетий остается почти без средств развития и без социаль-

ной поддержки. И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяется СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Не случайно протесты ученых против поспешной «реформы» РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных элитах даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки.

Несмотря на то что начиная с нулевых годов Академия наук, разные бизнес-сообщества, многочисленные специалисты пишут программы по индустриализации, деофшоризации, развитию конкурентных несырьевых производств и по многим другим направлениям реформирования «экономики трубы», фактически ничего из предложенного сделано не было. Зато чиновники лихо занялись «оптимизацией» науки и образования – сокращением их финансирования. Если в Китае инвестиции в науку и образование в последние годы растут примерно на 20 % ежегодно, что позволило ему по числу ученых сравняться с США (примерно 1,5 млн человек), то у нас наблюдается отрицательная динамика: в 1995 г. в России было около 600 тыс. научных работников, а сейчас осталось лишь около 450 тыс. В Китае каждый год число ученых возрастает почти на 9 %, а в России – снижается на 2 %.

В 2013–2015 гг. финансирование науки и образования сократилось с 605,6 до 572,6 млрд рублей, что отражает истинную суть обещаний властей относительно модернизации. Финансирование РАН в 2013–2015 гг. составило 111,2 млрд рублей. В 2013 г. бюджетные ассигнования на деятельность академии составили примерно 36,3 миллиарда рублей; в 2014 г. выделено 37,4 млрд рублей, в 2015-м – около 37,5 млрд. Зато на «Сколково» и «Роснано», результаты деятельности которых (исключая скандалы) видны лишь в микроскоп, в 2014 г. было потрачено более четверти миллиарда.

С учетом обострения конфронтации с США и Европой, экономических санкций и роста инфляции, в соответствии с которыми осенью 2014 и 2015 гг. наш бюджет вновь был скорректирован, очередное абсолютное сокращение финансирования науки и образования очевидно. Кстати, дальновидные правительства поступают ровно наоборот: именно в трудные времена увеличивают вложения в науку, так как уверены, что только она способна найти эффективные способы выхода из кризиса. Но у нас, как водится, собственный российский путь в будущее, который, как ни странно, контролируется Западом. Спровоцировав государственный переворот на Украине, США и Евросоюз фактически втянули Россию в геополитическое соперничество и гонку вооружений, победить в которых у нас почти нет шансов. В этих условиях о серьезной государственной поддержке отечественного образования и науки можно только мечтать.

Литература

Авторитаризм развития: Генезис, функции, перспективы («круглый стол») // МЭиМО (Мировая экономика и международные отношения). 2005. № 5. С. 41–53; № 6. С. 92–105.

Ань Вэй. Глобализация и право // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 166–170.

Буров В. Г., Федотова В. Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 7–20.

Буров В. Г. Китайский взгляд на государство в условиях глобализации // Судьба государства в эпоху глобализации. М. : ИФ РАН, 2005. С. 41–52.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М. : Республика, 2006.

Гранин Ю. Д. Что такое «глобализация»? // Высшее образование в России. 2007. № 10. С. 116–121.

Гранин Ю. Д. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим» // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 9. С. 807–813.

Гранин Ю. Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014а. № 1. С. 90–103.

Гранин Ю. Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб. : Экспертные решения, 2014б.

Доклад Всемирного банка «Глобальные экономические перспективы» [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/economics/24467586/>.

Иноземцев В. Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М. : Academia, 1999.

Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс, 2004.

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чуаньци, Н. И. Лапина. М. : Весь мир, 2011.

Павловский Г. Инновационная власть пытается соблазнить экономику // Русский журнал. 2010. № 46–47.

Павловский Г. Больше всего Путин, по-моему, опасается стать лишним // Новая газета. 2012. № 121. 24 октября. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/55076.html>.

Рябов А. Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working paper. 2008. № 4. С. 4–5.

Ту Вэймин. Разные взгляды на современность: о сущности восточноазиатской модели современности // Век глобализации. 2014. № 1. С. 3–12.

Шубин А. Модернизация и постиндустриальный барьер, или Почему у Медведева ничего не получается // Неприкосновенный запас. 2010. № 6(74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/sh24.html>.

Яковлев А. И. Аравийские монархии на пороге эры глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 72–82.

Яковлев А. И. Страны Востока. Синтез традиционного и современного. М. : Восточный университет, 2007.

Moody's 2015: Индия покажет самый высокий рост экономики среди G20 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gigamir.net/money/pub2172021>.

«ГЛОБАЛЬНЫЙ МОДЕРН» И НОВОЕ ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ

Лешкевич Т. Г.*

Статья посвящена осмыслению основных тенденций глобализации в сопоставлении с понятием «глокализация». Выявляются специфика понимания новой субъектности и векторы ее трансформаций в эпоху глобализма. Обсуждается значение интеллектуального капитала. Анализируется кластер понятий: субъект, субъектность, субъективность, выявляются их отличительные характеристики. Автор касается проблемы отношений «Я и Другой», показывает значение сетевых практик как современных форм субъективации. В статье рассмотрены качественные характеристики глокализации, связанные с ценностями локальных культур.

Ключевые слова: глобализация, технологический поворот, интеллектуальный капитал, субъектность, субъективность, идентификация, глокализация.

The article is devoted to the comprehension of globalization trends in comparison with the notion of glocalization. The author reveals the specific points of a new understanding of subjectivity and its transformation vector in the era of globalism. The article discusses the value of intellectual capital and analyzes the cluster of the following concepts: subject, subjectness, and subjectivity, and their distinctive characteristics. The author deals with the issues of the relationship between “I” and “Other”, shows the importance of network practices as modern forms of subjectivation. The article considers the qualitative characteristics of glocalization, which are related to the values of local cultures.

Keywords: globalization, technological turn, intellectual capital, subjectivity, subjective identity, glocalisation.

Глобальные вызовы изменили облик мира, значительно ускорив ритмы жизнедеятельности и захватив повседневное бытие человека. С точки зрения социокультурных подвижек глобализация оценивается исключительно амбивалентно. Она увеличила степень взаимосвязанности игроков на карте мира, но одновременно навязала стереотипы унификации; показала весомую степень открытости социальных систем и явственно обозначила возросшую степень неопределенности грядущих изменений; наметила магистральный путь развития и релятивизировала до предела ценностную систему мировосприятия; внесла серьезные изменения в стратегии жизнеориентирования современников и обнажила экзистенциальные проблемы духовности. Уже стало прописной истиной утверждение о том, что в условиях глобализующегося мира формируется единое мировое пространство, в котором свободно перемещаются информация, товар и капитал, а мобиль-

* Лешкевич Татьяна Геннадьевна – д. ф. н., профессор Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону. E-mail: Leshkevicht@mail.ru.

ность выступает в ранге важнейшей глобализационной ценности. Глобализация наметила контуры формирования единого геоэкономического пространства, пронизанного многообразными видами взаимозависимости: экономической, информационной, социокультурной, коммуникационной, экологической и пр., в связи с чем правомерно говорить о своеобразном «эпогенезе» [Чумаков 2016: 3–15], указывающем на возникновение уникальной эпохи, по-своему детерминирующей жизнедеятельность современников. Сетеобразующие функции приобретают большие города, что свидетельствует о глобальной «подключенности» и степени связанности в мировом глобализационном пространстве [Махновский 2016: 57]. Векторы глобализации, безусловно, оказывают свое конституирующее влияние на современное бытие. Все чаще философы говорят о современном человеке (в жизнь которого вынужденно встраиваются стремительно развивающиеся технологии и ритмы неравновесного мира) как о новом антропологическом типе, все чаще обсуждают перспективы трансформации субъектности. Каков он, субъект третьего тысячелетия, когда сама эпоха охотно примеряет на себя маркер не только постсовременности и постиндустриальности, но и постчеловечности?

Самые веские изменения субъектности в контурах новой парадигмы связаны, во-первых, с технологическим вектором, во-вторых, с вектором, определяемым «сетевой логикой» взаимодействий, в-третьих, с вектором идентификационных изменений и, наконец, с вектором гендерной параметризации субъектности. Вектор технологических трансформаций показывает, что на фоне развивающихся «вслепую» технологий все яснее очерчивается гибридизация человеческого и постчеловеческого. Имеется в виду ситуация своеобразной «сращенности», симбиоза человеческого и артефактного, когда субъект в целях своей адаптации должен быть «встроен» в существующую техносферу. Технологические сдвиги столь существенны, что на место субъектности приходит новая гибридная форма – некое интеллектуально-функциональное образование, получившее терминологическое обозначение – актант. Ему делегирован ряд значимых технологических функций, и он оказывается «действующим лицом» в постсовременности.

Это с новой силой демонстрирует рост зависимости эры глобализации от технологического поворота. Действительно, технологическая интенсификация современного бытия очень ощутима. Если нынешнее состояние сопоставить с традиционным пониманием субъектности, связанным с деятельной энергией и личностным вкладом познающего, то мы вынуждены зафиксировать следующее. В качестве познающего выступает не просто одаренная личность, а некий интеллектуальный регистр эффективно применяемого совокупного потенциала знаний и технологий. Место новой субъектности занимает тот узел (или образование), те «действующие факторы», которые трансформируют имеющуюся задачу, сопрягая ее с совокупностью технологических приемов и навыков, помноженных на допуски институциональности и властного потенциала. «Свободное творческое начало», постоянно испытывая на себе структурное давление, растворяется в поле социальных и ситуативных запросов.

В рамках описанной ситуации с новой силой заявляет о себе такой вид капитала, как интеллектуальный. Данный вид капитала и его приращения также свидетельствуют о воспроизводстве новой субъектности как наиболее универсальной единицы глобального модерна. Интеллектуальный капитал эпохи глобализации требует в качестве своего носителя не просто личность креативную и интеллекту-

ально одаренную, но инженерно и технологически грамотную, способную эффективно функционировать в современном производственном и коммуникативном пространстве. С учетом сложившихся исследований отмечаются три направления влияний интеллектуального капитала: давосская культура, субъектами которой являются представители мировой элиты, культура яппи – молодых городских профессионалов – и клубная культура интеллектуалов, распространяемая фондами, академическими структурами, неправительственными организациями и пр. [Многолика... 2004: 10–12]. Современные исследователи, в частности Э. Тоффлер, обращают внимание на возможность конвертации таких элементов, как власть, деньги и знания. «При определенных условиях каждый элемент может быть конвертирован в другой, – заключает он [Тоффлер 2003: 34]. Однако, по его мнению, именно «контроль над знаниями – вот суть будущей всемирной битвы за власть во всех институтах человечества» [Там же: 42]. Совершенно очевидно, что интеллектуальный капитал является существенной предпосылкой и основанием репутационного капитала, он играет существенную роль при взвешивании сценариев, альтернатив развития и последующего выбора траекторий взаимодействий.

Вместе с тем глобальный модерн привносит черты принципиальной индетерминированности в жизненные стратегии современников. В этой связи весьма примечателен вывод исследователей, указывающий, что «эволюция происходит на границе порядка и хаоса, преемственности и изменчивости, закономерности и случайности. Эволюционирующие сложные структуры балансируют на краю хаоса (at the edge of chaos)...» [Князева, Алюшин 2016: 22]. Нашему современнику совершенно непонятно, в какой сфере будет востребована его самореализация, удастся ли вообще проявить степень своих способностей и возможностей. Высшее образование в этой связи свидетельствует не столько о профессионализации и профессиональных компетенциях, сколько о принципиальной устремленности «быть принятым рынком» и готовности приобрести дополнительные профессиональные навыки.

Индетерминированность жизненных стратегий охватила весь жизненный мир, вплоть до «неписаной» нормы свободного сексуального поведения. Возраст сексуального дебюта катастрофически уменьшается, а сексуальные связи в поголовном большинстве случаев не заканчиваются браком. Согласно выводам экспертов, «только 25,7 % семей будут основывать официально зарегистрированный брак. Остальные 74,3 % семей будут составлять альтернативные формы брака; из них 31 % сожительство, 22 % – пробный брак, 17,3 % – “гостевой” (постоянно не проживающие друг с другом, приходящие супруги)» [Кузьменко 2008: 143]. Это свидетельствует об изменениях гендерного порядка, гендерных ролей и соотношений, превращается в систему прочно приобретенных предрасположенностей. Гендерная параметризация субъектности изобилует многообразием базовых различий. Как отмечают Н. М. Ершова и Л. А. Мясникова, способ жизнедеятельности современной женщины организован потребностями трех составляющих: «гендера, пола-функции и пола-сущности, удовлетворение которых индивидуально вариативно» [Ершова, Мясникова 2007: 162]. Действительно, как пол-сущность женщина должна реализовать себя в женственности: и эстетически, и духовно, и душевно. В качестве пол-функции на нее возлагается ответственность за продление человеческого рода. Как гендер она отвечает за те многочисленные социальные роли, которые взвалила на свои плечи. Поэтому к негативам глобали-

зационных трансформаций можно отнести выравнивание мужских и женских сценариев.

Философы справедливо протестуют против ментальности потребления и потребительской психологии, против того, что потребительские стандарты внедряются в жизненные проекты, во многом девальвируя духовные ценности. Вместе с тем именно потребление стало весомым маркером современности. От того, упала или возросла покупательная способность потребителя, зависит, как аналитики сделают свой прогноз относительно хода финансово-экономического кризиса. Человек глобального мира немислим вне комфортного и масштабного технико-технологического обеспечения своей жизнедеятельности.

«Переоткрытие» субъектности в эпоху глобализма не упраздняет потребности в осмыслении кластера взаимосвязанных понятий: «субъектность – субъективность – субъект», имеющих серьезную гуманитарную традицию своего истолкования. В рамках философского понимания субъектность оказывается чувствующей и сращенной со своей телесностью. В общетеоретическом плане субъектность, полагая четкие границы собственного самопроявления, выступает от имени Я-деятельного. Она в состоянии соотносить свои познавательные запросы с миром ценностно-целевых ориентаций, связана с «наличной социальностью», участвует в ее созидании и преобразовании. Более того, субъектность проявляет себя в «живом настоящем», а не в некоем потенцированном бытии.

Понятие «субъективность» обращает к внутреннему миру человека, в котором можно выделить целую палитру специфических проявлений: это и сфера глубинного нравственного и морального переживания, и область ценностных приоритетов и стратагем, и регистр духовных установок. С понятием «субъективность» интуитивно связывают сложные конфигурации духовно-психической жизни человека. Бытие на уровне грез и фантазий также представляет субъективную реальность как глубинную область надежд и стремлений.

Следует отметить, что такие психологи, как К. А. Альбуханова, А. В. Брушлинский, А. К. Осницкий, В. А. Петровский, В. И. Слободчиков и Г. А. Цукерман, В. А. Титаренко, А. У. Хараш, создали прецедент самостоятельного использования термина «субъектность», отличив его от понятия «субъективное» [Дерябо 2002: 261–265]. Именно субъектность в полной мере характеризует личность как актора истории, как целостного, наделенного волей, опытом, памятью и рефлексией действующего агента. Субъектность нацелена на реализацию конкретных целей и задач в контексте приоритетов эпохи и определенного социального ландшафта ценностных предпочтений.

Член кластера, отраженный концептом субъект, закрепляет за собой классическую картезианскую интерпретацию, указывающую на исток и начало мышления и активности. Причем следует обратить внимание, что в картезианской и позитивистской традициях субъект предстает по большей части как наблюдатель, отражающий и фиксирующий мир налично существующего, производящий «когнитивные акты наблюдения». В марксовской традиции субъект – это еще и предметно-действующий индивид, стремящийся к преобразованию мира. Л. А. Микешина предлагает взглянуть на категорию «субъект» как включающую в себя несколько уровней содержательной интерпретации. Во-первых, речь может идти об эмпирическом субъекте, то есть реально действующем в истории человеке, во-вторых, о коллективном субъекте, в качестве которого выступает то или иное

научное сообщество, в-третьих – о трансцендентальном субъекте, понимаемом как «сознание вообще», как сапиентность, то есть разумность всего человеческого рода [Микешина 2002]. В современных реалиях, в условиях инфомира, когда «совместная когнитивная деятельность становится основным доступным ресурсом, за счет которого будет происходить развитие человечества» [Меськов, Мамченко 2010: 58], в семантике субъекта можно усмотреть информационную составляющую, объединяющую контент и средовые факторы. Иначе говоря, системообразующие характеристики субъекта зависят от его информационной активности.

«Субъектность» в своем основном значении актора действия переносит акцент на целенаправленность, ответственность, своеобразную достижательность в существующей сети социальных взаимодействий и коммуникаций. Если индивид выступает в модусе субъектности, то он ответственен за обустройство мира, к которому причастен. Заметим, что актер (от англ. *actor*) – индивид, выступающий как субъект действия. Воплощение и реализация собственной субъектности – важная творческая задача человека как активно действующего существа, как Я-деятельного. В отличие от этого коннотации понятия «субъективность» обращают к уникальным состояниям души, богатому внутреннему миру человека.

Продолжая сравнение концептов «субъектность» и «субъективность», отметим, что субъектность отвечает за востребованность личности в поле деятельностных проявлений и проявляется как некая самоактивность, обращенная к достижению результата сознательных усилий. Субъективность же отражает процесс глубинной идентификации, самоузнавания. В отличие от объективного субъективное допускает погрешности, искажения, так как опирается на образ мира, рожденный в горниле эмоций, чувств, переживаний, всего индивидуального опыта личности. Здесь субъективное указывает на меру адекватности или неадекватности в восприятии мира. Субъективное (оценка, мнение, решение, позиция и пр.) – это нечто зависимое исключительно от своего носителя, его личностной позиции и опыта. Не случайно словари сохранили эти два значения: субъективный определяется как свойственный только данному лицу, субъекту, во-первых; и как лишенный объективности, односторонний, пристрастный, предвзятый – во-вторых. Различия концептов «субъектность» и «субъективность» рельефны в ситуации, когда конкретный человек поглощен интенсивными субъективными переживаниями своего (видимо, не вполне реализованного) субъектного статуса.

Компаративный анализ данных концептов показывает, что субъектность может закрепить за собой некие доминирующие интенции, управленческие функции, факторы влияния и программирующего воздействия. Здесь важны обстоятельства, роли, условия и возможности. В отличие от этого фокус субъективного направлен на опредмечивание и распредмечивание внутреннего мира чувств, а не явно выраженную направленность на действие и реализацию деятельностного акта. По мнению А. С. Колесникова и С. Н. Ставцева, гуманистическая культура последовательно потерпела неудачу в попытках обоснования деятельной природы субъективности [Колесников, Ставцев 2000: 112]. Это подтверждает сделанный нами вывод в пользу того, что потенциал активности и деятельностной инициативы, степень самореализации закрепляет за собой именно концепт «субъектность», означающий сегмент энергичной реализации деятельностного Я со всем его потенциалом креативности. Можно предположить, что эпоха глобализации опро-

вергает бытие субъективности в мире грез и иллюзий, она требует действий, активности, достижений и конкурентоспособности.

К числу отличий может быть отнесено также нереклексивное, невербальное, фоновое бытие субъективности, никогда не покидающее человека и не претендующее на детальную артикуляцию. Субъектность же, напротив, связана с осознанным целеполаганием, четкой постановкой целей и задач. Для субъектности характерна саморепрезентация, но что показательнее, так это инспекция качеств другого. Причем последняя предполагает широкий набор требований (нотификаций), предъявляемых попавшему в фокус сознания этому Другому. Метафорически упрощая данное соотношение, можно сказать, что субъективность – это «фон», а субъектность – «фигура». Однако это всего лишь метафоры, не отменяющие реальной глубины и сложности проблемы.

Исследование Я в статусе «субъективное», то есть в связи с глубинным и интимным миром чувств и переживаний, влечет за собой остроактуальную проблему отношений «Я и Другой», выводящую на наличие весьма отличных и неизведанных чувств, переживаний и духовного опыта другого. Игнорировать «перспективу Другого» означало бы пользоваться сомнительными услугами изолирующей абстракции, которая как исследовательский методологический инструмент в данном случае вряд ли эффективна. Поэтому вопрос: «Как же все-таки Это может пережить то, что переживает Другой? Ведь он в лучшем случае может пережить лишь то, что Другой *переживает*, но никак не то, *что* переживает Другой» [Антоновский 2011: 81] – нуждается в ответе. Реконструируя эту проблему, обратимся к фундаментальным выводам Э. Гуссерля, справедливо полагающего, что Другой не может быть объектом сущности Я, потому что Другой вне первопорядкового мира (primordial), к которому относится само Я в его психофизиологической природе. Другой как данность восприятия может быть некоей модификацией моего Я, прочитываться по аналогии со мной. Для схватывания Другого Э. Гуссерль предлагает аппрезентацию как вид опыта со своим собственным стилем подтверждения [Гуссерль 2010]. И. А. Мальковская, ссылаясь на работы современного бразильского психоаналитика Ж. Бирмана, отмечает, что поскольку современная психофармакология и наркотрафик открыли новые границы самосознания и мироощущения, Ж. Бирман полагает, что субъект начал «существовать» «вне-субъектности» (*fora-de-si*), а также «внутри-субъектности» (*dentro-de-si*) [Мальковская 2008: 17]. И если О. А. Зотов признает возможность полного отождествления всех участников обсуждаемого кластера, а именно – утверждает, что «в постнеклассическую эпоху понятия личности, индивида и субъекта проявляют тенденцию к сближению, нередко до полного отождествления» [Зотов 2011: 77], то вывод В. И. Аршинова иной. Он говорит о необходимости «формирования синергетической интерсубъективности как системной целостности нередуцируемых друг к другу понятий “Я”, “Личность”, “Другой”, “self”» [Аршинов 2011: 72]. Таким образом, данные концепты сохраняют за собой собственную специфику и не подвержены редукции. Осмысляя эту проблему в контексте нового глобального мировидения, В. И. Аршинов отмечает, что «социосинергетический субъект второго этапа развития синергетики может быть реализован в совокупности рекурсивно оформленных “встреч-узнаваний” синергетики с иными концептуально оформленными практиками современных междисциплинарных взаимодействий». Путь, на котором «становится, (собирается) синергетический субъект, – это “сетевой” путь» [Аршинов 2011: 73].

Таким образом, возможен вывод, что новое единство человечества не постулируется как изначальное системное качество, а складывается «сетевым путем», показывающим, как индивиды распределяют свою активность, как проявляют чуткость к изменениям на глобальном рынке. Сетевые взаимодействия внушают и навязывают индивидам сложившиеся практики – формы субъективации, обнаруживая и демонстрируя новые приоритеты, к числу которых могут быть причислены лабильность, гибкость, мобильность, многообразие и многофункциональное поведение, разнообразие и доступность связей, инициирование проектов, напряженные режимы конкуренции. Требование расширения сетей за пределами региональных, национальных и страноведческих сегментов соответствует стратегиям эры глобализма. Действительно, современное бытие пронизано «сетью институций» и социальных связей, демонстрирующих свой принудительный, контролирующий и подчас репрессивный характер. Сетевая логика обязывает самого человека контролировать самое себя, чувствовать свою включенность в процесс сетевого охвата и продвижения, быть всецело ему подчиненным.

Таким образом, в поле глобализационных трансформаций остро встает вопрос: насколько субъектность, предстающая в статусе «агента социального действия», может быть нивелирована в контексте социальной детерминации под прессом существующих глобализационных практик и сетевой логики взаимодействия? Насколько правомерна радикальная позиция, указывающая на «смерть субъекта»? Есть ли перспективы у личности сохранить свою уникальность и индивидуальность в эпоху глобализма, либо унификация – это мегатенденция современных глобальных трансформаций?

Традиционно считается, что под влиянием глобализации происходит своеобразная плюрализация идентичности, человек оказывается в плоскости «размывания» культурных миров. «Взламывание» локальных культур порождает метаморфозы внутри существующего жизненного мира, вызывает своеобразный «дрейф» идентичности. Психологическим следствием этого «дрейфа» является постоянно проявляющееся переживание несамодостаточности, неполноценности, ибо удовлетворять нормам и требованиям дрейфующих, мозаично складывающихся социокодов вряд ли возможно. Человек оказывается в принудительных условиях готовности вписаться в любой контекст, вне всякой зависимости от приобретенного жизненного опыта, ценностей и системы предпочтений. Иными словами, он готов всякий раз отказаться от себестождественности во имя унифицированной нормы. Субъектность в этом случае приобретает ситуативную идентичность, динамично меняя способы самореализации в зависимости от сложившихся условий и конкретных обстоятельств.

Обсуждая идентификационный вектор глобальных трансформаций, можно говорить о трех тенденциях. Во-первых, это тенденция, указывающая на стремление к надэтнической идентификации с желанием заявить о себе как о «человеке мира». При этом формирование «наднациональной» или «транснациональной» идентичности оценивается как процесс болезненный и противоречивый [Феномен... 2010: 47]. Приобщенность человека к событиям «Большой истории», к миру скоростей, открытий и высоких технологий расценивается как преимущество, однако утрата себестождественности и разрыв с ценностями локальных культур приравнивается к потере иммунной системы. Во-вторых, следует говорить о тенденции, ведущей ко все расширяющейся сфере неопределенности как в социально-экономическом срезе, так и в отношении идентификационных процессов. Эта

тенденция обнаруживает своеобразный «дрейф» идентичности и тип «промежуточной личности». В ее ментальности образуется конфликт между предлагаемыми глобализацией ценностями, задающими унифицированные нормы, и ценностями локальных культур, обладающих достаточным консерватизмом. Последние закрепляют за собой характер регуляторов повседневной жизни и направлены на поддержание внутреннего идентификационного кода. Опираясь на метафору, можно сказать, что это основная часть айсберга, которая скрыта под водой. Поэтому мы солидаризируемся с пониманием культуры как наследуемой системы значений, передающих идентичность и жизненные установки [Пол 2014: 362]. И, наконец, в-третьих – это тенденция, ведущая к проектному обнаружению новой идентичности человека постсовременности, возникающей в условиях информационно-интервенции, в состоянии «текучей» и взрывоопасной деформации локально-культурных образований.

Именно потому, что глобализация, сопровождаемая интернет-культурой, привнесла деструктивные изменения в духовную сферу, особенно в молодежной среде (повлекла ослабление системы паттернов социально значимого общественного поведения, передаваемого от предшествующего поколения), следует с особой тревогой говорить о незнакомом типе «постсовременной» субъектности. Современная глобальная среда характеризуется отсутствием «не только “стабильных пристанищ” в виде рангов и статусов», по достижении которых можно вздохнуть с облегчением и заняться «наведением порядка» в собственном жизненном мире. Средства для достижения поставленных целей также постоянно релятивизируются и нуждаются (как и сами цели) в постоянной реконструкции и переформулировке [Бауман 2008]. Менталитет современника формируется на фоне анонимных рыночных отношений и унификации. Как отмечает И. М. Борзенко, жизнеобеспечивающий слой отрывается от жизнеосмысляющего, начинает эволюционировать спонтанно [Борзенко 2003: 56]. В современных условиях дает о себе знать гибридное значение идентичности, которое онтологически задано процессом «глокализации»** [Robertson 1995: 145], указывающим на реакцию разнообразных региональных сегментов и этнонациональных типов на мировые глобализационные процессы. Оно возникает в ответ на глобализационные вызовы, пытаясь конвертировать и соотнести глобальное и локальное.

Интересна оценка В. П. Бранского [2011: 26], согласно которой глобализация возможна как социально-ответственная глобализация, то есть «с человеческим лицом», и как социально-безответственная, так сказать, со «звериным оскалом». Первая тенденция получила освещение у американского политолога Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек» [Fukuuyama 1992], вторая – в мировом бестселлере С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [Huntington 1996]. Вместе с тем в отношении глобализации, признанной ведущей тенденцией мирового развития, звучит меткая характеристика У. Бека: это «смесь несовместимых компонентов, заимствованных отовсюду и ниоткуда» [Бек 2001]. Первая часть данной характеристики указывает на эклектичность, а вторая – на беспочвенность. И эклектичность, и беспочвенность выступают как своеобразные глобализационные

** Термин «глокализация» связывают с работами английского социолога Р. Робертсона, который ввел его в научный оборот, посчитав, что современный мир нельзя понять без проникновения в смысл событий, которые указывают на культурный капитал, культурные различия, этническую, расовую, половую принадлежность.

вызовы укорененным традициям и сложившимся локальным порядкам и вряд ли могут быть отнесены к прогрессивным сдвигам глобализации.

Глобализация предстает как программно вненациональная, она опирается на глобальную массовую культуру, но может привлекать этнические элементы, включая их в глобалистский контекст как некое украшательство. С. В. Кортунув указывает на тревожную ситуацию нашего времени, когда массовая культура глобализации оказывается сильнее культурных ядер национальной идентичности. Последние в условиях глобализации сохраняются в значительной степени лишь как культуры фольклорные: испанская коррида, турецкий ислам, мексиканская кухня, аргентинское танго [Кортунув 2009: 20]. В этом присутствует вызов этнонациональным культурным конфигурациям, сужающий поле этнокультурного разнообразия. Поэтому вывод о том, что «глобализация означает гомогенизацию жизни», правомерен [Глобалистика... 2006: 163].

Утверждение, что глобализация однозначно ведет к унификации, хорошо иллюстрируется единообразным ландшафтом больших супермаркетов и сервисных услуг. Где бы ни находился наш современник, привычный интерьер супермаркетов помещает его в обжитое пространство, преодолевая тем самым опасности культурного шока. Современное проживание характеризуется как проживание в глобальных потоках, которые обрастают собственной символикой. Однако если глобализация характеризуется размыванием личностных приоритетов, а глокализация оценивается как иммунная система национальных культур, то можно ли вести речь о сосуществовании глобального и локального, когда ощутима доминирующая поступь глобализации с ее информационной интервенцией, потоками капитала, туристов и товаров, трансфера, интенсификацией коммуникативных связей? [Лешкевич 2011: 5–13].

В поисках ответа заметим, что данная совокупность факторов вызвала к жизни новый тип субъектности – так называемых настороженных наблюдателей. Для них характерны неявно выраженная антиглобалистская позиция, с одной стороны, и ожидания от глобальной интеграции и модернизации улучшения своего положения, сопровождаемые опасениями потери своей этнокультурной идентичности, – с другой. Интерес представляет и практика «глокализации», учитывающая поселенческие факторы и направленная на сужение универсального размаха модернизационных преобразований рамками, спецификой и предпочтениями региона. Она также может быть интерпретирована как своеобразный ответ на глобализационные вызовы. Глокализация указывает на «индивидуальные точки выделенности», устанавливающие *межи* и границы пространственно-временной развертки модернизационных изменений. Региональное противостояние проявляется в протесте против навязываемых единообразных шаблонов и образцов, всеобщей унификации, в неприятии темпов, задаваемых глобализацией. Однако и в самой ценностной системе также происходят трансформации, новыми, но уже получившими распространение ценностями, становятся формы культурных заимствований. Это высвечивает еще одну характеристику современного понимания субъектности, указывающую на некую симбиотичность современника: не желая на словах отказаться от собственной самобытности, он на деле перенимает все западные образцы поведения. И поскольку глокализация сориентирована на социальную значимость местных, локальных проблем и забот, она вызывает формирование особого типа консенсусного самосознания, что также является новой гранью в понимании субъектности.

Интеллектуальная элита задумывается над вопросом: является ли глобализационный сценарий единственно возможным? При этом в оценках глобализации реестр мнений распространяется от традиционного представления, что глобализационные проекты обусловлены общей интернационализацией жизни на планете, до категорического утверждения, что глобализация – это навязывание всем странам западного экономического, политического, культурного и информационного кода [Материалы... 2009: 20]. Говорится о глобализации снизу, то есть как об объективном процессе, и о глобализации сверху как управляемой, искусственной глобализации посредством целенаправленной деятельности. Вместе с тем реалии таковы, что современный глобальный рынок характеризуется как грандиозный технологический трансфер. Он обеспечивает «конкурентно прибыльное производство гражданского сектора экономики, за счет которого существуют хотя и критически необходимые, но затратные и неприбыльные сектора экономики, в том числе вооруженные силы, военно-промышленный комплекс (ВПК), фундаментальные научные исследования, здравоохранение, образование, социальное обеспечение» [Глобальный... 2010: 50]. Это масштабный вызов глобализации жизненно важным сферам жизнедеятельности и областям гражданской экономики и народного хозяйства. Данный вызов предполагает формирование отряда специалистов, владеющих навыками стратегического планирования технологического трансфера, так называемыми форсайт-технологиями. Следовательно, речь идет о высокой планке интеллектуального развития исследовательского потенциала лиц, возглавляющих данные технологические цепочки и сопровождающих все стадии полного цикла трансфера. Поскольку глобализация питается «пакетами» новых конкурирующих технологий, фигура ученого-интеллектуала и новатора в контексте обозначенной «экономики знаний» становится ведущей. В этом отношении к требованиям, обращенным к субъекту научного творчества, присоединяется императив, указывающий на важность и значение исходящей от него интеллектуальной инициативы. Это, в свою очередь, предполагает определенную степень самоорганизации заинтересованных в интеллектуальном или технологическом открытии групп и сопровождается вошедшим в научный оборот термином «knowledge-worker» – работник интеллектуального труда, создающий прибавочную стоимость. Следовательно, к выявленным вызовам глобализации, трансформирующим современное понимание субъектности, относятся привносимая глобализацией необходимость интеллектуальной инициативы и связанная с ней логика самоорганизации авторских коллективов. Вместе с тем в российских условиях интеллектуальная элита – основной субъект и поставщик инноваций – попала под прямой удар экономической необеспеченности. Гуманитарные приоритеты, связанные с доверием, честностью, порядочностью, человеколюбием, на фоне рыночных отношений и масштабной дегуманизации общества обернулись утопией. Бюрократия присоединила к законам бюрократической волокиты еще и индивидуальный произвол чиновника, административные барьеры, коррумпированность, «взяткочемкость» и пышный цвет теневых отношений. Как отмечают исследователи, «практика последних десятилетий показывает, что вероятность коммерциализации научного открытия, технологии или изобретения собственно авторским коллективом или автором без профессиональной экспертной, а в ряде случаев государственной, поддержки на “внешнем” рынке, независимо от ценности или экономической значимости, минимальна» [Там же: 62]. Нет эффективных между-

народных организаций, которые являлись бы гарантией обеспечения общественно значимых ценностей, общих интересов и гражданского контроля.

Глобальный модерн жестко обозначает приоритеты эконоцентричности современной эпохи, безжалостно наказывает неэффективность и поощряет «международных чемпионов» эффективности. Исследователями отмечается опасность глобализации, связанная с тенденциями нравственного вырождения, которое проявляется не только в катастрофическом ухудшении моральной статистики, касающейся массового поведения, но и в существенном ухудшении принимаемых современными элитами решений [Панарин 2003]. Разрыв со стереотипами, сопровождаемый постоянным поиском самоопределения, очевиден во всех сферах. Так, применительно к фемининной субъектности чрезвычайно значимой оказывается не проблема домашнего очага, а «проблема трех “с”»: самоутверждение, самореализация и самоидентификация. Гендерная параметризация субъектности повсеместно демонстрирует «испорченную идентичность». Таким образом, вызовы глобализации обуславливают степень трансформации субъектности в многообразных контекстуальных полях. Осмысляя бытие и ценностные приоритеты человека эпохи «пост-», следует иметь в виду не только изменение субъектности под гнетом пресса современной эпохи. Важно осознать проявляющиеся в каждодневном бытии нашего современника и задающие новые социокультурные конфигурации: технологический вектор, вектор сетевых взаимодействий, а также идентификационный вектор трансформации субъектности, которые намечают новые параметры порядка.

Литература

Антоновский А. Ю. От Эго и Альтера к сообщению информации // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII. № 1. М. : Альфа-М.

Аршинов В. И. Становление интерсубъективности в контексте социальной синергетики // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII. № 1. М. : Альфа-М. С. 71–74.

Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008.

Бек У. Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Борзенко И. М. О двух аспектах глобализации: об условиях и смысле человеческого существования // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 3. М. : Новый век, 2003.

Бранский В. П. Глобализация и синергетическая философия истории. Глобалистика-2011. Т. 1. М. : МГУ, 2011.

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й. : ИЦ «Елима», ИД «Питер», 2006.

Глобальный технологический трансфер // Инновационные направления современных международных отношений / под ред. А. В. Крутских, А. В. Бирюкова. М. : Аспект Пресс, 2010.

Гуссерль Э. Картезианские медитации. М. : Академический проект, 2010.

Дерябо С. Личность: от субъективности к субъектности // Развитие личности. 2002. № 3. С. 261–265.

Ершова Н. М., Мясникова Л. А. Путь к себе: женщина между полом и гендером. М. : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2007.

Зотов О. А. Философские трансформации субъекта как проблема социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII. № 1. М. : Альфа-М. С. 75–78.

Князева Е. Н., Алюшин А. Л. Big History: Эволюционное мышление в глобальной перспективе // Век глобализации. 2016. № 3. С. 16–31.

Колесников А. С., Ставцев С. Н. Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб. : Санкт-Петерб. филос. об-во, 2000.

Кортунов С. В. Становление национальной идентичности. Какая Россия нужна миру. М. : Аспект Пресс, 2009.

Кузьменко Т. В. Прогноз семейно-демографической ситуации в России // Вестник Моск. ун-та. Серия 18. 2008. № 2. С. 143.

Лешкевич Т. Г. Глобализация и глокализация: pro и contra // Научная мысль Кавказа. 2011. № 3. С. 5–14.

Мальковская И. А. Метаморфозы субъектности в современном мире // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 16–25.

Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика-2009»: Пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. М. : МГУ, 2009.

Махновский Д. М. Глобализация и развитие сети мировых городов // Век глобализации. 2016. № 3. С. 57–70.

Меськов В. С., Мамченко А. А. Мир информации как тринитарная модель Универсума. Постнеклассическая методология когнитивной деятельности // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 57–68.

Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. М. : Прогресс-Традиция, 2002.

Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс, 2004.

Панарин А. С. Искушение глобализмом. М. : Эксмо, 2003.

Пол К.-Х. Китайские и западные ценности: размышления о методологии межкультурного диалога // Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014. С. 362–370.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М. : АСТ, 2003.

Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред. И. К. Лисеев, Р. С. Сейфулаев, А. А. Гизалов. М. : Канон +, 2010.

Чумаков А. Н. Триосфера, эпометаморфоз и новые задачи глобалистики // Век глобализации. 2016. № 3. С. 3–15.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York : Macmillan, Inc., 1992.

Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order? New York, NY : Simon and Schuster, 1996.

Robertson R. Glocalization: Time-pace and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, 1995. Pp. 25–44.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

СУВЕРЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

Голубев В. С.*

Триалектика трактует развитие как разрешение противоположностей путем рождения «нового», являющегося гармоничным синтезом («все в меру») разрешающихся противоположностей (триадная парадигма). Согласно триалектике разрешаются противоположности экономического, социально-гуманитарного и геополитического характера. Мир объективно движется к всеобщей гармонии. Человечество, придерживающееся в своей деятельности диадной парадигмы, эту гармонию непрерывно нарушает, в чем заключается причина неблагополучия России и мира в целом.

Ключевые слова: гармония, диалектика, развитие, триалектика.

Trialectics treats development as a resolution of the oppositions through the emergence of the “new” which is a harmonious (“everything in moderation”) synthesis of the resolved oppositions (a triad paradigm). The economic, social, humanitarian, and geopolitical contradictions can be resolved by means of trialectics. The world is objectively moving towards a universal harmony. The humankind, adhering to the dyadic paradigm in the activities, continuously breaks the harmony, thus causing troubles both in Russia and the whole world.

Keywords: harmony, dialectics, development, trialectics.

Триадная парадигма развития

Проблема социоприродного развития рассматривается нами [см.: Бушуев, Голубев 2014; Голубев 2016] на основе триадной парадигмы гармонического разрешения существующих в мире противоположностей, в противовес диадной парадигме. Диадная парадигма – это развитие как борьба противоположностей и «победа» одной из их составляющих.

Диадная парадигма не учитывает творческой составляющей материи. Замена одной составляющей противоположности на другую не дает развития. Наоборот, она ведет к революциям и регрессу. Ярчайшие примеры: «победа» капитализма над социализмом в России в 90-е гг. прошлого столетия обусловила всеобщий регресс; на Украине «победа» Европы в противоположности *Россия – Европа* привела к войне и разрухе.

Современный мир продолжает функционировать на основе диадной парадигмы. Такой мир дисгармоничен, неприемлем и даже неприличен. Этот мир – предыстория человечества, время его становления и выживания, время несовер-

* Голубев Владимир Степанович – д. г.-м. н., к. х. н., г. н. с. Федерального исследовательского центра «Информация и управление» Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН). E-mail: v.s.golubev@bk.ru.

шенной юности. Предыстория заканчивается в связи с изобретением оружия тотального самоуничтожения и возникновением глобальных проблем человечества.

Чтобы в новых условиях человечество сохранилось, нужна смена траектории развития. Необходимость этого уже многими осознается. Требуется научный прогноз развития. В исторически прошедшем такой прогноз был дан марксизмом. Но он если и оправдался, то лишь частично. Требуется новый прогноз, основанный на современной науке (которая уже не та, что была при Марксе).

Новая траектория – экосоциогуманитарное развитие [см.: Бушуев, Голубев 2012], движение к наполняемой гармонии, переход от предыстории к истинной истории. Ее основания – триадная парадигма развития и социогуманизм.

Триадная парадигма трактует развитие как рождение «нового» (третьего). Это происходит на основе разрешения существующих в мире противоположностей. «Новое» возникает как их гармонический синтез, когда «все в меру». Развитие содержит в себе три составляющие: две противоположности и их синтез – «новое». В этом сущность триалектики – в противоположность диалектике, которая рассматривает развитие как единство и борьбу противоположностей.

Социальное конструирование происходит на основе законов развития, формулируемых человеком. С позиции естественно-гуманитарного синтеза [см.: Там же] существуют два предельных пути развития мира. Первый определим как «конкурентное развитие». Его основания – материализм и диалектика. Его сущности:

- бытие определяет сознание;
- рост бытия опережает рост сознания;
- цель бытия – борьба, победа.

Второй путь – «гармоничное развитие». Его основания – социальный гуманизм и триалектика. Его сущности:

- не только «бытие определяет сознание», но и «сознание определяет бытие»;
- рост сознания и рост бытия сопряжены;
- цель бытия – гармония, компромисс.

Развитие мира пошло по первому пути. Негативные последствия этого демонстрирует вся история, заполненная войнами, революциями, классовой борьбой и прочими язвами человечества. Материальный прогресс заведомо опережал гуманитарный – рост эволюционного качества человека.

Главные причины неблагополучия современного мира – материализм и диадная парадигма. Установка вульгарного материализма «бытие определяет сознание» не содержит обратной связи, ответственной за устойчивость социальных систем. Приоритет в развитии материального привел к техно-гуманитарному разрыву – отставанию гуманитарной составляющей развития от техногенной.

«Борьбу» противоположностей человечество посчитало естественным законом развития. И эта концепция стала доминирующей. «Борьба за существование» (с выживанием наиболее приспособленных) стала начиная с Ч. Дарвина считаться законом биологического развития. А учение дарвинизма рассматривалось как гениальное достижение человеческой мысли.

Между тем закон биологической жизни прямо противоположный – кооперация, взаимодополняемость, гармония [см.: Голубев 2001]. Только одновременное сосуществование, кооперация автотрофов и гетеротрофов обеспечивают устойчивое существование жизни, а следовательно, и возможность ее эволюции. Борьба (конкуренция, борьба за существование) имеет подчиненное значение: она устраняет отсталые «технологии», препятствуя тем самым регрессу (так, добычей хищника становятся слабые, «распадные» особи жертвы).

«Конкурентное развитие» – это, по существу, предыстория человечества. Ее итог – глобальные проблемы человечества. Их решение невозможно в рамках диадной парадигмы. Истинная история наступит, когда практика мира будет опираться на законы гармонии. На смену диадной приходит триадная парадигма.

Будущее современного мира связано с разрешением противоположности *социализм – капитализм* через социогуманизм [см.: Бушуев и др. 2013], являющийся гармоническим синтезом капитализма и социализма (рис. 1). От социализма берется цель – гармоничное развитие человека, от капитализма – способ ее реализации, регулируемый рынок.

Согласно триалектике движение от капитализма к социализму (нижняя линия) есть прогресс, но до определенного уровня. Затем наступает регресс вследствие дисгармонии между индивидуальным и коллективным. При «уменьшении» социализма (верхняя линия) также имеет место сначала прогресс, а затем регресс. Координата максимального прогресса (равновесия) отвечает социогуманизму. «Много» капитализма так же плохо, как и «много» социализма.

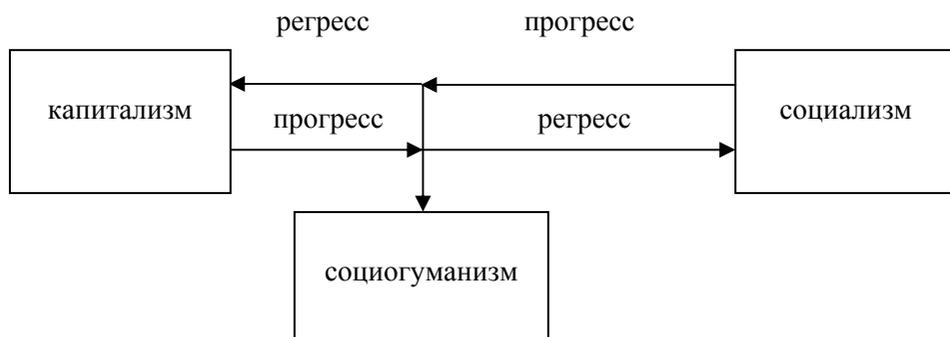

Рис. 1. Схема разрешения противоположности «капитализм – социализм»

В центре социогуманитарного государства находится человек, его гармоничное развитие, опережающее рост человеческого капитала. Экономика перестает быть целью и становится средством гармоничного развития человека. Согласно социогуманизму не только «бытие определяет сознание», но и «сознание определяет бытие». Тем самым разрешается еще одна противоположность: *бытие – сознание*.

Учение социального гуманизма имеет следующий теоретический базис [см.: Бушуев, Голубев 2014; Голубев 2016]: 1) теория социоприродного развития; 2) новая системная теория человеческого капитала; 3) оригинальная концепция национального богатства и качества жизни; 4) теория социогуманитарного государства; 5) идеология социогуманизма.

Основные составляющие социогуманизма: от общества потребления – к обществу социального гуманизма, от человека социального – к человеку социально-духовному, от социального к социогуманитарному государству.

В качестве идеологии социогуманитарного государства выступает социогуманизм. Главная установка социогуманизма: *жизнь – высшая ценность бытия*. Согласно социогуманизму главное богатство человека заключено в нем самом, а не во внешних обстоятельствах его жизни. Приоритетны гуманитарные ценности.

В социогуманитарном государстве разрешаются основные противоположности либерализма. В их числе:

– противоположность *богатство – бедность* – через средний класс;

- противоположность *экономическая свобода – социальная справедливость* – через установку «свобода для справедливости»;
- противоположность *частная – общенародная собственность* – через коллективистские (кооперативные) формы собственности;
- противоположность *рыночная – плановая экономика* – через смешанные их формы;
- противоположность *конкуренция – кооперация* – через их гармонический синтез – конкуренцию кооператоров;
- противоположность *свободное – несвободное развитие* – через гармоничное развитие, предполагающее сопряженный рост всех составляющих человеческого капитала;
- противоположность *природа – человек* – через гуманизацию окружающей среды.

Другие разрешаемые при социогуманизме противоположности гуманитарного плана: *права – обязанности* – через установку «права для лучшего выполнения обязанностей», *добро – зло* – через «добро с кулаками», *эгоизм – альтруизм* – через «человека гармоничного» и т. п.

О суверенной глобализации и некоторых аспектах геополитики

Суверенная глобализация. Как глобализация, так и суверенизация в их крайнем выражении не способны обеспечить прогресс. Пороки глобализации: утрата государственного суверенитета и национальной самобытности, господство мирового олигархата и т. п. Пороки суверенизации: слабое задействование межстрановой конкуренции и, как следствие, технологическое отставание, культурная и прочая изоляция, узкий взгляд на мир и соответствующее мировоззрение и др.

Триалектика разрешает данную противоположность следующим образом. Рост глобализации (нижняя линия на рис. 2) есть прогресс, но до определенного предела. Чрезмерная глобализация ведет к регрессу по причинам, отмеченным выше. Движение от глобализации к суверенизации (верхняя линия) – прогресс, но тоже до определенного предела, когда уменьшение глобализации становится регрессом. Противоположность разрешается через гармонический синтез противоположности *суверенизация – глобализация*, которую предлагаем обозначить термином «суверенная глобализация».

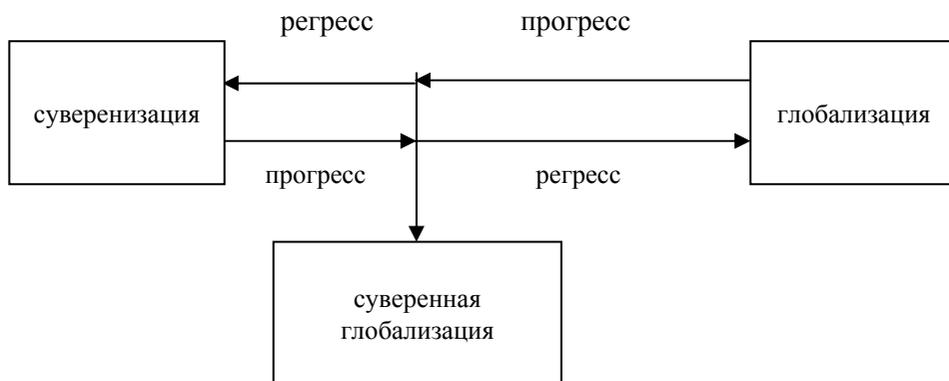

Рис. 2. Схема разрешения противоположности «суверенизация – глобализация»

Основные составляющие суверенной глобализации следующие: общая эволюционно обусловленная цель развития – социогуманизм, специфические для каждого государства способы достижения этой цели (вторая и первая составляющие термина «суверенная глобализация» соответственно). Синтез предполагает заимствование всего позитивного, что есть у глобализации и суверенизации, в том числе национальной экономики, экономических и политических союзов, суверенного капитала (национального богатства), экономических связей, усиления роли ООН, мировой науки, национальной культуры, культурного обмена, свободы передвижений и др.

Евразийство. Триадная парадигма дает теоретическое обоснование концепции евразийства. Разрешением противоположности *Европа – Азия* (имеются в виду ценностные установки) является евразийство, которое справедливо рассматривается как сущность России. Согласно триалектике евразийство обладает большим потенциалом развития, чем Европа или Азия по отдельности. Идеологией евразийства считается консерватизм [см.: Дугин 2002].

В действительности идеология евразийства другая. Она отвечает гармоничному синтезу противоположности *развитие (Европа) – стабильность (Азия)*. От Европы берется идея развития, а от Азии – идея устойчивости (стабильности). Синтезом становится «устойчивое развитие», являющееся составной частью социогуманизма. При этом акцент делается на гармоничном развитии человека. Следовательно, идеология евразийства – социогуманизм, а не консерватизм (идеология Востока).

Аналогичный результат дает рассмотрение другой противоположности: *авторитаризм (Азия) – демократия (Европа)*. Синтезом является сильное демократическое (социогуманитарное) государство с равновесным соотношением демократии и авторитаризма. Таких соотношений по «золотой пропорции» два: 62 % авторитаризма – 38 % демократии (в условных единицах) и наоборот [см.: Корбалан 2014]. Для России предпочтительно (в силу исторических условий) первое соотношение. «Много» демократии так же плохо, как и «много» авторитаризма.

«Еврооссийство». Для современной Украины существенной оказалась противоположность *Россия – Запад*. Мучительно решался вопрос, куда идти Украине – в Европейский союз или в Таможенный союз.

С позиций триалектики для Украины научно обоснован и «выгоден» гармонический синтез противоположности *Россия – Запад*. Он дает большой потенциал для ее развития. От России берется идея сильного демократического государства (с 62 % авторитаризма), от Запада – идея демократии. Синтез означает: Украина – сильное демократическое государство с 38 % авторитаризма и 62 % демократии. Она не входит ни в Европейский союз, ни в Таможенный союз. Как Россия – мост между Европой и Азией, так и Украина – мост между Западом и Россией. Наряду с евразийством (для России) получаем «евросийство» и социогуманизм (идеология Украины).

Именно по такому пути следовало бы идти Украине. В силу субъективных обстоятельств Украина выбрала путь на основе борьбы противоположно-

стей – в Европейский союз. Последствия этого – гражданская война и всеобщий регресс.

Геополитика. Рассмотрим еще ряд противоположностей, значимых для геополитики.

Противоположность *неизменность государственных границ – право на самоопределение*. В международном праве одновременно существуют эти два взаимоисключающих положения. Данные противоположности разрешаются, согласно триалектике, через их гармонический синтез. Таким синтезом является автономия. Так как, согласно «золотой пропорции», существуют два положения равновесия, то имеются в виду два типа автономии: слабая и сильная.

Два таковых научно обоснованных пути существовали для автономии Крыма. В силу субъективных обстоятельств был выбран вариант изменения государственных границ. Его движущей силой явилась социальная энергия, обусловленная такими факторами, как историческая правда (Крым – исконно русская территория), преобладание в составе населения русских, националистическая власть Киева и др.

Противоположность *Восточная (Юго-Восточная) – Западная Украина*. Эволюционным разрешением данной противоположности был бы механизм федерализации («сильной автономии»). Но победа в Киеве националистических элементов привела к «антропогенному регрессу», когда власти избрали антиэволюционный способ борьбы противоположностей (война с Донбассом) со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Противоположность *национализм – интернационализм*. Разрешение данной противоположности становится актуальным в связи с усилением в ряде стран националистических настроений и появлением движений националистического толка. Полагаем, что в качестве разрешения этой противоположности выступает системная установка, которую условно назовем «открытым патриотизмом». В ней любовь к родине сочетается с желанием и способностью понять и принять иные обычаи, другую культуру, позитивные черты разных менталитетов. Приверженность данной системной установке следует воспитывать с детства.

Противоположность *дружба – противостояние*. Триалектика дает новый взгляд на проблему межгосударственных отношений, позволяет поставить их на научную основу и оптимизировать. Диапазон межгосударственных отношений находится внутри противоположности *дружба – противостояние*. Согласно триалектике эволюционно значимым (прогрессивным) разрешением данной противоположности является их гармонический синтез – «дружба по расчету».

При этом, согласно «золотой пропорции», возможны два положения «равновесия». Их можно условно обозначить как *разумную дружбу* и *разумное противостояние*. Согласно «золотой пропорции» *разумная дружба* содержит (в условных единицах, проблема их выбора нуждается в специальном исследовании) 62 % *дружбы* и 38 % *противостояния*. У *разумного противостояния* соотношение обратное. *Дружба* и *противостояние* – крайние составляю-

щие противоположности. Следование им – регресс, по сравнению с промежуточными соотношениями составляющих противоположности. «Много» дружбы так же плохо, как и «много» противостояния.

Международная политика получает научную основу, если она базируется на триадной парадигме. Рассмотрим противостояние двух государств $A - B$. В межгосударственных отношениях возможны при этом разные варианты. Обсудим некоторые из них.

Если отношения государств $A - B$ основываются на крайних позициях дружбы или противостояния, то это весьма неблагоприятно для них и мира в целом, это – регресс.

Если страна A следует *частичному противостоянию* (в идеале – *разумному противостоянию*), то естественной (не противоречащей триалектике) будет политика, при которой и страна B также проводит политику *частичного противостояния*. Если же при этом страна B основывается в политике на позиции *чистого противостояния*, это вносит диссонанс в межгосударственные отношения стран, чреватые политическими кризисами.

Сформулируем следующие положения оптимизации межгосударственных отношений.

1. *Межгосударственные отношения «в норме» базируются на одинаковом для обеих стран соотношении дружбы и противостояния (в условных величинах) – вариант межгосударственной гармонии.*

2. *Политические кризисы в межгосударственных отношениях отвечают случаю, когда отношение «дружба – противостояние» для противостоящих стран не одинаково – вариант межгосударственной дисгармонии.*

3. *Наиболее эволюционно продвинутыми (прогрессивными) являются межгосударственные отношения, основывающиеся на разумной дружбе обеих государств.*

Обсудим на данной основе некоторые аспекты современной политики в связи с событиями на Украине. Центральная власть Киева оказалась неспособной задействовать в своих отношениях с самопровозглашенными ДНР и ЛНР объективный закон гармонии. Если бы он был задействован, то его результатом стала бы «сильная автономия» этих территорий. Тогда не было бы и гражданской войны.

Задействованный же Киевом субъективный закон борьбы (противоположностей Киев – Донецк, Киев – Луганск) стал причиной гражданской войны. Реализовался вариант дисгармонии 2: политика Киева основана на *чистом противостоянии*, в то время как противоположная сторона согласна на переговоры со столицей о своей автономии (позиция *частичного противостояния*).

Кризис в отношениях России и Украины также имеет методологической основой вариант дисгармонии 2: Москва стоит на позиции *частичного противостояния*, а Киев – *чистого противостояния*. В то же время нельзя не отметить двойные стандарты политики России. В случае с Крымом была учтена позиция населения, и Крым вошел в состав России. В случае Донбасса Россия

официально не признала ни ДНР, ни ЛНР. Поэтому гражданской войны на Украине не удалось избежать.

Что касается отношения *Россия – Запад*, то кажется, что здесь та же дисгармония, как и в отношениях *Москва – Киев*, хотя некоторые страны Запада склоняются к позиции *частичного противостояния* или даже *частичной дружбы*.

Как же будут развиваться данные отношения? В идеале надо стремиться к варианту *разумной дружбы*. Слово за Киевом и Западом – им следует отказаться от позиции *чистого противостояния*. Способствовать этому может наука. Сначала ученые, а потом и политики должны осознать: будущее мира связано с отходом от субъективного закона борьбы противоположностей и утверждением объективного закона гармонического развития (*разумного компромисса*).

Заключение

Триадная парадигма выступает как научная основа «философии гармонии». Ее сущность – развитие как разрешение на основе гармонического синтеза существующих и новых возникающих противоположностей. «Человек гармоничный» снимает стихийный антагонизм мира гармонией. Такой человек находится в согласии с самим собой, другими людьми и природой. Гармония социума – это устойчивое развитие, гуманизация окружающей среды.

Мир объективно движется к всеобщей гармонии. Человек, следующий диадной парадигме, эту гармонию непрерывно нарушает, в чем и состоит сущность неблагополучия современного мира.

Триалектику следует рассматривать как научную основу дипломатии – разрешения межгосударственных проблем через переговоры, поиски разумного компромисса.

Литература

Бушуев В. В., Голубев В. С. Основы эргодинамики. М. : Энергия, 2003; 2-е изд., испр. и доп. М. : Ленанд, 2012.

Бушуев В. В., Голубев В. С. Эргодинамика. Экоразвитие. Социогуманизм. М. : Ленанд, 2014.

Бушуев В. В., Белогорьев А. М., Голубев В. С. и др. Кризис 2010-х годов и новая энергетическая цивилизация. М. : Энергия, 2013.

Голубев В. С. Введение в синтетическую эволюционную экологию. М. : Папирус Про, 2001.

Голубев В. С. К проблеме теоретических основ СЕИ (с позиции естественно-гуманитарного синтеза) // История и современность. 2016. № 2. С. 21–40.

Дугин А. Г. Евразийский путь как национальная идея. М. : Партия Евразия, 2002.

Корбалан Ф. Золотое сечение. М. : Де Агостини, 2014.

ПАРАДИГМА МИРОВОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ КАК МОДЕЛЬ БУДУЩЕГО (ЕЕ СУТЬ В МАКСИМАЛЬНО СЖАТОМ ВИДЕ)

Кочетов Э. Г.*

В статье в сжатом виде даются базовые теоретические и методологические основания новой, антропокосмологической модели бытия. Представлено зарождение новой мировой фазы (этапа) мирового развития – космологизации и концептуализация этого феномена – гуманитарная космология. Читатель вместе с автором отправится в путешествие в пространстве гуманитарной космологии в поисках мировой гармонии; совершит экскурс в глобальный дискурс о ценности жизни и ее жизнеутверждающих начал; окунется в «новую реальность» с ее новыми горизонтами мирового развития и «новыми людьми», смело прокладываящими дорогу к Мирозданию нового Ренессанса. Сформирована Парадигма Мирового Преображения как несущая конструкция нового мыслительного поля.

Ключевые слова: космогенез, космологизация, космологическое сознание, космологическое миропонимание, космологический человек, гуманитарная космология, космологический подход, космологический инструментарий, диалог, диалогистика.

The article briefly presents the basic theoretical and methodological foundations of a new, anthropocosmological model of being. The author describes the start of a new global phase (stage) in the global development – cosmologization – and conceptualizes it in the phenomenon of humane cosmology. The reader along with the author will set off on a journey in the space of humane cosmology in search for world harmony, make excursions to the global discourse about the value of life and its life-affirming fundamentals, plunge into a ‘new reality’ with its new horizons of global development and ‘new people’, paving the way safely to Creation of the new Renaissance. The Paradigm of the World Transformation is defined as a supporting structure of new fields of thought.

Keywords: cosmogenesis, cosmologization, cosmological consciousness, cosmological world outlook, cosmological man, humanitarian cosmology, cosmological approach, cosmological tools, dialogue, dialogistics.

В настоящий момент складывается стратегически значимая и востребованная временем ситуация: в мире взят старт к поиску модели будущего социально-экономического развития, такой модели, которая бы вырабатывала долговременный стратегический вектор развития в условиях кардинальных мировых трендов. Это вытекает из парадигмальных установок **«заглянуть за горизонт»**.

Мне представляется, что наиболее адекватно данной парадигмальной установке отвечает предлагаемая **Парадигма Мирового Преображения**. К ней я «подкрадывался» долго и упорно, начиная с 1975 г., года окончания Всесоюзной

* Кочетов Эрнест Георгиевич – д. э. н., профессор, академик РАЕН (Москва, Россия). E-mail: geo_econ_acad@mail.ru.

академии внешней торговли (ВАВТ), окупившись в том же году в один из мировых эпицентров деловой и политической активности – Антверпен (Бельгия).

И вот результат – передо мной стопка из двадцати моих опубликованных книг (далее я привожу их перечень). Каждая книга – звено, этап, раскрывающий ту или иную грань проблемы, тот или иной сюжет, аспект будущего мирового развития – Парадигмы Мирового Преображения. И, конечно, те читатели, которые заряжены на научный творческий поиск самого высокого ранга (а я надеюсь, что такие найдутся, более того, они уже проявили себя!), окунутся в атмосферу этих книг, и постепенно перед ними предстанет во всей своей грандиозности, логике и, как я надеюсь, убедительности авторский замысел.

Но вместе с тем существует другая «сторона медали»: проблема в том, как привлечь в быстро текущей жизни внимание молодых начинающих ученых к научному творчеству, к поиску *своих* путей в мире науки, *своей* «высокой темы», *своих* открытий новых сфер гуманитарного знания. И как раз для этого я, просмотрев свои книги, сделал попытку представить Парадигму Мирового Преображения в сжатом, доступном и лаконичном виде, издав книгу в издательстве «Эдитус» (2017)¹.

Но в этом направлении я пошел еще дальше: в настоящей статье я даю в еще более сжатом виде суть Парадигмы Мирового Преображения с надеждой, что и в таком формате она передаст замысел автора.

* * *

К прояснению своего будущего мир приступил мощно и неслучайно. К судьбе человека и мира, его окружающего, приковано внимание широчайшего круга государственных и общественных деятелей, ученых, представителей религиозных конфессий, бизнеса, общественных структур и т. д. Все почувствовали острую потребность в прояснении горизонтов и перспектив своего бытия. Эта проблема поднимается на бесчисленных интеллектуальных площадках, встречах, форумах, конференциях, семинарах, круглых столах².

Эта остро обнажившаяся в мире востребованность не заставила себя ждать: рельефно стал вырисовываться центральный, основополагающий вектор, устремленный в будущее. Но здесь вопрос стоит предельно жестко – сумеет ли мировой истеблишмент подняться под конъюнктурой сегодняшнего дня и своевременно воспользоваться уже имеющимися фундаментальными разработками и научными рекомендациями, выветившими модели будущего мирового развития. И что представляют собой эти наработки?

¹ См.: Кочетов 2017. Книга издана также на английском языке: Kochetov 2017. (Ранее по этой проблематике была подготовлена моя статья «Парадигма Мирового Преображения как модель будущего, ее суть, логика построения, теоретические, методологические и прагматические основания [сжатый вариант]». Статья опубликована на портале viperson.ru 27 марта 2017 г.). Мысль подготовить и издать эти книги возникла у автора как желание дать развернутое пояснение к проведению Международной университетской онлайн-конференции. Общий замысел данной конференции изложен в статье автора «Большая университетская онлайн-конференция “Парадигма Мирового Преображения как модель будущего (проект)”». Статья опубликована на портале viperson.ru 14 апреля 2017 г.

² Так, мы находимся в преддверии важного события, юбилея всемирно известной общественной «площадки» – *Диалогу цивилизаций* на острове Родос (Греция) 15 лет! В ознаменование этой даты провозглашена повестка (тема) очередного форума: *«Многополярность и диалог на региональном и глобальном уровнях: представление возможного будущего»* («Родос – 2017», 6–7 октября 2017 г.). Здесь ключевые слова – *«представление возможного будущего»*.

Ниже дается авторское видение неумолимо приближающегося будущего, его теоретические, методологические и праксиологические основания и научные задачи (см. блок-схему).

Блок-схема

Парадигма Мирового Преображения
Восхождение к МИРАМ – мировые трансформационные блоки
преобразования мира: логика перехода от глобализации и глобалистики
к космологизации и гуманитарной космологии: процессы, их философское
и научное (концептуальное и методологическое) обоснование
и ключ к осознанию (в авторской разработке)

Этапы миропонимания Динамика процесса	Процесс развития (фазы, этапы)	Научные парадигмы (инструментарий)	Ключ к миропониманию (осознанию мира)
IV	МИРЫ *****		
III	↑ Космологизация***	↑ Гуманитарная космология ***	↑ Диалог**** <i>диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен</i>
II	↑ Глобализация **	↑ Глобалистика **	
I	↑ Геоэкономика *	↑ Геоэкономический подход *	НАБАТ! ***** Человек в современном мире

Условные обозначения:

1) Символом «↑» обозначены фазовые (этапные) переходы в онтологической связке-триаде «геоэкономика → глобализация → космологизация» и в гносеологической связке-триаде «геоэкономический подход → глобалистика → гуманитарная космология»³ (*вертикальные срезы мировой динамики*).

2) I, II, III – горизонты мирового развития, их онтологическая и гносеологическая составляющая (*горизонтальные срезы мировой динамики*).

3) Символами «*», «**», «***», «****», «*****», «*****» обозначены авторские разработки (научные монографии, учебники, словари, учебные программы) соответствующих фаз (этапов): их теоретические и методологические основания и инструментарий осознания и постижения⁴:

* Геоэкономика. Энциклопедия. М. : Эдитус, 2016. 600 с.; Geoiqtisadiyyat: dünya iqtisadi məkanının mənimənilməsi / E. G. Koçetov; rus dilindən tərc. A. Y. Rzayev; elmi red. Ə. C. Muradov. Bakı : İqtisad Universiteti nəşriyyatı, 2015. 438 s. (Кочетов Э. Г. Гео-

³ Дополнительно к этой схеме читатель может обратиться к статье автора: Кочетов 2007.

⁴ Полный перечень публикаций автора приведен в книге: Кочетов 2015а: 410–435. Этот перечень есть и в книге: Кочетов 2015б: 357–377.

экономика. Освоение мирового экономического пространства [на азербайджанском языке]); Геоэкономика (освоение мирового экономического пространства). М. : БЕК: 1999, 2002, Норма: 2006, 2010, 2011, 2012. 528 с.; Геоэкономика и конкурентоспособность России: Научно-концептуальные основы геоэкономической политики России. Научно-аналитический доклад / М. Ю. Байдаков, Н. Ю. Коница, Э. Г. Кочетов, Е. В. Сапир, В. Л. Сельцовский, Н. С. Столярова, Е. Д. Фролова; под науч. ред. Э. Г. Кочетова. М. : Книга и бизнес, 2010. 388 с.; Геоэкономический (глобальный) толковый словарь (Основы высоких геоэкономических технологий современного бизнеса). Сборник стратегических понятий-новелл. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2006. 504 с.; Геоэкономический (глобальный) толковый словарь (Элементы механизма российской модели глобального стратегического управления): сборник стратегических понятий-новелл. Т. 1, 2. М., 2002; Т. 1 – 240 с., Т. 2 – 256 с.; Геоэкономический атлас мира. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 1(13). М. : ИД «Новый век», Институт микроэкономики, 2002. 88 с.; Геоэкономика и стратегия России. Истоки и принципы построения внешнеэкономической доктрины. М. : Московский общественный научный фонд, 1999. 142 с.; Ориентиры внешнеэкономической деятельности (Национальная экономика и предприятия в системе мирохозяйственных связей). М. : Экономика, 1992. 207 с.;

** Глобалистика: теория, методология, практика: учебник для вузов. М. : Норма, 2002. 672 с.; Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание: новый ренессанс – истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас. М. : Прогресс, 2001. 704 с.

*** Космологизация: новый этап мирового развития в контексте гуманитарной космологии: научная монография. М. : Международные отношения, 2014. 912 с.; Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей): научная монография. М. : Деловая литература, 2006. 160 с.;

**** Диалог: Диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен: научная монография. М. : Экономика, 2011. 733 с.;

***** Набат! Человек в современном мире: Научная монография. Для обсуждения. Приглашения к «мозговому штурму» и действию. М. : Эдитус, 2015. 160 с.;

***** МИРЫ: Прологомены к философии преобразования ЧЕЛОВЕКА и его бытия в МИРАХ гуманитарного космоса: научная монография. М. : Международные отношения, 2015. 560 с.

Чтобы понять суть Парадигмы Мирового Преображения (ПМП), мы должны осознать следующее.

Во-первых, по своей природе *Парадигма Мирового Преображения* многомерна, поэтому мы даем ее в нескольких ракурсах (измерениях). Берем центральные из них, их три: 1) сердцевина Парадигмы Мирового Преображения – *ее геоэкономическое измерение*; 2) *космологизация мира как парадигмальная смена координат бытия – новая среда мирового развития*; 3) *диалогистика (мировой дискурс) как мощный операционный рычаг Мирового Преображения*.

Во-вторых, если геоэкономика, как «дитя» глобалистики, под ее воздействием «возмужала и окрепла», продемонстрировав успешную консолидацию мировых ресурсов (интеллектуальных, трудовых, финансовых, сырьевых, инвестиционных и т. д.) в целях решения неотложных национальных, региональных и глобальных проблем, то в новых условиях (в условиях космологизации мира) *геоэкономика обрела новый статус* – она выступила как носитель здравого смысла,

способ размыwania любых мировых коллизий бескровным, экономическим путем, – она стала залогом *воспроизводства жизнеутверждающих начал человека*.

В-третьих, происходящее на наших глазах *качественное изменение среды мирового развития под воздействием космологизации* наложило свой неизгладимый отпечаток на базовые категории, понятия и атрибуты мирохозяйственного и социального плана. В новой среде получают невиданный ранее расцвет экономика, политика, культура, система образования и воспитания и т. д. Это становится центральным нервом современной мировой повестки дня.

И, **наконец**, под воздействием новейших, все набирающих силу процессов мировых перемен возникла острая необходимость *смены методологической «оптики»* – на мировую научную арену выступили объемно-пространственные методы мироосознания, восприятия и отображения мира (речь идет о *геогенезе и космогенезе*). Это послужило основанием для *нового миропонимания*, выхода на арену общественной жизни «новых людей», смело прокладывающих дорогу к Мирозданию нового Ренессанса. Все вышеотмеченные моменты объемлет новая отрасль (сфера) гуманитарного знания – *гуманитарная космология*⁵. *Процесс космологизации мира* формирует среду, в которой вызревают и набирают силу атрибуты ПМП.

Время не ждет (разворот на Парадигму Мирового Преображения)! Человеку, мировой системе, мировому сообществу отступать некуда: сложилась ситуация балансирования на пределе равновесия. А это, как неоднократно показывает история, чревато катастрофой! Сжатое время, отпущенное историей на решение вышеотмеченных проблем, может не оставить шансов многим мировым структурам удержаться на уровне новых задач – возникает реальная ситуация оттеснения их на обочину как нежизнеспособных, вплоть до кардинальной реструктуризации и исчезновения.

Почва для выхода из сложившейся ситуации подготовлена ПМП, а высокая гуманитарная технология рывка в будущее высвечена *гуманитарной космологией*.

И здесь со всей очевидностью встает вопрос широкого включения в поисковую работу по моделированию мирового будущего. Своевременное включение государственных и общественных структур, университетов, научных институтов и центров в эту работу, выработка нестандартных новаций и новых подходов к осознанию быстро меняющегося мира и поиску в этих условиях новой модели развития послужит важнейшим критерием жизнестойкости и значимости этих структур.

Разработанная **Парадигма Мирового Преображения** может явиться тем фундаментальным каркасом новой социально-экономической модели развития, которая высвечивает горизонты будущего. На рубеже XXI в. во весь рост поднялись новейшие отрасли гуманитарного знания. Они заложили основы *Парадигмы будущего*. Каждое звено парадигмы «*геоэкономика → глобалистика → гуманитарная космология*» тщательно проработано.

⁵ См.: Кочетов 2006; 2014. Полные тексты этих книг размещены в Интернете в свободном доступе (см.: <http://viperson.ru/articles/gumanitarnaya-kosmologiya-doroga-k-novomu-mirozdaniyunovyh-lyudey-nauchnaya-monografiya>; <http://viperson.ru/articles/kochetov-ego-kniga-kosmologizatsiya-kak-proryv-v-novuyu-sferu-gumanitarnogo-znaniya-polnyy-tekst-knigi-na-portale-virerson-ru>).

Парадигмы Мирового Преображения: суть и смысл (общий контур)

Теперь *развернем* внутреннюю логику становления (построения) Парадигмы Мирового Преображения, ее суть и смысловую нагрузку составляющих ее блоков. И сделаем это через призму *процесса космологизации мира*.

Для этого выстроим в определенной логике (последовательности) ряд центральных атрибутов ПМП. Их совокупность формирует каркас парадигмы и дает возможность представить ее суть.

В самом общем виде *Парадигма Мирового Преображения* – это качественно новое восприятие мира посредством смены ментальной «оптики» Человека и его мыслительного поля, обустройство мира на принципах космогенеза.

Здесь *космогенез* выступает как: 1) философия объемно-пространственного отображения человека и его бытия в координатах гуманитарной космологии; 2) методологическая основа гуманитарной космологии, новая методологическая «призма», через которую просматривается процесс космологизации мира; 3) пространственно-философская «объемная» методология осознания (постижения), восприятия и отображения мира как синтез подпространственных форм, выделенных по функциональному принципу в единое целостное пространство – гуманитарный космос; 4) методологический прием (образ) путешествия в космологические дали гуманитарного космоса в поисках миров как своеобразных лекал по преобразению и трансформации окружающего нас мира и бытия Человека. Космогенез в целом выступает как новая методологическая основа, новейшая «оптика» восприятия (понимания) современной архитектоники мира.

Отсюда *Кредо Идеи Мирового Преображения «МИРЫ»* – прорыв на основе космогенеза оболочки бытия и выход на новые его горизонты видения и миропонимания, в центре которого – Человек, его жизнь и среда обитания как высочайшие, ни с чем не сравнимые и непреходящие ценности тысячелетнего ранга.

Но здесь следует особо оговориться: ПМП не есть плод досужего теоретического и методологического изыска – она отражает реальный, объективный исторический процесс продвижения мира к новому этапу общности, целостности, к качественно новой его фазе – космологизации. По большому счету *космологизация*: 1) процесс, отражающий новейшую фазу магистрального пути мирового развития как синтез человека, общепланетарных и космических процессов (союз «Человека, Земли и Неба»); 2) выход на мировую арену «новых людей», обладающих космологическим сознанием, творцов Мироздания, их органичное слияние с ним; 3) процесс создания и предъявление миру нового чертежа (эскиза) антропокосмоса и высокая гуманитарная технология возведения на его основе нового Мироздания – Мироздания нового Ренессанса; 4) выход Человека на новые масштабы и горизонты макро- и микромира как залог его качественно нового бытия.

У человека, окунувшегося в процесс космологизации мира, неизбежно начинает кристаллизоваться адекватно этому *космологическое сознание* и *миропонимание*. По своей природе *космологическое сознание* – это мысли, восприятия, воображение и самосознание человека, преломленные через призму сопричастности его к космосу; это ментальность человека, осознающая космологическое пространство в едином, неразъятном виде его двух составных частей (звеньев) – гуманитарной космологии человека («внутренний» космос) и Вселенной («внешний» космос).

Осознание новых мировых тенденций выводит человека на новое миропонимание – космологическое. **Космологическое миропонимание** – внутренняя убежденность человека в правоте своего дела и обоснованности своих поступков и устремлений, осознание личной ответственности за судьбу жизни на Земле, выход на понимание необходимости следующего рывка в будущее – в процесс космологизации, рывка, оставляющего позади себя деформированное сознание человека и, как следствие, опасно деформированный, парадигмально несостоятельный, опасный устаревший мир. Иными словами, **космопонимание** – это позиция каждого человека относительно ближних и дальних горизонтов своего бытия, позиция, не упускающая из виду реальность жизнеутверждающих начал.

В этой ситуации зарождается и заступает на мировую арену новый человек – космологический. **Космологический человек** – Человек новой, космологической формации, носитель космологического сознания; Человек, воспринявший новейшие смысловые и ценностные установки, освещающие его жизнь, его свободу, его жизнеутверждающие начала и потребности, ближние и дальние горизонты; Человек, вышедший за глобальные (планетарные) рамки и вместивший в себя беспредельные пространства, соединив в одно целое «внутренний» мир – гуманитарный космос и мир «внешний» – Вселенную; Человек, обретший жажду нового знания об окружающем его мире и приступивший к поиску ответов на вопросы высшего, тысячелетнего ранга; Человек – созидатель, осознавший тягу к великим поступкам и «Большому делу» – построению нового мироздания – Мироздания нового Ренессанса.

И мы уже явно различаем поступь нового человека, его цели и задачи тысячелетнего ранга. По Земле идет **космологический гул** – идущий по Земле гул, загадочный, нарастающий, переходящий в набат! Здесь уже не нужно иметь тонкий слух и чуткое ухо – это гул шагов «Нового человека». Человека – преобразователя нашего мира. Человека, несущего новые лозунги нового бытия, представляющего миру новый эскиз нового мироздания – Мироздания нового Ренессанса. Человек не является более пассивным наблюдателем своей судьбы и судьбы окружающего его мира. Самое мощное оружие в руках человека – это сами его «вопросы!» Вырвавшийся из застенков мировой закабаляющей системы человек не оставил ее в покое – он прислонил к ней гигантский вопрос, масштаб и тяжесть которого соизмеримы с той тысячелетней свинцовой тяжестью, которую испытал человек, «вмонтированный» в мировую систему. Чего более всего страшатся апологеты «современности»? Прихода «Нового человека!» Он вырывает из их цепких рук «людей с туго забинтованными головами» и дает им свободу!

Все вышеотмеченное предвосхищает парадигмальные трансформационные сдвиги.

Во-первых, это **космологический гуманитарный поворот** – постижение ошибок интеллекта, зародившихся в исторических глубинах сознания человека и приведших к искажению «оптики», взгляда на мир, к мировоззренческому «косоглазию». На поверхность бытия эти ошибки доходят только сейчас в виде проявлений, толчков (явлений), событий, «сдвигов», деформации всего мироздания и т. п. Путь от первых признаков зарождения (проявления) новых процессов (а тем более от руководства к действию в изменившейся ситуации) до осознания их глубинных истоков непомерно длинный. Как далекие, зародившиеся в глубинах космоса (Вселенной) новые миры и галактики не спешат открыть себя, а мед-

ленно дают о себе знать путем дошедших до нас из чудовищных глубин через гигантские промежутки времени сигналов (излучения), так и здесь, в нашем случае, интеллект не спешит раскрывать человеку признаки своих глубинных ошибок.

Во-вторых, выход на **космологический гуманитарный тысячелетний перелом** – выход на новое парадигмальное осознание нашего мира, осознание, способное поставить вопросы высшего (тысячелетнего) ранга и находить ответы на них, способное к выходу на новые горизонты мирообустройства; преддверие Нового Ренессанса.

Приход в наш мир Нового человека, человека-творца, преобразователя нашего мира, отображает *гуманитарная космология* с ее *методологическим подходом* и *инструментарием*. И здесь уместно в кратком виде обозначить их суть и смысловые характеристики. **Гуманитарная космология** – это отрасль гуманитарного знания, наука: 1) о ценности человека и жизни, новых ее общественных формах организации; 2) нераздельном парадигмальном миропонимании внутреннего и внешнего мира человека и способах его отображения; 3) выходе на такие уровни (горизонты) мирозерцания, на которых стирается грань между естественным и гуманитарным знанием; 4) выходе гуманитарных геопространств (геоэкономики, геостратегии, геополитики, геокультуры, геоинформатики и др.) за глобальные рамки и технологии оперирования как их синтеза в этом новом пространственном измерении; 5) осознании вопросов тысячелетнего ранга и поиске ответов на них; 6) фундаментальных основах доктрины человека как гуманитарного манифеста.

Гуманитарной космологии присущ свой **подход**, в его основе лежит осознание нового этапа (фазы) мирового развития – космологизации – путем четкого разграничения гносеологических и онтологических составляющих этого процесса. Такого же ранга и **космологический инструментарий** – атрибуты гуманитарной космологии; набор научных приемов и инструментов для осознания процесса космологизации и обоснования спектра приемов и мер по укоренению этого процесса. Среди них – *диалог*, который заступил как неизбежное средство выживания на планете Земля. **Диалог** – фундаментальная категория диалогистики, обозначающая желание сторон (участников диалога) обозначить собственные позиции по проблемным вопросам и на основе этого выйти на общую смысловую платформу в отношении предмета обсуждения или зафиксировать аргументацию, которая укрепляет позиции каждой стороны в своей правоте.

Сам диалог уже оснащен теоретическими и методологическими началами в лице *диалогистики*. **Диалогистика** – новая отрасль гуманитарного знания, наука о базовых теоретических и методологических основах взаимного и согласованного миропонимания в условиях глобальных трансформаций; о поиске проблемных вопросов высокого ранга и провозглашении новых повесток дня; о выходе на новые уровни межцивилизационного диалога как фундаментального начала гармонизации нашего мира; о высоких гуманитарных технологиях снятия напряженности и придания глобальной цивилизационной устойчивости; о теоретических основах мониторинга цивилизационной устойчивости и новых принципах принятия решений по глобальным проблемам современности; о поиске новых мотиваций, стимулов и смыслов бытия, новых моделей и горизонтов ренессансных преобразований.

Итак, мир входит в новую фазу своего развития – идет *качественное изменение* среды. Это ключевой момент в понимании мировых трансформаций: процесс космологизации мира формирует среду, в которой вызревают и набирают силу атрибуты ПМП, и здесь *уместно сделать одно, на мой взгляд, очень важное замечание*: именно в новой среде вызревают новые институты, мировые тенденции, приоритетные сферы деятельности человека. Именно здесь геоэкономика обретает новое качество и значимость, выходит на передовые рубежи, мощно проявляя себя в качестве центрального вектора мирового развития. И это при том, что все отрасли гуманитарного знания преобразуются до неузнаваемости под воздействием процесса космологизации мира!

* * *

С какой бы стороны (границы) мы ни подходили к Парадигме Мирового Преображения, будь то геоэкономика, диалогистика, космологизация, когнитивная сфера человека и т. д., – гуманитарная космология все эти компоненты (границы) объединяет в разных сочетаниях и пропорциях, тем самым формируя цельное полотно – картину будущего, картину Преображения мира. Так ограненный алмаз (кристалл) являет нам изумительной красоты драгоценный камень – бриллиант! И каждый поворот бриллианта открывает его все новые и новые изумительные свойства. Все это говорит об объемно-пространственном характере Парадигмы, ее огромном числе ракурсов, свойств, еще неизвестных открытий, которые таит в себе этот «ограненный кристалл бытия» при его повороте, развороте, подсветке и пр.⁶

Литература

Кочетов Э. Г. Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание: новый ренессанс – истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас. М. : Прогресс, 2001.

Кочетов Э. Г. Геоэкономический (глобальный) толковый словарь (Основы высоких геоэкономических технологий современного бизнеса). Сборник стратегических понятий новелл. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2006а.

Кочетов Э. Г. Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей): научная монография. М. : Деловая литература, 2006б.

Кочетов Э. Г. Российский интеллектуальный подъем: формы, маршруты, этапы (К вопросу о механизме «работы» парадигмальной связки «геоэкономика → глобалистика → гуманитарная космология»): доклад для научно-методологического семинара «Высокие Гуманитарные Технологии – XXI» (Москва, 13 марта 2007 года). М. : НАВИГУТ, 2007.

Кочетов Э. Г. Диалог: Диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен: научная монография. М. : Экономика, 2011.

⁶ Парадигма Мирового Преображения, ее общий контур, известна и зарубежному читателю. Так, в фундаментальной библиотеке Кембриджского университета имеется семь книг автора, которые в совокупности освещают Парадигму Мирового Преображения: [Кочетов 2016; 2015в; 2015а; 2014; 2011; 2006а; 2001]. Их легко можно обнаружить, заглянув в каталог университетской библиотеки (см.: Kochetov Ernest в поисковой системе lib-cat.trin.cam.ac.uk).

Кочетов Э. Г. Космологизация: новый этап мирового развития в контексте гуманитарной космологии: научная монография. М. : Международные отношения, 2014.

Кочетов Э. Г. МИРЫ. Прологомены к философии преобразования ЧЕЛОВЕКА и его бытия в МИРАХ гуманитарного космоса: научная монография. М. : Международные отношения, 2015а. С. 410–435.

Кочетов Э. Г. Оберегатели. Интеллектуальная среда, взлелеявшая парадигму мирового преобразования. М. : Эдитус, 2015б.

Кочетов Э. Г. Набат! Человек в современном мире: Научная монография. Для обсуждения. Приглашения к «мозговому штурму» и действию. М. : Эдитус, 2015в.

Кочетов Э. Г. Парадигма мирового преобразования как модель будущего, ее суть, логика построения, теоретические, методологические и прагматические основания (сжатый вариант): научная монография. М. : Эдитус, 2017.

Kochetov E. G. The Paradigm of the World Transformation as the Model of the Future, its Essence, the Logic of Construction, Theoretical, Methodological and Pragmatic Bases (Brief Version): Scientific Monograph. Moscow : Editus, 2017.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЭКОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Вебер А. Б.*

Формирование экологического сознания в массах – необходимое условие перехода к устойчивому развитию, то есть таких изменений в развитии общества, которые позволили бы снять чрезмерную антропогенную нагрузку на природную среду (биосферу). Ценностный смысл концепции устойчивого развития – отход от утилитарного отношения к природе, признание ее самоценности, ограниченности земных ресурсов, невозможности безграничного экономического роста, необходимости усвоения этики самоограничения, достаточности и ответственности как руководящих принципов общественного поведения. Ввиду несовпадения вербальных суждений людей с их реальным поведением уместно различение пассивного (большинство) и активного (деятельное меньшинство) экологического сознания. Между странами мира существуют значительные различия в эффективности экологической политики, а достигнутые в целом результаты пока далеки от желаемых целей устойчивого развития.

Ключевые слова: экологические угрозы, экологическое сознание, этика самоограничения, экологическая политика, устойчивое развитие.

The mass formation of ecological consciousness is a necessary premise for the transition to sustainable development, i.e. for such changes in the development of society, which would remove the excessive anthropogenic burden on the biosphere. The value essence of the concept of sustainable development is a retreat from a utilitarian attitude to nature, the recognition of its intrinsic value, of the limited natural resources, and of the impossible boundless growth, of the need for acquiring the ethic of self-restraint, sufficiency and accountability in public behavior. The divergences between people's verbal judgments and their actual behavior allow carrying the distinction between passive (the majority) and active (active minority) ecological consciousness. Among the countries of the world there are strong differences in the effectiveness of environmental policies, and generally, the results are still far from the desired goals of sustainable development.

Keywords: environmental threats, ecological consciousness, ethics of self-restraint, environmental policy, sustainable development.

* Вебер Александр Борисович – д. и. н., г. н. с. Института социологии РАН. E-mail: mailbox@polisma.ru.

Мне нет до тебя дела, – говорит природа человеку, – я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть.

И. С. Тургенев

Переход к устойчивому развитию... должен начинаться с пересмотра ценностей и целей развития и соответствующего пересмотра приоритетов.

К. Лосев

В ноябре 2015 г. ООН опубликовала доклад «Людские потери в результате стихийных бедствий, связанных с погодой». За последние двадцать лет, говорится в докладе, около 90 % крупных катастроф в мире были связаны с погодными явлениями – наводнениями, штормами, тепловыми волнами, засухами и т. п. За два десятилетия в мире зарегистрировано 6457 таких природных бедствий, с 1995 г. в них погибло 606 тыс. человек; 4,1 млрд человек пострадали, то есть получили ранения, лишились жилья или оказались в категории лиц, нуждающихся в помощи. Материальный ущерб, с учетом землетрясений и цунами, эксперты ООН оценивают в 250–300 млрд долларов в год (а это 5–6 трлн долларов за два десятилетия) [Центр... 2015; Доклад... 2007: 75–88; Порфирьев, Макарова 2014].

По оценке экспертов, 3,5 млрд людей, то есть половина мирового населения, живет на территориях, где уровень загрязнения атмосферы (*unsafe air quality*) превышает порог безопасности для здоровья и жизни людей. Треть из них (1,3 млрд) – в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона, причем в Китае и Южной Корее более 50 % населения подвержено опасному уровню загрязнения атмосферы, а в Индии и Непале – до 75 %. В 2013 г. 10 % смертности в мире (–5,5 млн человек) было вызвано загрязнением атмосферы. И этот печальный показатель вырос по сравнению с 1990 г. Смертность от загрязнения воды (*unsafe water*) удалось снизить к тому времени до 2 % (–1,2 млн человек) [Hsu *et al.* 2016: 27].

Многолетние исследования Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) привели к другому тревожному выводу: если эмиссию парниковых газов не сократить, то к концу столетия приземная температура по сравнению с доиндустриальной эпохой может повыситься на 3,7–4,8 °C или более, что грозит человечеству еще большими бедствиями – более частыми природными катаклизмами, сокращением производства продовольствия и новым распространением массового голода, обострением конфликтов за доступ к ресурсам. Серьезными последствиями для климата грозит сокращение площади лесов: ежегодно на планете утрачивается до 15 млрд деревьев – около 0,5 % всей массы.

Замечено, что частота геофизических катастроф остается практически неизменной, тогда как гидрометеорологические стихийные катаклизмы случаются все чаще. Непосредственные их источники могут быть разными, но главная причина общая – нарушение устойчивости биосферы вследствие хозяйственной деятельности человека. *Homo sapiens* как биологический вид может существовать лишь в определенных физических параметрах с точки зрения температурного режима, состава и состояния атмосферы, наличия пресной воды и т. п. На протяжении тысячелетий устойчивость биосферы в благоприятных для жизни людей условиях поддерживалась посредством биотической регуляции – процесса замкнутого кру-

говорота биогенов, совершаемого биотой планеты. Но вследствие промышленной революции и процессов индустриализации потребление человечеством биоты на определенном этапе превысило допустимый порог. Антропогенное воздействие на природную среду вышло за пределы хозяйственной (несущей) емкости биосферы, что привело к нарушению естественных экосистем – повышению концентрации парниковых газов в атмосфере, загрязнению водных объектов, деградации почв, сведению лесов, опустыниванию, сокращению биоразнообразия и т. п.¹

Понимание угрозы пришло не сразу, а широкой публикой она и сейчас не вполне осознана. Природные бедствия люди воспринимают тяжелее всего, когда пострадали от них сами, непосредственно, то есть на *локальном* уровне. Конечно, крупные природные катастрофы в тех или иных странах вызывают эмоциональную реакцию сопереживания, но для большинства это все же нечто далекое, не представляющее непосредственной опасности. *Глобальные* экологические угрозы не воспринимаются так остро, как локальные, поскольку возникают вследствие процессов, протяженных во времени, превышающем срок жизни человека; их губительные последствия часто неочевидны или незаметны в обыденной жизни. О масштабах преждевременной смертности от загрязнений известно ВОЗ, но не существует такого медицинского диагноза. Точно так же повышение приземной температуры на 1 °С за столетие – цифра, кажущаяся столь малой, что сама по себе она не задает массового сознания. А грозные последствия глобального потепления до конца столетия – это нечто слишком далекое, чтобы задумываться об этом здесь и сейчас.

* * *

В последней трети XX в. для исследователей стало очевидным: антропогенное воздействие на природную среду (складывающееся как производное от численности населения, потребления на душу населения и побочного ущерба от хозяйственной деятельности) нарастает *по экспоненте*. Любые экспоненциальные процессы *предельны*. На каком-то этапе воздействие человека на внешнюю природу достигло масштабов, несовместимых с сохранением биосферного равновесия, поддерживаемого естественным механизмом ее саморегуляции. Человечество оказалось в ситуации, которую образно характеризуют как «синдром динозавра» [Laszlo 1994: 141].

Проблема экологической безопасности выдвинулась на одно из первых мест в мировой повестке дня². Появилась необходимость переосмыслить, переопределить задачи общественного развития. Ответом на вызов стала концепция *устойчивого развития*³, к которой исследователи и передовая общественная мысль пришли в 70–80-х гг. прошлого столетия. Международная комиссия по окружающей среде и развитию (Комиссия Брундтланд) определила экологически устойчивое развитие как такое развитие, которое учитывает потребности настоящего

¹ В разработку этой проблематики фундаментальный вклад внесли российские ученые, заложившие основы современных представлений о состоянии системы «Человек – Природа». Упомянем лишь некоторые работы: Горшков 1995; Данилов-Данильян и др. 1995; Моисеев 1999; Данилов-Данильян, Лосев 2000; Стратегия... 2002.

² Подробнее о понятии «экологическая безопасность» см.: Данилов-Данильян и др. 2001.

³ Принятый у нас за неизменное более точного семантического эквивалента перевод английского термина *sustainable development* как «устойчивое развитие» не вполне адекватен смыслу оригинала: речь идет о допустимом, приемлемом, постоянно поддерживаемом жизнеспособном развитии.

времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [Наше... 1989: 11, 50].

Речь идет о *рамочной* концепции, обобщенно характеризующей совокупность конкретных мер, необходимых для исправления ситуации. Сущность этой концепции – обоснование перехода к такому *развитию общества*, которое позволило бы снизить антропогенную нагрузку на внешнюю природу, то есть не подрывало бы биосферных условий существования человечества. И это *ценностная* концепция, она предполагает основанное на определенных ценностях *целесолагание*, известную степень *сознательного контроля* общественных процессов. Переосмысление понятия «развитие» привело к более четкому различению «роста» как преимущественно *количественных* изменений и «развития» – как изменений *качественных*.

У концепции устойчивого развития оказалась сложная судьба. Получив сначала широкое признание в мире и одобрение ООН, она вскоре стала терять привлекательность в глазах сильных мира сего, увлекшихся в 1990-е гг. рыночной глобализацией. На Западе в принципе устойчивого развития многие усмотрели угрозу достигнутым там высоким потребительским стандартам, в развивающихся странах – препятствие для экономического роста и преодоления бедности. Одобрение концепции не сопровождалось адекватной имплементацией ее в политике.

Более того, формальное признание принципа устойчивого развития сопровождалось выхолащиванием этой идеи, подменой ее понятием «устойчивого роста»⁴. Явное и неявное сопротивление исходило с разных сторон – от политиков, озабоченных текущими задачами дня или ближайшими выборами; от консервативных кругов, убежденных в преимуществах стихийного «свободного рынка», в его способности решить все проблемы; от тех, кто усмотрел в концепции устойчивого развития угрозу свободе личности, скрытую «социалистическую» опасность; от некоторых ученых, превратно трактующих устойчивое развитие как претензию на «управление природой», способную якобы подавить естественное развитие, и уверенных в том, что законы биосферной эволюции сами по себе гарантируют социальный прогресс, и т. п.

Тем не менее обострение кризисных процессов заставляло вновь и вновь говорить о целях развития, особенно в связи с растущим разрывом между богатыми и бедными странами. В Декларации тысячелетия, принятой ООН в 2000 г., главы государств и правительств вновь высказались в поддержку принципа устойчивого развития, а среди ближайших целей, адресованных прежде всего развивающимся странам, наметили к 2015 г. сократить вдвое долю мирового населения, живущего в крайней бедности, и вдвое же – долю людей, страдающих от голода. Первую задачу удалось выполнить, сократилась и доля голодающих, но до ликвидации нищеты и голода еще очень далеко.

Между тем к нерешенным проблемам развития прибавлялись новые. Растущая в мире обеспокоенность складывающейся ситуацией отразилась в итогах Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» (июнь 2012 г.), проходившей с участием многих глав государств и правительств. В принятом конференцией пространном программном документе «Будущее, которого мы хотим»,

⁴ Устойчивое развитие совместимо с умеренным экономическим ростом (в чем особенно заинтересованы развивающиеся страны) при условии использования имеющихся технологических возможностей радикального сокращения удельных затрат энергии и других ресурсов. См.: Вайцеккер и др. 2000; 2013.

подчеркнута необходимость продвижения идеи устойчивого развития «на всех уровнях», интеграции его экологической, социальной и экономической составляющих и учета их взаимосвязи для достижения целей устойчивого развития на всех его направлениях [Итоговый... 2012].

В своем послании «Путь к достойной жизни: повестка дня на период после 2015 года», обращенном к лидерам стран – членов ООН (декабрь 2014 г.), Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун призвал их четко сформулировать цели устойчивого развития на следующие 15 лет – до 2030 г. Отвечая на этот призыв, главы государств, правительств и другие представители всех государств – членов ООН на саммите в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в конце сентября 2015 г. одобрили итоговый документ под названием «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В этом новом масштабном плане действий определены 17 целей и 169 задач, решение которых, как предполагается, должно вывести мир на траекторию устойчивого развития, создать условия для более безопасного, более благополучного и более справедливого будущего для всех людей на планете. Таким образом, сделан еще один важный шаг к признанию принципа программируемого, направляемого развития – как ответа на глобальные вызовы современности.

* * *

Программирование необходимо, но программные документы сами по себе ничего не изменят, если принципы устойчивого развития не утвердятся в *массовом сознании*. В обычных условиях люди, как правило, не задумываются над отдаленными последствиями своих действий. Временной и пространственной кругозор большинства ограничен непосредственными нуждами и интересами. Долгосрочные проблемы и цели будущего воспринимаются как что-то слишком далекое или слишком громадное, отношение к ним часто скорее отстраненное или даже фаталистическое – «на наш век хватит», а там...

Угрозы, с которыми сталкивается человечество в наше время, требуют отказа от сложившихся в прошлом и во многом сохраняющихся поныне жизненных привычек людей – утилитарного, потребительского отношения к природе, расточительности в использовании ресурсов. Переход к устойчивому развитию предполагает этическое обновление человечества, формирование новых ценностных установок, *нового, экологического сознания*, включая прежде всего осознание самоценности природы как условия сохранения жизни на Земле, ограниченности доступных для эксплуатации ресурсов, признание невозможности безграничного экономического роста.

Осознание комплекса этих проблем в обществе – долгий и трудный путь, потому что здесь затрагиваются глубинные основы человеческой психики, вековые традиции и привычки, частные интересы – будь то личные, групповые или национальные. В новых условиях на место культивируемой богатыми странами Запада озабоченности непрерывным ростом производства и потребления, в чем-то далеко выходящего за пределы необходимых и разумных жизненных потребностей, должна прийти *этика самоограничения*, этика умеренности, достаточности и ответственности.

В 50–60-е гг. прошлого века в странах Запада на фоне достигнутого к тому времени экономического прогресса, повышения уровня жизни и образованности

большинства населения наметились важные подвижки в ценностных установках многих граждан – растущий запрос на более высокое качество жизни, на нематериальные блага, в том числе на более здоровую окружающую среду. Как показали опросы, проведенные в 80-е гг. в США, Западной Германии, Великобритании, там значительная часть населения стала отдавать предпочтение защите окружающей среды перед экономическим ростом. Большинство готово было согласиться и с тем, что защита природы важнее даже в том случае, если это приведет к повышению цен и замедлению роста. Многие соглашались с идеей «пределов роста»: в США мнения «за» и «против» разделились примерно поровну, немцы готовы были поддержать ее даже в большей мере (78 %), англичане тоже, но в меньшей степени, чем немцы. Во всех трех странах 75 % опрошенных согласились с утверждением «человечество слишком злоупотребляет окружающей средой» [Milbrath 1989: 121–129].

В нулевые годы XXI в. эти настроения получили дальнейшее развитие, причем не только в промышленно развитых, но и в развивающихся странах. Одним из главных побудителей стали все более частые природные катаклизмы, связанные с изменением климата. Общественное мнение прониклось уверенностью, что большинством ученых достигнуто согласие по поводу неотложности проблемы и что знаний об этом уже достаточно, чтобы действовать. Глобальное потепление стали воспринимать как реальную и серьезную проблему или угрозу не только в Европе и США, но и в развивающихся странах, наиболее уязвимых перед лицом стихийных бедствий. Об этом говорило большинство участников опросов в 2006–2010 гг., проводившихся одновременно во многих странах⁵ [Publics...]. В 2010 г. в среднем 84 % респондентов (25 стран) признали глобальное потепление «серьезной проблемой», в том числе 52 % – «очень серьезной». При этом уже в те годы большинство респондентов было уверено, что основной причиной изменения климата стала деятельность человека – промышленность, транспорт и т. д.

Очень многие заявляли о том, что ощущают непосредственно на себе вредные последствия глобального потепления. В 10 странах из 16, где в 2009 г. задавали такой вопрос, большинство респондентов сказали, что уже страдают от изменения климата и его последствий. Больше всего таких ответов было в Кении (88 %), Вьетнаме (86 %), Мексике (83 %). Меньше всего в США (34 %) и России (27 %). В среднем в этих 16 странах 59 % респондентов сказали, что уже испытывают вредные последствия изменения климата, и 17 % – что это скажется в последующие десять лет.

Опросы 2006–2010 гг. показали также, что значительное большинство людей поддерживают необходимость действенных мер для решения проблемы изменения климата. Причем чаще всего люди высказывались за срочные меры. Уровень поддержки заметно выше среди тех, кто более информирован об этой проблеме. Большинство респондентов в 15 из 16 стран (2009 г.) назвали проблему климата приоритетной, даже если это вызовет замедление экономического роста и потерю некоторой части рабочих мест. С этим согласились в среднем 69 % респондентов и не согласились 26 %. Самое значительное большинство в поддержку ощутимых мер противодействия глобальному потеплению отмечалось в странах Западной

⁵ На сайте <http://worldpublicopinion.org> опубликован дайджест десятков опросов по экологической проблематике, проведенных в 2006–2010 гг. одновременно во многих странах различными агентствами, занимающимися изучением мирового общественного мнения [Council... 2011].

Европы: в Испании (91 %), Италии (86 %) и Франции (85 %). Готовы были поддержать срочные меры, даже несмотря на возможные издержки, в Китае (70 %) и США (59 %).

Особенно важно согласие большинства респондентов с тем, что ради сокращения эмиссии парниковых газов необходимо *менять стиль жизни и поведения*. По данным одного из упомянутых выше опросов (2007 г., 21 страна), такое мнение поддержали 83 %, в том числе 46 % сказали, что это «определенно необходимо», и 37 % – «вероятно необходимо». Среди стран, где такие мнения оказались преобладающими, Испания (68 %), Мексика (64 %), Канада (63 %), Италия (62 %) и... Китай (59 %). Но в опросе 2010 г. – следует ли согласиться с повышением цен на энергию ради борьбы с глобальным потеплением – мнения разделились: в среднем 46 % в 22 странах с этим согласились и 46 % не согласились.

В массовом сознании все больше утверждается понимание необходимости развития и использования альтернативных источников энергии как конкретной меры противодействия глобальному потеплению. При опросе в 27 странах Европейского союза (2010) 57 % назвали идею увеличения доли возобновляемых источников энергии к 2020 г. «правильной», а еще 16 % сочли этот показатель «слишком скромным». В ходе одного из международных опросов (2008 г., 21 страна) в пользу альтернативных источников высказалось 77 % респондентов, причем 69 % (в 19 странах из 21) – даже в том случае, если это могло бы привести к удорожанию энергии в краткосрочной перспективе. (Лишь в России мнение в поддержку альтернативных источников не получило четкого большинства.) Две трети участников этого опроса (66 %) согласились, что переход к альтернативным источникам и удорожание энергии не причинят ущерба экономике в долгосрочном плане.

Может создаться впечатление, что приведенные выше данные преувеличивают степень зрелости массового экологического сознания. Такое предположение не совсем безосновательно: в подобных опросах всегда присутствует некий психологический зазор: настрой респондентов на преобладающие в их среде и в это время мнения и/или готовность дать тот ответ, который, как им представляется, от них ожидают. Поправка на это необходима. Но главное здесь в другом: *в несовпадении вербальных суждений и реального поведения людей*, поскольку оно определяется не только (а часто и не столько) субъективными мнениями, сколько объективными обстоятельствами – логикой рыночных отношений, культом потребления в богатых странах [Ильин 2016]⁶ и низким уровнем жизни в бедных государствах.

На протяжении столетий отношение западного человека к природе определялось уверенностью в неисчерпаемости природных ресурсов. Рационалистический экономизм европейцев вырос из религиозных корней западного христианства, из представления о человеке как «венце творения», его санкционированного свыше предназначения «обладать» природой, использовать ее в своих интересах, как источник средств существования и богатства. Восточные религии (буддизм, индуизм, даосизм и др.) породили иной тип культуры – глубокое почитание природы,

⁶ По мнению этого автора, «культура потребления нейтрализует экологическое сознание» (Там же: 147). Правильнее, думается, говорить о *столкновении* экологического сознания и феномена потребления.

ощущение единства и взаимозависимости всего живого, органической взаимосвязи человека и природы [Иоселиани 2012; 2014]. Но здесь, в Азии, природа оказалась заложником демографии и нищеты.

Формирование экологического сознания возможно лишь в противостоянии давлению рыночной стихии, продуцирующей и навязывающей – особенно посредством вездесущей и агрессивной рекламы – все новые потребительские запросы престижного свойства («вы этого достойны!»), часто иррациональные и нередко опасные для здоровья и психики людей. С этой точки зрения следует проводить различие между *пассивным* (вербальным) экологическим сознанием и *активным*, то есть деятельным, транслируемым в экологически ориентированное поведение (соблюдение экологических норм и правил, сбережение ресурсов), в непосредственное участие в волонтерских акциях (например, очистка территорий от загрязнений и т. п.) и в деятельности экологических организаций.

Появление приверженцев изменения образа жизни стало заметным на Западе в период становления феномена консюмеризма и культа вещиизма. Как установили специалисты Стэнфордского исследовательского института (США), в 1976 г. примерно 5–6 млн американцев придерживались установки на самоограничение в потреблении и более простой образ жизни и еще 8–10 млн разделяли эти взгляды [Henderson 1978: 29; Brown 1981: 355]. Первые составляли, таким образом, примерно 3–4 % взрослого населения, вторые – 5–6 %. В то же время в ходе одного опроса 82 % американцев согласились с мнением: «Большинство из нас покупает и потребляет значительно больше, чем нам нужно, это расточительность» [цит. по: Henderson 1996: 124]. Резительный контраст в соотношении активных и пассивных носителей экологического сознания!

Позднее американский социолог Пол Рей на основе многолетних исследований пришел к выводу о появлении нового культурного типа, который он определил как «новаторов в культуре» (Cultural Creatives). Это, отмечал П. Рей, люди, придерживающиеся философии самоограничения в потреблении и более простого образа жизни; лучше других сознающие, что экономический рост не может быть бесконечным; что потребительская модель несовместима с экологической устойчивостью; что надо менять способ хозяйствования и образ жизни, чтобы сберечь природную среду, жить в согласии с природой [Ray 2003: 39–41]. Такие люди воспринимают экологические риски уже не только как внешние угрозы, но и как фактор внутренней мотивации поведения.

В Италии, по данным того же источника, этот культурный тип представлен примерно 35 % населения (2006 г.). Аналогичные данные получены по ряду других стран Западной Европы – здесь общая численность Cultural Creatives оценивалась к концу нулевых в 80–90 млн человек. Предполагается, что в Японии и Канаде сходная ситуация. Речь идет о людях, многие из которых в 60-е и в последующие годы были участниками новых социальных движений того времени, так называемых «движений совести» – антивоенных, за гражданские права, студенческих, женских, в защиту окружающей среды, за социальную справедливость, право на труд, а также активистов волонтерской, благотворительной деятельности.

Насколько достоверны эти данные? Они не могут, конечно, претендовать на абсолютную точность. Но в их пользу говорит то, что они получены на основе большого массива опросов, в том числе глубоких интервью, а также фактов, свидетельствующих о распространении в западных странах экологических движений

и практик – в поддержку более строгих экологических норм и «зеленых» инициатив, крупных проектов по внедрению альтернативных источников энергии, их использования в строительстве, градостроительной практике, в развитии общественного транспорта и т. п.

Хотя бизнес-сообщество не является большим энтузиастом экологических ограничений, многие его представители разделяют озабоченность ухудшением состояния окружающей среды и глобальным изменением климата. Носители новой ценностной парадигмы становятся не только политической, но и экономической силой в том смысле, что оказывают влияние на поведение рынка, побуждая многих производителей переключаться на «чистые» технологии, на производство экологически чистых продуктов, ужесточать требования к экологической безопасности (к чему их побуждает и законодательство). Сформировался особый сегмент рынка, ориентированный на потребителей, отдающих предпочтение экологическим ценностям.

* * *

«Экологизация» общественного сознания вызвала активную ответную реакцию *несогласия* и *отрицания*. Причин тому много: это и заурядный бытовой консерватизм – неготовность принять нечто новое; и обывательская беспечность (зачем беспокоиться – со временем люди что-нибудь придумают); и экологическое невежество; и эгоистические соображения – как бы инвестиции в экологию не повредили росту производства, не подорвали основ потребительского общества; и опасения бизнеса, настороженно воспринимающего возможность роста налогов в связи с ужесточением экологических норм; и узкие профессиональные интересы части экспертов, не вписавшихся по тем или иным причинам в мейнстрим международных экологических исследований.

Часть ученых продолжает считать, что роль антропогенного фактора преувеличивается, что пока нет достаточных доказательств серьезности угроз, и поэтому с принятием предлагаемых мер не следует торопиться. Но надо понимать: речь идет об *инерционных* процессах, последствия которых в полной мере скажутся через десятилетия. И когда появятся предполагаемые «окончательные» данные (на самом деле они уже есть!), то слишком поздно будет что-то предпринимать. Поэтому в любом случае сохраняет свое значение *принцип предосторожности*. Он требует исходить из вероятности худшего варианта. В ситуации неопределенности алармизм, в котором часто упрекают защитников окружающей среды, предпочтительней самоуспокоенности.

Понимание серьезности ситуации и необходимости действовать все больше проникает в *мировую политику*. Пионерскую роль в продвижении практических мер взял на себя в свое время Европейский союз, поддержав еще в 2007 г. предложение Германии в одностороннем порядке сократить к 2020 г. выбросы парниковых газов на 20 % и одновременно добиться увеличения до 20 % доли возобновляемых источников энергии в общем балансе. С приходом Б. Обамы в Белый дом изменилась и позиция США: решение экологических проблем заняло одно из первых мест во внутренней политике; одновременно США стали активно содействовать борьбе с глобальным потеплением на международном уровне, внося существенный вклад в успех Парижской конференции по климату (2015 г.).

Не приходится удивляться тому, что между странами мира существуют разительные контрасты с точки зрения *эффективности экологической политики*. Представление о масштабах различий дает разрабатываемый Центром экологического права и политики при Йельском университете (США) индекс экологической эффективности (EPI – Environmental Performance Index) [Hsu *et al.* 2016]. Индексом 2016 г. охвачены 180 стран, по которым можно было получить достоверные и проверяемые данные, касающиеся самых приоритетных направлений экологической политики, а именно: загрязнение воздуха, качество воды и санитарии, климат и энергетика, состояние лесов, рыбные ресурсы, биоразнообразие и пр.⁷ Ранжирование стран по уровню достижений в этой области демонстрирует значительный разрыв между лучшими и худшими результатами. Самые высокие показатели EPI у стран Западной Европы (особенно Скандинавских) и Северной Америки (более 80 баллов). На первом месте Финляндия (90,68 балла), за ней следуют Исландия, Швеция, Дания, Словения, то есть небольшие европейские страны.

Понятно, что промышленно развитые страны имеют больше возможностей, чтобы продвигаться в этом направлении, чем страны бедные, с низкими показателями ВВП. Худшие показатели – у большинства государств Африки. Среди замыкающих общий список находятся страны Африки южнее Сахары – Сомали (27,66 балла), Эритрея (36,73), Мадагаскар (37,1), Нигер (37,48), Чад (37,83). Тем не менее многие бедные страны тоже реализуют какие-то экологические проекты, по большей части при международной поддержке – со стороны ООН, других организаций и частных фондов. Но как ни важны те или иные достижения некоторых государств, в целом экологическая ситуация в мире продолжает ухудшаться. Пока одни прилагают усилия для защиты окружающей среды, другие своим равнодушием, беспечностью, а порой и преступными действиями продолжают наносить ей неприемлемый вред.

Разительные контрасты в показателях экологической эффективности при более или менее сходных географических и экономических условиях указывают на особую роль здесь внутривнутриполитической и геополитической обстановки, качества управления, инвестиционной политики, выбора приоритетов. Очень низкий, низкий или нижний средний уровень эффективности экологической политики в большинстве стран мира позволяет также судить о том, как велика еще дистанция, отделяющая мировое сообщество от достижения целей устойчивого развития.

* * *

В России концепция устойчивого развития встретила неоднозначное отношение. У кого-то она вызвала подозрения в том, что служит прежде всего интересам Запада и противоречит российским национальным интересам. Под флагом заботы о сохранении окружающей среды, заявляли критики, России пытаются навязать

⁷ Соответствующие индикаторы основаны на лучших экспертных оценках, данных ООН и других организаций, специализирующихся в данной области. Использовалась методология «близости к целевой установке» (proximity to target), то есть насколько показатель ближе к целевым установкам, соответствующим пороговым значениям, определяемым международными соглашениями, национальными программами или признанными научными критериями. Полученные показатели в баллах конвертировались в шкалу от 0 до 100, где 0 соответствует показателю, дальше всего отстоящему от цели, а 100 – ближе всего к желаемой цели. Каждый индикатор взвешен с точки зрения надежности и релевантности.

обязательства, которые ограничат ее экономическое развитие. Или даже преследуется цель добиться сокращения в несколько раз российского населения. Некоторые комментаторы, подхватывая эти абсурдные домыслы, заявляли, что требования и цели устойчивого развития служат всего лишь орудием экспансии ТНК, идеологическим прикрытием этой экспансии.

Если на Западе, несмотря на увлечение неолиберальной рыночной догмой, тема защиты окружающей среды все больше смещалась в центр публичного дискурса и публичной политики, то в России процесс развернулся в обратном направлении. Кратковременный подъем «зеленого» движения в годы перестройки (после Чернобыля!) сменился его упадком, вынужденным переходом экологических организаций в режим выживания [Яницкий 2002: 80]. Не без участия представителей власти, крупного бизнеса и средств массовой информации деятельность экологов стали воспринимать как препятствие для экономического роста, а их самих – как чуть ли не «агентов влияния» Запада.

Ученым-экологам стали приписывать создание «хорошо оплаченных» заказных «страшилок» (прямо называя таковыми изменение климата, истощение озонового слоя, инфекционные пандемии), намеренное развязывание «апокалиптической истерии». Говорили об экофобии как «болезни», присущей российской интеллигенции, об «экологическом рэжете», даже об «экологическом терроризме». Намекали на «огромные бабки», будто бы получаемые защитниками окружающей среды. За этими инвективами явно или неявно проступал меркантильный мотив: «нам» экологические ограничения «невыгодны», они нам «не по карману» и т. п.

Особенно показательно обострение антиэкологического синдрома в связи с феноменом глобального потепления. Первой реакцией было: если для кого-то это и угроза, то для России «шанс», поскольку будто бы открывается возможность повышения продуктивности сельского хозяйства, уменьшения энергоемкости производства и жизнеобеспечения, особенно в северных и восточных районах страны. Поэтому России всемирная борьба с глобальным потеплением не нужна. А «искусственно подогреваемое» возмущение общественности преследует своей целью «освоение средств», выделяемых на борьбу с «мнимыми проблемами» [Никонов 2007].

Процесс *деэкологизации* распространился и на массовое сознание. Если, согласно опросам, в 1990 г. (после Чернобыльской катастрофы!) озабоченность состоянием окружающей среды стояла на первом месте («очень беспокоит» – 63,9 %, «беспокоит» – 22,9 %), то к 1994 г. другие заботы оттеснили ее на четвертое («очень беспокоит» – 47,7 %, «беспокоит» – 40,1 %) [Лапин и др. 1996: 16], а затем отодвинули еще дальше. Летом 1998 г. состояние окружающей среды назвали самой беспокоящей проблемой лишь 14 % респондентов, а в общем списке озабоченности эта проблема оказалась на одном из последних мест [Попов 1998: 8].

Данная ситуация сохранилась и в дальнейшем. В мае 2016 г. опрос дал такие результаты: «очень сильно тревожит» качество окружающей среды (в районе своего проживания) 17 % респондентов, «скорее тревожит» – 49 %. Оценивают его как «очень плохое» 17 %, как «скорее плохое, чем хорошее» – 39 %. Показательны ответы на вопрос о том, что больше всего тревожит в отношении качества окружающей среды. Если отнести ответы к общему количеству опрошенных (источник приводит данные только в отношении тех, кого тревожит состояние окру-

жающей среды), то картина получается следующая: обеспокоены загрязнением воздуха 34,3 %, загрязнением питьевой воды – 32,3 %, вредными веществами в пищевых продуктах – 25,3 %, изменением климата – 13,9 %, исчезновением лесов – 9,2 %, повышенным уровнем радиации – 7,3 %, кислотными дождями – 7,3 %, сокращением биоразнообразия – 6,6 % (в Москве, других городах и в сельской местности эти цифры несколько отличаются в ту или другую сторону) [Левада-Центр 2016]. То есть люди больше обеспокоены тем, что затрагивает их лично и непосредственно, но уровень обеспокоенности снижается по мере перехода к ответам на более общие для всех экологические угрозы.

Сходные результаты показал опрос ВЦИОМ, проводившийся ранее [Экологическая... 2013]. Большинство респондентов (59 %), характеризуя ситуацию в стране в целом, склонилось к мнению: «Есть отдельные экологические проблемы». Примерно четверть опрошенных оценила ситуацию как близкую к катастрофической (26 %). Критичнее остальных были жители столиц и более образованные респонденты. В качестве наибольшей опасности для окружающей среды большинство назвало бытовые и промышленные отходы (58 и 49 %) и транспорт (50 %). При этом 44 % респондентов констатировали ухудшение ситуации, особенно с качеством воздуха и воды, тогда как улучшение отметили не более 11 %.

При этом большинство опрошенных отмечают, что власти уделяют экологии слишком мало внимания. Чего больше всего ожидают граждане от государства? Согласно упомянутому опросу ВЦИОМ, ликвидации свалок бытовых и промышленных отходов, организации переработки мусора (78 %), сокращения промышленных выбросов (56 %), восстановления лесов (56 %), улучшения качества питьевой воды и состояния водоемов (53 %). Что касается личного участия в улучшении экологической ситуации, то респонденты ВЦИОМа чаще заявляли о готовности выполнять действия, которые не требовали бы от них значительных личных усилий и смены потребительских стандартов. Данные социологов указывают на явный дефицит экологической культуры в России [Громов].

Феномен дезэкологизации, затронувший как верхи, так и низы, во многом объясняется переходным состоянием российского общества: системный поворот выдвинул на первый план другие проблемы, на фоне которых экологические отступили назад. Определенное значение имеет и распространенная в России иллюзия неисчерпаемости природных ресурсов, и наличие незатронутых или слабозатронутых на 65 % территории страны естественных экосистем, особенно лесных массивов, что, как считается, дает России преимущество перед другими странами с точки зрения глобальных экологических вызовов.

Общественно-политическая обстановка не стимулировала власть к проведению активной экологической политики. Нормативные документы по вопросам экологической политики продолжали разрабатываться и приниматься, но к практическому решению проблем экологической модернизации долго не приступали. Что-то на разных уровнях (федеральном, региональном, местном), конечно, делалось, но экологическая ситуация продолжала ухудшаться. Инвестиции в основной капитал, направляемые на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, были крайне малы, выделялись неравномерно, их доля по отношению к ВВП за 2000–2012 гг. сократилась с 0,3 до менее 0,2 %⁸.

⁸ Подсчитано по данным: Российский... 2013: табл. 1.1, с. 32; табл. 3.17, с. 71.

В рейтинге стран по эффективности экологической политики Россия с 32 места в 2006 г. опустилась на 106 место в 2012 г. Столь сильный сдвиг объясняется, возможно, изменениями в методике измерений, но факт в том, что в нулевые годы страна ухудшила почти все экологические показатели (кроме выбросов в атмосферу диоксида серы) и попала в самый конец списка стран с отрицательной динамикой в развитии экологической ситуации, после Саудовской Аравии и Кувейта [Индекс...].

* * *

Лишь в последние годы появились значимые признаки намерения властей вернуть в политику принципы устойчивого развития и на деле заняться вопросами экологической модернизации. Экология включена в перечень приоритетных федеральных нацпроектов. Побудили к этому, очевидно, все более явные угрожающие последствия климатических изменений, а также мировое общественное мнение и необходимость занять более определенную позицию в связи с активизацией международных усилий по решению глобальных экологических проблем.

В 2012 г. президент В. В. Путин утвердил новый программный документ – «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года». При Администрации президента была образована Межведомственная группа по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития (таково ее официальное название). Результатом обсуждений в этой группе стал ряд важных решений, касающихся участия России в международных мероприятиях по смягчению последствий изменений климата и адаптации к ним. В частности, в сентябре 2013 г. указом президента В. В. Путина была определена внутренняя национальная цель – сокращение объема выбросов парниковых газов к 2020 г. на 25 % относительно уровня 1990 г.

Активизировалось Минприроды, которое с 2013 г. инициировало ряд экологических программ. При Министерстве создан Федеральный экологический совет (декабрь 2014 г.), утверждены новые экологические стандарты. Намечены меры по стимулированию внедрения наилучших доступных технологий, необходимых для продвижения экологической модернизации. Минприроды приступило к подготовке справочников по наилучшим технологиям. На базе справочников должны быть подготовлены планы по модернизации 160 предприятий в 26 отраслях народного хозяйства. Речь идет о предприятиях, на которые приходится до 60 % загрязнений, в том числе таких, как «Норильский никель», Магнитогорский металлургический комбинат, предприятия цветной металлургии в Красноярске и др.

Решение давно назревшей задачи перехода на современные экологические стандарты означало бы пусть и скромный, но все же шаг вперед в направлении реализации принципов устойчивого развития. Хотя Россия отстает в этом отношении от промышленно развитых стран Запада, у нее есть и определенные преимущества. В 1990-е гг. вследствие упадка промышленного производства антропогенные выбросы в атмосферу заметно сократились, а в первом десятилетии XXI в. возвращение к экономическому росту было достигнуто без их заметного увеличения. Тем не менее сохранение тенденции снижения выбросов в будущем требует дополнительных мер по стимулированию перехода к низкоэмиссионной «зеленой» экономике.

2017 г. объявлен в России *Годом экологии*. Речь идет о том, чтобы положить начало формированию новой экологической культуры. Кое-что в этом направлении уже делается. Учреждена Всероссийская премия «Экологическое развитие – Evolution Awards», которая присуждается российским компаниям, а также частным лицам за лучшие решения в области «зеленых» технологий и практические достижения в области экологических аспектов устойчивого развития. Под девизом «Зеленая экономика – основа устойчивого развития» в России впервые прошла выставка-форум «Экотех» – российский аналог международных выставок, посвященных инновациям в сфере природоохранных технологий. Средства массовой информации стали уделять больше внимания экологическим проблемам. С важной, хотя и запоздалой инициативой выступил ОНФ – принять закон о создании зеленых поясов вокруг крупных городов.

Но велика и инерция сопротивления. Хотя правительство России официально одобрило Парижское соглашение по климату (в церемонии его подписания в Нью-Йорке 22 апреля 2016 г. принял участие вице-премьер А. Г. Хлопонин), отношение к нему остается неоднозначным. Минприроды разработало проект комплексных мер по реализации Парижского соглашения, но оно сразу же натолкнулось на сомнения и возражения. Российский союз промышленников и предпринимателей выразил озабоченность последствиями реализации этого соглашения для экономического развития России. Минэнерго, со своей стороны, высказало опасения за судьбу угледобывающей промышленности. Против углеродного регулирования выступил Фонд национальной энергетической безопасности, продолжающий настаивать на том, что антропогенная природа глобального потепления якобы не доказана. Такая позиция некоторых влиятельных кругов может затруднить предстоящий процесс ратификации Парижского соглашения в России.

Россия обладает уникальным потенциалом для продвижения к устойчивому экологическому развитию [Лосев 2001]. Пока он еще мало задействован, хотя в рейтинге экологической эффективности 2016 г. страна вновь поднялась на 32 место – возможно, не только или не столько в результате усилий властей, сколько вследствие экономического спада, а также очередных изменений в методике расчетов. Проблемы экологии, устойчивого развития не занимают того места в системе образования, в средствах массовой информации, которого они заслуживают. Многое зависит от политической системы, от готовности власти отнестись к реализации целей устойчивого развития как к важнейшей стратегической задаче, а также от продвижения в этом направлении других стран и, конечно, от международной обстановки.

* * *

Остроконфликтное состояние международных отношений тоже не благоприятствует решению вытекающих из концепции устойчивого развития конкретных задач. В то же время сложившаяся ситуация побуждает к более широкой трактовке этой идеи, поскольку и условия перехода к устойчивому развитию, и само его содержание связаны с преодолением крайностей глобального неравенства, с более справедливым распределением богатства и доступа к ресурсам, с поиском конструктивных решений проблем международной безопасности. Пренебрежение общечеловеческой солидарностью оборачивается угрозами для всех.

Представление о целенаправленном изменении типа социального развития может показаться неприемлемым в свете жестокого опыта «коммунистического строительства» в XX в. Но тут важно различать два противоположных по своей

сути подхода. Один – это максималистские утопии социальной гармонии и всеобщего счастья, ведущие к тоталитаризму. Другой подход – прагматический, подразумевающий не проецирование в будущее некой «совершенной» модели общества, а *предотвращение* опасных тенденций и угроз в настоящем и, следовательно, контроль самого общества в отношении собственного развития во избежание неприемлемых разрушительных последствий.

Успех проекта устойчивого развития не предопределен. Никакие международные соглашения и программы, никакие правовые нормы сами по себе не изменят ситуации, если не произойдут такие трансформации в сознании и поведении большинства людей, которые изменят вектор цивилизационного развития. Будущее открыто, оно таит в себе возможность разных исходов, в том числе катастрофичных. Вопрос о перспективах устойчивого будущего человечества остается пока открытым.

Литература

В Сендае будет дан старт новым усилиям по устойчивому развитию // Центр новостей ООН. 2015. 23 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=23301#.WZWXMmfWiic> (дата обращения: 12.05.2016).

Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача двойная. Новый доклад Римскому клубу. М. : Academia, 2000.

Вайцеккер Э., Харгроуз К., Смит М. и др. Фактор пять. Формула устойчивого роста: Доклад Римскому клубу. М. : АСТ-Пресс Книга, 2013.

Горшков В. Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М. : ВИНТИ, 1995.

Громов Е. В. Экологическое сознание человека в современной России [Электронный ресурс]. URL: www.egpu.ru/Lib/elib/Data/content/128278281051107194/Default.aspx (дата обращения: 15.04.2016).

Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С., Рейф И. Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. М. : ИНФРА-М, 1995.

Данилов-Данильян В. И., Залиханов М. Ч., Лосев К. С. Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект. М. : Изд-во МНЭПУ, 2001.

Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире. М. : Весь Мир, 2007.

Ильин А. Н. Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 147–160.

Индекс экологической эффективности. Википедия: [сайт]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/индекс_экологической_эффективности.

Иоселиани А. Д. Генезис экологического сознания в христианской традиции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2012. № 1. С. 42–49.

Иоселиани А. Д. Экологическое сознание и религиозные ценности в священных писаниях Востока // Философия и общество. 2014. № 3(75). С. 104–119.

Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, Бразилия). 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-1-1_russian.pdf.

Лапин Н. И., Беляева Л. А., Наумова Н. Ф., Здравомыслов А. Г. Динамика ценностей населения реформируемой России. М. : Эдиториал УРСС, 1996.

Левада-Центр. Экологические проблемы. 2016. 3 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/03/ekologicheskie-problemy/print/> (дата обращения: 09.06.2016).

Лосев К. С. Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития России в XXI веке. М. : Космосинформ, 2001.

Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999.

Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М., 1989.

Никонов А. История от замороженных в контексте глобального потепления. М. : ЭНАС, 2007.

Попов Н. П. По разные стороны // Независимая газета. 1998. 6 августа.

Порфирьев Б., Макарова Е. Экономическая оценка ущерба от природных бедствий и катастроф // Вестник Российской Академии наук. 2014. Т. 84. № 12. С. 1059–1068.

Российский статистический ежегодник. 2013. М. : Росстат.

Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под ред. А. С. Гранберга, В. И. Данилова-Данильяна, М. М. Циканова, Е. С. Шонхоева. М. : Экономика, 2002.

Экологическая ситуация в России: вызовы и приоритеты. Опрос ВЦИОМ. Опубликовано 19 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/ditaily.php?ID=132085> (дата обращения: 15.04.2016).

Яницкий О. Н. Россия: Экологический вызов (общественное движение, наука, политика). Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.

Brown L. R. Building a Sustainable Society: A Worldwatch Institute Book. New York, NY; London, 1981.

Council on Foreign Relations. Public Opinion on Global Issues. Chapter 5a: World Opinion on the Environment. November 30, 2011.

Hsu A. *et al.* Environmental Performance Index. New Haven, CT : Yale University. 2016. P. 27 [Электронный ресурс]. URL: www.epi.yale.edu (дата обращения: 20.03.2016).

Henderson H. Creating Alternative Futures. Berkeley, 1978.

Henderson H. Building a Win-Win World: Life Beyond Global Economic Warfare. San Francisco : Berret-Koehler Publisher, 1996.

Laszlo E. The Choice: Evolution or Extinction? Los Angeles, 1994.

Milbrath L. W. Envisioning a Sustainable Society. Albany, 1989.

Publics around the World Call for Greater Efforts to Address Climate Change [Электронный ресурс]. URL: http://worldpublicopinion.org/incl/printable_version.php?nt=694 (дата обращения: 25.06.2016).

Ray P. H. The New Political Compass. 2003. Pp. 39–41 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wisdomuniversity.org/NewPoliticalCompass.pdf>.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ КАК «ЦИФРОВОЙ» АСПЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мехтиева Н. Р.*

Статья посвящена рассмотрению информационного аспекта процесса глобализации с акцентом на информационное противостояние между различными субъектами в киберпространстве. Проанализированы институциональные и функциональные проявления феномена информационной глобализации, а также информационный аспект понятия «мягкая сила». Автор предлагает классификацию феномена информационных войн на основе критерия открытости и иллюстрирует ее конкретными примерами. Основной тезис, проводимый в статье, состоит в том, что феномен информационных войн выходит за рамки сугубо милитаристской сферы и в современную цифровую эпоху получает гражданское измерение, проявляясь, в частности, в феномене медиавойн.

Ключевые слова: информационная война, кибератаки, Интернет, глобализация, глобальные информационные корпорации.

The article is devoted to the information aspect of globalization process, with an emphasis on the informational opposition between various subjects within cyberspace. The author also analyses the institutional and functional manifestations of the phenomenon of information globalization, and also of the informational aspect of the 'soft power' notion. She offers a classification of 'information wars' based on the transparency criterion and illustrates it by particular examples. The main idea of the article is that in the current digital era the 'information wars' phenomenon surpasses the purely militaristic sphere and also obtains a civil dimension which shows up in the media-wars phenomenon.

Keywords: information war, cyber-attacks, Internet, globalization, global media corporations.

При описании нынешнего миропорядка стало уже общим местом использование термина «глобализация», понимаемого как формирование и функционирование экономических, политических и информационных взаимосвязей и взаимодействий в глобальном (то есть планетарном) масштабе. Глобализация в этом смысле носит универсальный и всеохватывающий характер и затрагивает весь сложный комплекс общественных отношений. Речь идет, в зависимости от сферы исследования, о той или иной «глобализации с прилагательным», причем на первый план чаще всего выдвигаются экономические и политические аспекты, информационные же грани глобализации остаются на периферии анализа в качестве производных [см.: Глобализация... 2002; Global... 2014].

* Мехтиева Нигяр Рустам кызы – аспирант кафедры «Зарубежное регионоведение и внешняя политика» Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: nika_mex@hotmail.com.

Что же представляет собой «информационная глобализация»? Без ответа на этот общий вопрос невозможно перейти к рассмотрению более частных, в том числе к проблеме информационных войн, безусловно, имеющих глобальное измерение. Представляется, что «информационную глобализацию» можно рассматривать в двух аспектах: **институциональном** и **функциональном**. В первом случае она выступает как объективный процесс организации (и самоорганизации) глобальной информационной инфраструктуры, то есть сети информационных институтов, обеспечивающих создание и трансляцию информации. Институциональный аспект охватывает очень широкий спектр процессов: от распространения персональных компьютеров до создания транснациональных медиакорпораций. В функциональном же плане «информационная глобализация» выступает как процесс динамичного действия этих институтов, как течения и флуктуации глобальных информационных потоков, как их пересечение, взаимопроникновение и столкновение, нередко принимающее конфликтный и агрессивный характер. Именно на стыке этих информационных потоков «рождаются» информационные войны, к рассмотрению феномена которых мы перейдем ниже.

В политологической литературе современную эпоху нередко обозначают как информационную, и у подобного определения есть немало оснований. Стремительное, даже экспоненциальное, развитие цифровых технологий привело к тому, что информатизация затронула практически все сферы жизни общества – от «низового», сугубо бытового (уровня обыденных социальных отношений) до таких «высоких» сфер, как военное дело и геополитика.

Сейчас уже невозможно представить, чтобы какое-либо государство при разработке национальной военной доктрины обошло стороной такую важнейшую составляющую, как информационная безопасность. Нельзя забывать и о том, что сама глобальная сеть Интернет появилась на свет во многом как результат развития именно военных технологий и изначально предназначалась для сугубо милитаристских целей. Только спустя десятилетия этот глобальный информационно-сетевой инструмент стал неотъемлемым атрибутом повседневной жизни, но истоки его коренятся в военной сфере. Напомним, что «ключевую роль в появлении новых технологий играло новаторское исследовательское агентство Министерства обороны США DARPA, которое положило начало Интернету. С начала 60-х гг. существовала сеть ARPANET (Advanced Research Project Agency Network), предназначенная для управления перспективным планированием научно-исследовательских работ Министерства обороны США. В 80-х гг. было принято решение о подключении к ARPANET частных и коммерческих структур, вследствие чего и появился Интернет» [Удовик 2002: 221].

Отсюда видно, что информационные и военные технологии изначально шли «рука об руку», и к настоящему времени эта связь, хоть и закамуфлированная «бытовым» пользовательским Интернетом, только усилилась, хотя это не столь очевидно обыденному сознанию. С начала XXI в. применение информационных технологий превратилось в мощный фактор мировой политики, и нередко именно информационная и медиа- составляющие оказывают сильное воздействие на выстраивание международных отношений. Тех целей, которые рискованно достигать военным путем, в условиях доминирования информационных технологий подчас можно достичь «мирными» информационными методами. Именно на стыке этих двух подходов возник термин «информационная война».

Проанализировать феномен информационных войн невозможно в отрыве от понятия «мягкой силы», которое в последнее время приобрело устойчивую медийную и даже научную популярность, стало, если можно так выразиться, политологически модным. Редкая статья о международных отношениях обходится без использования термина «мягкая сила». Здесь рассмотрение этого понятия оказывается не просто данью моде, но и научно оправданным, поскольку информационные войны выступают, с нашей точки зрения, наиболее органичными проявлениями «мягкой силы».

Концепция «мягкой силы», впервые выдвинутая американским политологом Джозефом Наем, изначально имела сугубо электоральное назначение: она была призвана доказать, что когда прямые приемы предвыборной конкуренции оказываются неэффективными, целесообразно задействовать скрытые и незаметные методы политической борьбы. Термин быстро вошел в политический обиход, стал широко применяться политиками, особенно американскими, а затем вышел за рамки предвыборной тематики, получив геополитическое наполнение. Сам Дж. Най доработал свою концепцию применительно к международным отношениям в широко известной монографии «Мягкая сила: средства успеха в мировой политике» [Nye 2004]. Суть концепции мягкой силы состоит в следующем: там и тогда, где и когда достичь цели жестким силовым путем становится объективно невозможным, применимы методы несилового, «мирного» воздействия, обеспечивающие желаемые результаты. Российский политолог Е. Харитоновна отмечает: «Дж. Най определяет “мягкую силу” как способность государства достичь желаемого не путем принуждения, а с помощью убеждения, основанного на привлекательности внешней политики, культуры и национальных ценностей» [Харитоновна 2015: 48]. Она же заключает: «Противопоставленная “жесткой силе” и основанная на привлекательности или привлекательном имидже государства, “мягкая сила” представляется альтернативным инструментом решения внешнеполитических задач, часто более предпочтительным, чем военные или экономические методы» [Там же].

Любопытно, что параллельно с американскими аналогичные теоретические разработки велись китайскими политологами. Восточный аналог концепции «мягкой силы» носит название «трансграничной орбитальной войны», которая остается малоизвестной русскоязычному читателю. Китайские военные теоретики справедливо полагали, что «победить Соединенные Штаты Китая невозможно, если сталкиваться на уровне военных сил, но если обсуждать весь набор “орбиталей”, а именно финансовую войну, пропагандистскую войну, различные сетевые формы, то действие на всех возможных “орбиталях” может дать совершенно иной результат» [Громько 2016].

Примечательно, что две схожие по сути концепции развивались независимо друг от друга на разных «полюсах» современного мира; это свидетельствует, что ими объективно отражен определенный макрополитический тренд: «мягкая сила» действительно оказывается мощным фактором в современной мировой политике.

Важнейшим элементом проведения стратегии «мягкой силы» является информационная война как процесс применения информационной силы. Понятие информационной силы в контексте рассмотрения «мягкой силы» уже применяется в отечественной политологии. Так, к интересным выводам приходит Ю. Давыдов, проанализировавший ряд силовых компонент этого общего понятия: эконо-

мическую, политическую, научно-техническую, идеологическую и информационную силу. Он констатирует: «Среди исследователей идут дискуссии относительно использования информационной силы на международной арене. Это вполне закономерно, ибо человечество вступило в век информации и информационных систем. ...Контроль над международными коммуникациями создает новые формы зависимости между государствами. На рубеже веков развернулась “четвертая информационная революция”, во многом характеризующаяся максимальным внедрением мультимедийных, цифровых технологий...» [Давыдов 2004: 76].

В трактовках термина «информационная война» есть и тенденция ставить акцент на втором слове, то есть выделять милитаристский аспект как определяющий. Так, Г. Б. Корсаков, определяя данное понятие применительно к военной стратегии США, отмечает: «Под этим термином понимается комплексное информационное воздействие на систему государственного и военного управления противника, которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для США решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование структуры управления противника» [Корсаков 2012: 49].

Представляется, что абсолютизация сугубо милитаристского аспекта непомерно сужает спектр проявлений информационных войн. С нашей точки зрения, данный феномен имеет достаточно ярко выраженное «гражданское» измерение, проявляющееся в подчас агрессивном информационном воздействии на общественное сознание и социально-психологическое состояние гражданского населения средствами глобальных СМИ и посредством их «информационного эха» в социальных сетях.

В научной и особенно публицистической литературе имеет место некоторая терминологическая путаница относительно разных видов «войн»: такие предикаты войны, как «медиа», «информационная», «кибер», «цифровая», «сетевая» и т. п., нередко используют как синонимы. Подобную ситуацию можно объяснить тем, что сам феномен информационного противостояния является инновационным элементом мировой политики и пока в недостаточной мере подвергнут теоретическому осмыслению и политологической рефлексии. Рискнем предложить авторскую классификацию различных типов информационных войн и в определенном смысле логически упорядочить обозначенные выше термины.

Наиболее общим, объединяющим родовым понятием выступает термин «информационная война». Руководствуясь критерием степени прозрачности, можно выделить два типа подобного рода войн: *открытые* и *латентные*. К открытым относятся медиавойны, в которых ведущими субъектами информационного противостояния оказываются национальные, региональные или глобальные массмедиа, новостные корпорации. К закрытым или латентным относятся кибервойны, которые могут разворачиваться в форме хакерских атак как между государствами, так и между автономными по отношению к ним интернет-сообществами. Промежуточным (или гибридным) вариантом информационных войн являются, на наш взгляд, сетевые войны. Рассмотрим эти разновидности более детально.

Особенность медиавойн состоит в том, что медиакорпорации как информационные платформы, охватывающие крупные аудитории, создают определенные,

подчас противоречащие друг другу «картины мира». Столкновение в общественном сознании подобного рода противоположных мировоззренческих схем нередко дает эффект информационной войны. Наиболее мощная «новостная» составляющая имеет место, безусловно, в информационной внешней политике США. Исторические корни такого статуса информационно-новостных каналов восходят к завершающему этапу холодной войны между США и СССР. В 1986 г. администрацией Р. Рейгана была принята директива «Об американской международной информационной политике», где, в частности, декларировалось, что «международная информация – неотъемлемая и жизненно важная часть американской стратегии и политики национальной безопасности в общем смысле. В комплексе с инструментами общественной дипломатии международная информационная политика является ключевым стратегическим инструментом формирования фундаментальных политических и идеологических тенденций в мире в долгосрочной перспективе» [Шариков 2015: 28]. Следуя этой установке, в 1989 г. Пентагон создал специальную группу – Командование сил специальных операций, в компетенцию которого входило проведение различного рода психологических операций. Анализируя современную американскую доктрину информационной политики, российский политолог П. А. Шариков приходит к выводу, что «в доктринальных документах по американской стратегии последних лет термин “информационная война” не употребляется. Американцы отказались от использования этого термина в качестве определения способа ведения конфликта исключительно информационными средствами. Вместе с тем в открытых доктринальных документах употребляются такие понятия, как информационные операции военной поддержки (military information support operation), сетцентрические способы ведения боя (net-centric warfare)» [Там же]. С нашей точки зрения, это явно демонстрирует стремление терминологически «закамуфлировать» реализуемую де-факто стратегию информационной войны, проводниками которой выступают как государственные, так и частные информационные агентства США и их политических союзников.

Попытаемся проследить основные векторы подобного рода новостного, а по сути мировоззренческого противостояния, а также стратегии противодействия, которую применяют другие государства для минимизации влияния транснациональных информационных корпораций.

Центром столкновения информационных потоков в последние годы, безусловно, стала Украина. В 2014 г. конгресс США с целью проведения в международном масштабе своей новостной политики принял закон «Об американском иновещании на территории Украины и соседних регионов». Основным институтом, призванным реализовывать данный законодательный акт, стал созданный еще в 1994 г. Совет директоров телерадиовещателей, в состав которого входят ведущие информационные агентства международного профиля с вещанием на 28 языках мира («Голос Америки», «Свободная Европа», «Радио Свобода», CNN и другие). Именно с целью противодействия их активности и, в свою очередь, международной трансляции многополярной картины мира в ноябре 2014 г. было создано агентство «Sputnik», а также активизирована и расширена деятельность медиахолдинга «Russia Today», функционирующего с 2005 г.

Другим стратегическим вектором ведения информационных медиавойн современности выступает геополитическая оппозиция «глобального Севера» и «глобального Юга», причем лидером первого выступают США, а второго – Китай, хотя существует целый ряд локальных «фронтов» этого противостояния. Е. А. Виноградова справедливо отмечает: «В связи с ростом международной напряженности в XXI в. особую актуальность приобретает изучение глобальных технологий, используемых в информационном противоборстве между индустриальными странами Востока и экономически развитыми странами Запада» [Виноградова 2012: 137].

В начале XXI в. «глобальный Юг», особенно в лице Китая, арабского мира, Ирана и стран Латинской Америки, заметно активизировал свою информационную политику, создавая либо существенно расширяя агентства, альтернативные мировым информационным корпорациям. Особенно обращает на себя внимание стратегия КНР по наращиванию информационной мощи на международной арене. Анализируя китайскую политику в глобальном информационном пространстве, секретарь российского МИД Евгений Евдокимов отмечает: «В январе 2009 г. Пекин объявил о планах выделить до 45 млрд юаней (порядка 6,6 млрд долларов) на расширение китайских иноязычных СМИ. Планы включали увеличение количества зарубежных корпунктов государственного информационного агентства “Синьхуа” до 186, а также расширение сферы его деятельности на спутниковое и интернет-вещание. В 2009 г. были запущены каналы на китайском и английском языках, планируется начало вещания на арабском, французском и русском. Центральное телевидение Китая CCTV в дополнение к уже действующим каналам на английском, французском и испанском языках в 2009 г. запустило канал на русском языке, а в 2010 г. – на арабском и португальском» [Евдокимов 2011: 74]. Таким образом, Китай явно оспаривает у США мировое информационное лидерство и в скором времени может вырасти в серьезного игрока на арене глобального медийного противостояния.

Другим регионом «глобального Юга», где активно ведутся медиавойны, является Ближний Восток. Здесь целью подобных операций со стороны США и их союзников выступает переформатирование общественного мнения в сторону толерантности и лояльности по отношению к их внешней и военной политике. Так, перед началом военных операций в Ираке и Афганистане США при техническом содействии своих крупных информационных агентств создали своего рода «филиалы» американских СМИ, в результате чего на свет появился телевизионный канал «Al Hurra» и радиостанция «Sawa», вещающие на арабском языке [Тоггес 2011: 9]. Симметричным ответом арабского мира на такого рода информационную агрессию стало создание в 2003 г. англоязычной версии влиятельного в регионе новостного канала «Аль-Джазира».

Похожую ситуацию можно наблюдать в Латинской Америке, где против правительств левой политической ориентации развернулась мощная информационная война со стороны американских и западноевропейских транснациональных медийных корпораций, которым вторят местные частные СМИ, находящиеся в непримиримой оппозиции к левым и левоцентристским правительствам. В Аргентине и Бразилии медиакорпорации долгое время выступали своего рода «супер-

партией», сыгравшей важнейшую роль в консолидации правых сил и смене власти в 2015–2016 гг. В настоящее время медиавойна в полном объеме ведется против Венесуэлы и других стран «левой группы». Флагманами массовой информационной атаки выступают испанский медиахолдинг PRISA, владеющий влиятельной газетой «El País», а также испаноязычные версии североамериканской компании CNN, британской BBC и др. Эти СМИ проводят четкий редакционный курс на дискредитацию левых президентов и всей их политики, в первую очередь социально-экономической, и безапелляционную поддержку правой оппозиции с целью обеспечить переход власти в ее руки. С целью противодействия информационной агрессии в 2005 г. по инициативе Венесуэлы был создан альтернативный новостной канал «TeleSur» с филиалами в двенадцати государствах Латинской Америки.

Перейдем к рассмотрению другого типа информационных войн. Закрытый, или латентный, тип информационных войн предполагает более широкий «веер» разновидностей, поскольку сама природа информационных «военных» действий предполагает максимальное сохранение анонимности субъекта осуществления операций. Эффективность информационно-диверсионной операции во многом определяется тем, насколько обеспечены и сохранены анонимность и обезличенность проводящего ее субъекта. Это обстоятельство и определяет «популярность» латентных информационных войн в современном арсенале интернет-противостояний.

К латентному типу можно отнести в первую очередь кибервойны. В них решаются военные или околвоенные цели и задачи, но намеренно без использования собственно милитаристского арсенала, а исключительно посредством компьютерных технологий. Например, выведение из строя той или иной инфраструктуры «противника» путем внедрения в электронную систему вируса (как это произошло в 2009 г. в отношении Ирана, когда программа StuxNet, разработанная американскими программистами, нарушила функционирование компьютерной сети и поставила под угрозу проведение иранской ядерной программы). Субъектами противостояния в кибервойне оказываются как отдельные государства, целенаправленно стремящиеся избежать военного столкновения путем перевода противоборства в информационную плоскость, так и анонимные или квазианонимные интернет-сообщества, проводящие хакерские атаки против национальных государств, их политических, экономических или информационных институтов.

Характерно, что ряд государств уже и юридически включили ведение кибервойн в свои военные доктрины. В частности, так поступил Пентагон. В 2010 г. на страницах влиятельного журнала «Foreign Affairs» бывший министр обороны США Уильям Линн в статье под названием «Защищая новые владения. Киберстратегия Пентагона» констатировал: «В вопросах военной доктрины Пентагон уже формально признал киберпространство как новое поле ведения войны. Фактически оно превратилось в критический фактор военных операций как на земле, так и на море и в воздухе» [Lynn III 2010]. По оценке американского эксперта по информационной безопасности Джеймса Льюиса, в настоящее время двенадцать из пятнадцати ведущих военных держав мира ведут прикладные исследования по разработке программ кибервойны, включая тактику и стратегию

[Афо... 2013]. В число таких стран входят США, Франция, Германия, Китай, Россия, Япония, Великобритания, Израиль и др. В мировой прессе уже введен в оборот термин «холодная кибервойна» по аналогии с холодной войной между США и СССР в XX в. Эксперты полагают, что в настоящее время мир стоит на пороге полномасштабного информационного киберконфликта, предпосылки которого уже созданы опытом различных стран в первые десятилетия XXI в.

Рассмотрим вкратце историю современных кибервойн. Одной из первых крупных киберопераций стала акция, осуществленная сербскими военными в период противостояния агрессии НАТО в 1999 г. Национальный герой Сербии капитан Драган создал мобильную военную группировку из 450 человек, в состав которой входили также специалисты в области информационной безопасности. В течение недели им удалось блокировать работу сайта Белого дома, а также внедриться в информационные системы Пентагона и затруднить их функционирование [Fuentes 1999].

С 1998 по 2000 г. была зафиксирована слежка за компьютерами NASA, Пентагона, Министерства энергетики США и ряда научно-исследовательских центров, а также за американскими университетами. В прессе эта операция получила обозначение «Лунный лабиринт» (Moonlight Maze). По неподтвержденной информации, эта двухлетняя операция проводилась российскими хакерами, хотя никаких доказательств причастности России к ней так и не было установлено.

В 2005 г. газета *The Washington Post* опубликовала материал, в котором говорилось о кибератаке со стороны Китая, получившей название «Операция Титан». На этот раз информационной атаке подверглись Государственный департамент, министерства обороны и энергетики [Graham 2005]. Операции «Лунный лабиринт» и «Титан» побудили Конгресс США провести исследование и опубликовать доклад под названием «Информационные операции, электронная война и кибервойна: возможности и связь с вопросами политики». В докладе красной нитью проходил тезис: кибервойны имеют непосредственную связь с мировой политикой; основными потенциальными противниками США в киберпространстве становятся Китай, Россия, Куба, Иран, Ирак, Ливия и КНДР, а также многочисленные негосударственные террористические группы, способные атаковать гражданские и военные американские сети (Congressional Research Service).

В 2010 г. *The Washington Post* опубликовала объемный материал о кибершпионаже Китая в отношении ведущих тридцати четырех американских компаний. Эксперты зафиксировали новый качественный прорыв в уровне защищенности от информационных атак, использовании новых кодов и т. п. Главной целью атак были названы промышленный шпионаж и контрразведка. В прессе данная операция получила наименование «Аврора» [Google... 2010].

Следующим значительным эпизодом мировой кибервойны стал уже упоминавшийся вирус StuxNet, который по оценке экспертов компании «Symantec», специализирующейся на информационной безопасности, стал «первым в истории информационным вирусом, способным наносить ущерб в физическом мире» [The New York Times 2011].

Главная цель вируса StuxNet состояла в том, чтобы разрушить иранские ядерные центрифуги, связанные с процессом обогащения урана, и тем самым предот-

вратить, как утверждалось, создание Ираном атомного оружия. Атака была довольно успешной: удалось вывести из строя около тысячи центрифуг (шестую часть от общего количества, которым располагало тогда правительство Тегерана). По оценкам, внедрение этого информационного червя задержало развитие ядерной программы Ирана на два года. Тем самым после операций «Лунный лабиринт», «Титан» и «Аврора», совершенных в отношении институтов США, активное контрнаступление в мировом киберпространстве начали проамериканские хакеры. С полной уверенностью утверждать, что авторство StuxNet принадлежит Пентагону, нельзя, поскольку нет прямых доказательств его причастности к разработке этого червя; но если следовать логике «кому это нужно», то США оказываются главными бенефициарами результатов информационной атаки на Иран (в то время активно шли переговоры об иранской ядерной программе, и Вашингтон занимал самую жесткую позицию, отказывая Тегерану в праве развивать свою атомную энергетику).

Однако Иран был отнюдь не единственной мишенью вируса. Его запуск ознаменовал, пожалуй, первую в истории скрытую информационную войну всемирного масштаба, поскольку червем StuxNet были заражены компьютеры многих стран. По данным корпорации *Symantec*, из ста тысяч пораженных компьютеров на долю Ирана приходилось более половины (60 тысяч), остальными жертвами этой массовой кибератаки стали компьютеры Индонезии, Индии, Азербайджана, Пакистана, Малайзии, Узбекистана, России и даже Великобритании [*Symantec*]. Своеобразным «преемником» StuxNet стал вирус Duqu, подвергавший деформации главным образом документацию и текстовые документы Word. Запуск этого вируса также был направлен главным образом против Ирана, но в определенной степени затронул и другие государства: Судан, Францию, Швецию, Индию, Украину.

В 2012–2013 гг. доминанта информационного глобального противостояния вновь вернулась в плоскость отношений между США и Китаем. Как из рога изобилия посыпались взаимные обвинения в кибершпионаже. Так, китайский Национальный центр экстренного реагирования на ситуации в Интернете опубликовал информацию о том, что в 2012 г. более 30 тысяч китайских сайтов подверглись хакерским атакам американского происхождения [Жиров 2013: 2]. В ответ был опубликован сенсационный доклад частной североамериканской фирмы «Mandiant» под названием «Обнаружен один из центров кибернетического шпионажа КНР». В нем, в частности, говорилось, что группе хакеров, работающих в официальных военных структурах китайской армии, «удалось похитить данные у 141 компании по всему миру, 115 их них – американские» [Волков 2013: 5]. Взаимные обвинения не переросли в полномасштабный дипломатический конфликт, но ситуация находилась на грани срыва и были все условия для перевода «вербальной войны» в политическую плоскость.

Субъектами проведения киберопераций могут быть и негосударственные структуры, осуществляющие похищение конфиденциальной либо эксклюзивной информации, нередко связанной с военной тайной, или же информации, публичное разглашение которой может нанести имиджевый урон тому или иному государству, его институтам или отдельным политикам. Здесь наиболее заметными

игроками выступают сообщества *Anonimous* и *Wikileaks*, первое из которых носит сугубо анонимный характер, а второе можно квалифицировать как квазианонимное, поскольку его лидер Дж. Ассанж хорошо известен и находится в центре внимания мировых СМИ. Размышляя о роли киберсообществ, российский политолог П. А. Шариков отмечает: «Как представляется, в последнее время описываемая тенденция приобретает совершенно невероятные масштабы, апогеем этого явления на данный момент выступает история со скандальным сайтом *Wikileaks*. Сайт *Wikileaks* начал работать с января 2007 г., на нем уже публиковались различные разоблачения, однако инциденты с утечкой военного архива о войне в Афганистане летом 2010 г., а также дипломатической переписки осенью того же года сделали его знаменитым на весь мир» [Шариков 2011: 101]. Нельзя пройти мимо роли Дж. Ассанжа и его «детища» в предвыборной политической гонке в канун президентских выборов 2016 г., когда *Wikileaks* превратился в мощный инструмент дискредитации кандидата от Демократической партии Хиллари Клинтон. Из боязни разоблачений в октябре 2016 г. Дж. Ассанжу был даже заблокирован доступ в Интернет [Ecuador... 2016].

Здесь стоит сказать о феномене квазианонимности, которая активно реализуется сообществом *Wikileaks*. С одной стороны, участники кибервойны стремятся к анонимности с целью избежать ответственности (в частности, сайт Ассанжа проводит политику неразглашения своих источников), но, с другой, – в случае абсолютной неизвестности и анонимности может быть утрачен эффект «политического месседжа». Как иные группировки подчас принимают на себя ответственность за теракты лишь затем, чтобы донести до мирового сообщества свою политическую позицию, так и субъекты кибервойн лишь отчасти действуют в анонимном режиме.

Гибридной формой открытого и закрытого типов информационной борьбы выступают так называемые *сетевые войны*. В них элементы медиавойн и кибервойн сочетаются, базируясь на информационной платформе транснациональных социальных сетей. С одной стороны, через инфраструктуру таких платформ, как *Facebook* или *Twitter*, транслируются и внедряются в общественное мнение картины мира, создаваемые крупными массмедиа. С другой стороны, те же социальные сети служат удобным объектом для хакерских атак закрытого типа и несанкционированного получения конфиденциальной информации. Это позволяет говорить о гибридном (или синтетическом) характере сетевых войн. Весьма близким к понятию «сетевые войны» нам представляется термин «сетевая дипломатия», де-факто являющийся переводом предыдущего на язык политкорректности. В настоящее время США взяли на вооружение стратегию «сетевой дипломатии» в стремлении оказать внешнеполитическое воздействие на своих геополитических конкурентов в различных регионах мира [Алхименков 2014; Скаленко 2016].

Следует отличать понятие «сетевые войны» от концепции сетевцентрической войны, характеризующей новый подход к пониманию трансформации самого феномена войны в современную эпоху. Сетевцентрическая война заключается «в использовании информационно-коммуникационных технологий для перехода от операций, основанных на применении отдельных “платформ”, к операциям, проводимым в едином информационном пространстве» [Корсаков 2008: 95]. То есть

речь идет о фундаментальном переходе от парадигмы классической войны к парадигме войны неклассической. В контексте сетецентрического противостояния сетевые войны составляют отдельный фронт информационных действий, развивающихся в пространстве глобальных социальных сетей.

Социальные сети могут играть ключевую роль и в социально-политических процессах, что ярко продемонстрировал опыт корпорации *Facebook*, ставшей одним из решающих факторов «арабской весны» [Facebook... 2012]. Алгоритм сетевых войн может развиваться по разным сценариям, но обобщенно его можно свести к следующей схеме: вначале производится мощный информационный вброс в социальные сети со ссылкой на релевантный и вызывающий доверие источник; затем информация, распространяющаяся в режиме «снежного кома», становится реальным фактом и фактором политических процессов. В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. В апреле 2013 г. со взломанного аккаунта сотрудников агентства *Associated Press* в социальные сети попала ложная информация о ранении Барака Обамы. Сетевое возбуждение достигло столь высокого градуса, что буквально через несколько часов эта информация привела к обрушению индекса Dow Jones [Попов 2013]. Именно социальные сети стали проводником этой псевдоинформации, придали ей статус правдивой и вызвали резонанс, реально отразившийся на состоянии мировой экономики.

Таким образом, можно заключить, что в современную «цифровую» эпоху информационные войны постепенно приобретают тенденцию к становлению доминирующей формой активации и протекания геополитических конфликтов. Спектр методов ведения информационных войн очень широк: от медийных при участии влиятельных корпораций массмедиа до прямолинейных кибератак и внедрения вирусов в компьютерные сети реального или предполагаемого противника. При этом информационные атаки нередко могут иметь непредвиденные последствия вплоть до глобальных. Особенно высоки риски в тех случаях, когда средством нападения становятся глобальные социальные сети. С ускорением процессов информационной глобализации, возможно, будут найдены и более изощренные методы ведения информационных войн, способные обеспечить анонимность и невидимость, а тем самым и безнаказанность их инициаторов. Нельзя исключать и того, что мир, погруженный в пучину геополитических конфликтов, находит в информационных войнах мирный выход накопившейся агрессии, опасаясь довести конфликты до открытого вооруженного столкновения. Но чаще всего информационные войны становятся новым «цифровым» каналом трансляции этой агрессии, причем глобальные информационные технологии выступают в роли оружия нового типа.

Литература

Алхименков М. А. Социальные сети и современная интернет-дипломатия США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 11. С. 52–66.

Виноградова Е. А. Стратегическая коммуникация стран АЛБА на Ближнем Востоке: информационная война с Западом // Мир и политика. 2012. № 7(70).

Волков К. Америку достали хакеры // КОМПАС: Вестник международной аналитической информации. ИТАР-ТАСС. 2013. № 11.

Глобализация: Контуры XXI века: реф. сб. / под ред. Ю. Н. Игрицкого и др. М. : ИНИОН РАН, 2002.

Громько Ю. Контрпропаганда запускает знамиевый проект. Эфир передачи «Смысл игры» на радио «Вести ФМ». 2016. 21 октября [Электронный ресурс]. URL: http://radiovesti.ru/episode/show/episode_id/42006 (дата обращения: 10.11.2016).

Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1(4). С. 69–80.

Евдокимов Е. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1(25). С. 74–83.

Жиров Ф. Китай – США: начало кибервойны? ИТАР-ТАСС. 2013. 6 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://tourpress.tv-telecom.ru/blog/9/288750> (дата обращения: 01.11.2016).

Корсаков Г. Б. Войны будущего в исследованиях американских авторов // США и Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 6. С. 89–102.

Корсаков Г. Б. Роль информационного оружия в военно-политической стратегии США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 1(505). С. 39–60.

Попов Е. Виртуальное покушение на Обаму подорвало веру в Интернет. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1078900> (дата обращения: 02.11.2016).

Скаленко А. К. Глобальносистемный кризис трансинформационной цивилизации // Век глобализации. 2016. № 1–2 (17–18). С. 102–113.

Удовик С. Л. Глобализация: семиотические подходы. Киев : Ваклер, 2002.

Харитоновна Е. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48–58.

Шариков П. А. Герои информационной эпохи // Мир и политика. 2011. № 5(56). С. 97–103.

Шариков П. А. Российский вектор американской информационной политики // США и Канада : Экономика, Политика, Культура. 2015. № 9. С. 23–36.

Año de la ciberguerra? CNNMoney.com. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://cnnespanol.cnn.com/2013/01/08/2013-el-ano-de-una-ciberguerra-real/> (дата обращения: 29.10.2016).

Ecuador cuts off Internet Access for WikiLeaks Founder Julian Assange // The Washington Post. 2016. October 18 [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/ecuador-cuts-off-internet-access-for-wikileaks-founder-assange/2016/10/18/277281f6-95ac-11e6-9b7c-57290af48a49_story.html (дата обращения: 15.10.2016).

Facebook, trinchera de la primavera árabe // INFOBAE. 2012. URL: <http://www.infobae.com/2012/02/05/1043363-facebook-trinchera-la-primavera-arabe/> (дата обращения: 01.11.2016).

Fuentes J. Guerra informática en Serbia // El Mundo. 1999. 16 abril [Электронный ресурс]. URL <http://www.elmundo.es/navegante/99/abril/16/hackers.html> (дата обращения: 28.10.2016).

Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B. V., 2014.

Google China Cyberattack Part of Vast Espionage Campaign Experts Say // The Washington Post. 2010. January 13 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2010/01/13/AR2010011300359.html> (дата обращения: 25.10.2016).

Graham B. Hackers Attack Via Chinese Web Sites // The Washington Post. 2005. August 24 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/08/24/AR2005082402318.html> (дата обращения: 01.11.2016).

Lynn III W. J. Defending a New Domain // Foreign Affairs. 2010. September/October [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/66552/william-j-lynn-iii/defending-a-new-domain> (дата обращения: 15.10.2016).

Nye J. Soft Power: The Means To Success In World Politics. New York, NY : Public Affairs, 2004.

Symantec. El gusano Stuxnet [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symantec.com/es/mx/theme.jsp?themeid=stuxnet> (дата обращения: 19.10.2016).

Torres M. Los medios de comunicación globales y la acción exterior del Estado // La seguridad más allá del Estado. Madrid : Plaza & Valdés, 2011. Pp. 93–111.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РАЗВИТИИ СТРАН ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

Савеленко Д. В.*

В данной статье рассматривается возможная экономическая выгода для Российской Федерации от вступления страны – донора трудовой миграции, в частности Республики Кыргызстан, в зону Единого экономического пространства, в котором существует единый рынок труда. Показана экономико-демографическая обоснованность привлечения трудовой миграции на рынок труда Российской Федерации.

Ключевые слова: трудовая миграция, единое экономическое пространство, рынок труда.

The article is devoted to the economic benefits Russia will probably have after the labor migration donor-country, like the Republic of Kyrgyzstan, joins the Common Economic Space with its united labor market. The author shows the economic and demographic benefits the Russian Federation's labor market can gain from migrants.

Keywords: labor migration, Common Economic Space, labor market.

Мобильность населения является неизбежной составляющей нашего все более глобализованного мира, и Россия не является исключением. За последние 50 лет произошли значительные изменения в региональном распределении международных мигрантов. Если в 1960 г. большая часть международных мигрантов (57,2 %) находилась в развивающихся регионах, то в настоящее время более 60 % международных мигрантов приходится на развитые регионы мира. В настоящее время регионом с наибольшей численностью международных мигрантов является Европа (более 64 млн человек), за ней следуют Азия (53,3 млн человек), Северная Америка (44,5 млн человек) и Африка (17,1 млн человек). Таким образом, международные миграционные потоки превратились в глобальное явление, оказывающее воздействие на все стороны жизни мирового сообщества. Международные миграционные потоки складываются под влиянием разнообразных причин, среди которых преобладающими являются экономические. В свою очередь, развитие экономической (и прежде всего трудовой) миграции имеет характер наиболее длительной и устойчивой тенденции международной миграции.

Согласно глобальным оценкам, более 200 млн человек являются международными мигрантами (против 3,2 млн человек в 1960 г.). Обычно миграционные «коридоры» формируются между странами въезда и странами назначения. Это отчетливо видно на просторах стран СНГ, где основной страной назначения является Россия, а также (в меньшей степени) Казахстан. Так, более 90 % мигрантов

* Савеленко Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: dvsavelenko@econ.msu.ru.

на территории Российской Федерации являются выходцами из бывших советских республик Центральной Азии, Закавказья и Восточной Европы, которых привлекают возможности трудоустройства, возникающие благодаря экономическому росту России, а подталкивают к отъезду ограниченные возможности найти работу дома. В настоящее время потоки трудовой миграции играют значительную роль в социально-экономическом развитии стран СНГ. Через механизм международной трудовой миграции происходит взаимное восполнение дефицита факторов производства: Россия и Казахстан получают дополнительную рабочую силу, то есть труд, без которого их экономике сложно будет обойтись, а страны – доноры трудовых мигрантов через денежные переводы получают дополнительный капитал, который стимулирует развитие их экономики. Следовательно, миграционное взаимодействие государств попадает в миграционную взаимозависимость тогда, когда миграция становится необходимым, во многом безальтернативным ресурсом, обеспечивающим экономическое развитие как принимающих стран, так и стран происхождения.

На наш взгляд, исходя из стратегических интересов России, государственная миграционная политика не должна препятствовать переселению русскоязычного населения из бывших союзных республик. Однако, несмотря на почти десятилетние дискуссии на эту тему, концепция миграционной политики Российской Федерации не принята до сих пор, как нет и стратегического мышления в этой области, и пример «шарахания» от одной крайности в виде вынужденной миграции к другой – нелегальной миграции – наглядное тому подтверждение. Более того, среди государственных мужей в настоящее время преобладающей продолжает оставаться точка зрения, что иммиграция является негативной тенденцией и несет угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Хотя, по нашему мнению, самой действенной мерой, противодействующей росту нелегальной иммиграции, является поощрение ее легальных форм.

Сейчас наблюдается качественный перелом в оценке роли миграции в развитии региона и формировании нового подхода к управлению миграционными процессами – более активного, целеполагающего и стимулирующего. Это реальный шаг к созданию общего регионального рынка труда. Этот шаг был сделан в 2010 г., когда были подписаны соглашения в рамках Единого экономического пространства стран Таможенного союза (Российская Федерация, Республика Казахстан и Республика Беларусь) – соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей, о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих стран. Данным нормативно-правовым документам был присвоен статус Федерального закона в России и Национального закона в Казахстане и Беларуси. Эти соглашения способны перевести на новый качественный уровень интеграционные процессы в регионе, а также создать новую динамику по организации нового рынка труда на постсоветском пространстве.

В 2014 г. ведутся активные межгосударственные переговоры о вступлении Кыргызстана – одного из главных экспортеров трудовых мигрантов в Россию и Казахстан – в зону Евразийского экономического пространства. Это экономическое и социальное межгосударственное объединение, где уже сейчас действует принцип «четырёх свобод», одним из которых является свобода передвижения человеческого капитала.

Что касается экономической ситуации в рассматриваемых странах, то здесь также складываются два полюса экономического развития: с одной стороны, в России и Казахстане имеет место экономический рост, который становится важным фактором привлечения иностранных рабочих; с другой стороны, в Кыргызстане и Таджикистане наблюдается экономическая стагнация, что приводит к оттоку трудоспособного населения. Промежуточную позицию занимает Беларусь, которая выступает одновременно и поставщиком своей рабочей силы (преимущественно в Россию и Казахстан), и реципиентом.

Экономическая и демографическая ситуация в этих странах определяет особенности развития рынка труда. Россия и Казахстан испытывают острую потребность в дополнительной рабочей силе (особенно квалифицированной), в то время как на рынках труда Кыргызстана и Таджикистана складывается уникальная ситуация, обусловленная избытком рабочей силы в целом по стране и ее дефицитом в сельской местности. В то же время неконтролируемая миграция между анализируемыми странами приводит к развитию неформального, «теневое» рынка труда.

Для оценки экономических последствий совместными усилиями Евразийского банка развития и экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова была разработана математическая модель, которая позволяет на базе денежных переводов сделать оценку численности нелегальных мигрантов, также были использованы известные эконометрические и другие методы анализа¹.

В настоящий момент в Кыргызстане денежные переводы – серьезный фактор снижения бедности, что играет положительную социально-политическую роль, влияя на стабильность в стране в целом. Достаточно только привести такой факт, что, по данным Всемирного торгового банка, 30 % ВВП Кыргызстана составляют денежные переводы мигрантов. В Кыргызстане переводы в 2,4 раза больше объема официальной помощи, поступающей в страну из зарубежных источников (см. рис. на с. 93). В Таджикистане и Кыргызстане объем поступающих денежных переводов существенно превышает масштаб прямых иностранных инвестиций и программ международной помощи. Согласно данным Всемирного банка, Кыргызстан и Таджикистан входят в десятку стран мира с наибольшей долей денежных переводов мигрантов в структуре ВВП [Migration... 2011].

Анализируя потоки трудовой миграции и перспективы вовлечения денежных переводов в экономику страны, эксперты пришли к выводу, что в настоящий момент в Кыргызстане в процессы внешней трудовой миграции вовлечено (в зависимости от различных оценок масштабов трудовых потоков) от 12 до 26 % экономически активного населения. Кроме того, сейчас в России в лучшем случае работает более 240 тысяч кыргызских трудовых мигрантов, причем более 50 % из них – нелегально, в худшем – более 520 тысяч, из них 80 % нелегально. Так как нелегально работающие мигранты не платят налогов, то бюджет РФ недополучает от 5 до 17 млрд рублей в год только от налога на доходы физических лиц². Также к издержкам нелегальной миграции можно отнести расходы на внутренний

¹ В силу ограниченности объемов проводимого исследования в итоговый отчет не были включены все математические модели, которые можно применить к анализу миграционных потоков.

² Оценка величины потерь российского бюджета получена на основе данных о численности нелегально занятых мигрантов, среднероссийской величины заработной платы и действующих ставок налога на доходы физических лиц в России.

контроль, усиление границ и санкции против нарушителей (в том числе против работодателей мигрантов).

За последние десять лет трудовая миграция из Кыргызстана не только набрала силу, но и продемонстрировала устойчивость процесса даже на фоне мирового финансового кризиса. Проведенное ОБСЕ исследование «Влияние мирового финансового кризиса на трудовую миграцию из Кыргызстана в Россию» (2009 г.) показало, что, несмотря на проблемы, связанные с сокращением рабочих мест, ужесточением процедур легализации в странах приема и, как следствие, ухудшением положения мигрантов, в Кыргызстане отсутствует реальная альтернатива трудовой миграции. Даже в самый пик кризиса возврат мигрантов составил не более 10 %. Это позволяет сделать вывод, что в ближайшие годы при прочих равных условиях количество нелегально работающих мигрантов из Кыргызстана должно возрасти.

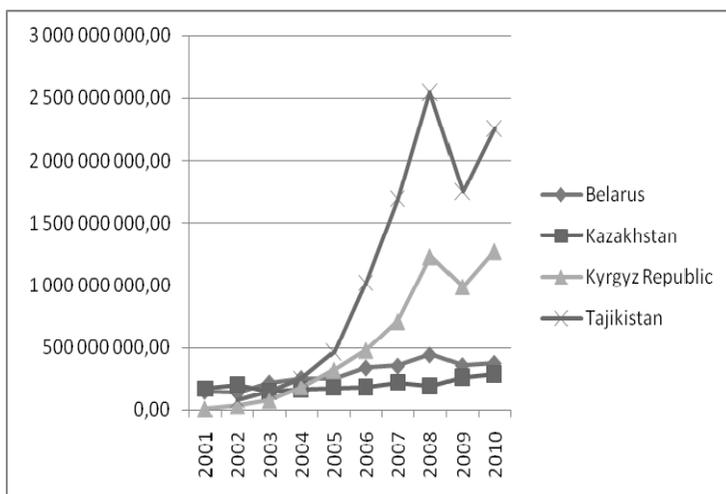

Рис. Динамика денежных переводов мигрантов, в долларах США, 2001–2010 гг.

Источники: URL: www.gks.ru, www.cir.ru, www.belstat.gov.by, www.stat.kz, www.stat.kg, www.stat.tj.

Хотелось бы отдельно подчеркнуть, что данные методики существуют и активно используются в мировой практике в качестве мультипликативных и косвенных методов оценки численности нелегальных мигрантов³.

Что же касается России, то эксперты считают, что мигранты производят не менее 8–10 % ВВП РФ, и при этом наблюдается устойчивая тенденция углубления экономической интеграции, что является весьма существенным вкладом в экономическое развитие Российской Федерации и других стран Таможенного союза.

³ В качестве последних примеров можно привести следующие международные публикации: Fasani *et al.* 2008; Jandl *et al.* 2008; Krigman 2008; Page, Plaza 2005; Schuler, Wahba 2009.

Таблица 1

**Численность иностранной рабочей силы по странам приезда,
занятой в отраслях экономики России в 2010 г., человек, %**

Отрасль экономики России	Численность легальных трудовых мигрантов в отрасли, чел. %		
	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан
Сельское хозяйство	467 (12,7 %)	5689 (12 %)	15 764 (11,4%)
Лесное хозяйство	25 (0,7 %)	485 (1 %)	1283 (0,9 %)
Рыболовство	30 (0,8 %)	184 (0,4 %)	247 (0,2 %)
Добыча полезных ископаемых	627 (17 %)	1650 (3,5 %)	4671 (3,4 %)
Обрабатывающая промышленность и машиностроение	870 (23,6 %)	16 140 (34,1 %)	42 347 (30,5 %)
Транспорт	581 (5,8 %)	5924 (12,5 %)	14 605 (10,5 %)
Оптовая торговля	1085 (29,4 %)	17 199 (36,5 %)	59 762 (43,1 %)

Источник: Федеральная служба по труду и занятости.

Кроме того, по данным Федеральной службы по труду и занятости, можно предположить, что новые мигранты из Кыргызстана будут востребованы в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности⁴.

Из табл. 1 и 2 видно, что в 2010 г. в отраслях экономики, которые испытывают нужду в рабочей силе, уже занято некоторое количество мигрантов. Это позволяет предположить, что после вступления в силу ЕЭП и присоединения к нему Таджикистана и Кыргызстана эти места будут заняты мигрантами.

Потребность данных областей экономики сейчас составляет более 600 тысяч человек, что с легкостью трудоустроит на благо конкурентоспособности экономики России мигрантов из Кыргызстана даже по самым пессимистическим расчетам.

Таблица 2

**Потребность отраслей экономики России в рабочей силе,
тыс. человек, 2010 г.**

Отрасль экономики России	Потребность в рабочей силе, тыс. чел.
Сельское хозяйство	170
Лесное хозяйство	220
Рыболовство	150
Добыча полезных ископаемых	250
Обрабатывающая промышленность и машиностроение	430
Транспорт	60
Оптовая торговля	20
Итого	1300

Источник: Федеральная служба по труду и занятости.

⁴ См. данные о заявленной работодателями потребности в работниках на 15 ноября 2011 г. по регионам России и данные о потребности отраслей экономики России в рабочей силе, а также данные о численности иностранной рабочей силы по странам приезда, занятой в отраслях экономики России за 2010 г.

Если это случится, то доходы бюджета РФ могут возрасти в среднем на 16 млрд рублей за счет налогов, что полностью покроет потери бюджета от нелегальной миграции, а также произойдет снижение дефицита рабочих рук и средней заработной платы, что в свою очередь приведет к росту ВВП. Также будут уменьшены издержки по сдерживанию нелегальной миграции, так как сама величина нелегальной миграции сократится из-за отмены большинства барьеров, мешающих легальной работе иностранцев, и перехода большинства мигрантов из категории нелегальных в категорию легальных.

Оценка влияния Соглашений на нелегальную миграцию на территории ЕЭП, произведенная на основе модели экономической оценки нелегальной миграции, позволяет сделать вывод о том, что ратификация данных соглашений позволит государствам сократить равновесный уровень нелегальной миграции по следующим причинам:

1. Создание рынка свободного передвижения труда и капитала поможет странам ЕЭП поднять планку уровня жизни в своих странах, повлияет на функцию предложения нелегального мигранта (предложение сократится).

2. Упрощенная процедура трудоустройства эффективно скажется на легализации труда, что выведет из теневого сектора экономики дополнительные средства для государственного бюджета, кроме того, сократит величину предложения нелегального труда.

3. Государство сможет уменьшить издержки на поиск и депортацию нелегальных мигрантов, что сэкономит значительные средства в бюджете Российской Федерации.

Напомним, что одно из рассматриваемых соглашений напрямую нацелено на борьбу с нелегальной миграцией и предлагает ряд новых механизмов противодействия незаконному трудоустройству. Кроме того, само по себе создание в перспективе упрощенных и понятных процедур трудоустройства на территории всех стран, которые стали (и еще станут) участниками ЕЭП, является важным средством борьбы с нелегальной миграцией. Это показывают многочисленные обследования среди нелегальных мигрантов, легальное пребывание и легальное трудоустройство по трудовому договору предпочло бы подавляющее большинство из них. В настоящее время официальное трудоустройство во многом ограничено теневыми посредническими схемами, заниженными квотами и т. д. Формирование режима беспрепятственного движения рабочей силы в регионе и создание адекватной миграционной инфраструктуры разрушило бы эти лазейки для коррупции, что, в свою очередь, неизбежно приведет к существенному уменьшению масштабов незаконного трудоустройства.

Таким образом, экономическая интеграция Кыргызстана в Евразийское экономическое пространство несет в себе дополнительные возможности экономического развития каждого участника интеграционного процесса и региона в целом, что принципиально важно для достижения социально-политической стабильности, устойчивых темпов экономического роста, развития экспортных отраслей производства, укрепления внешнеэкономической связи со странами-партнерами. Это создаст условия для того, чтобы появился инвестиционный потенциал денежных переводов, нашли применение полученный опыт за рубежом и квалификация мигрантов, получил развитие трансграничный предпринимательский потенциал

диаспор. Только в этом случае позитивный потенциал международной трудовой миграции в общем и в частности из Кыргызстана в Россию и Казахстан сможет реализоваться в важный дополнительный ресурс этих стран, как это имеет место в новых индустриальных странах Восточной Азии, которым удалось за счет реструктурирования экономики, привлечения иностранных инвестиций и реформирования системы подготовки кадров оптимизировать формы своего участия в мировом рынке труда.

Литература

Fasani F., Dustmann C., Speciale B. Remittance Behaviour of Undocumented Migrants. 2nd International Conference on Migration and Development. World Bank 10.11. September 2008.

Jandl M., Vogel D., Iglicka K. Report on Methodological Issues for CLANDESTINO / Ed. by A. Kraler, D. Vogel. N. p., 2008.

Krigman E. Number of Illegal Immigrants in U.S. May be Closer to 20 Million. 2008.

Migration and Remittances Factbook. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://sitere-sources.worldbank.org/INTLAC/Resources/Factbook2011-Ebook.pdf>.

Page J., Plaza S. Migration Remittances and Development: A Review of Global Evidence. The World Bank. Journal of African Economies. 2005. Vol. 00, AERC supplement 2.

Schuler Ch., Wahba J. Illegal Migration, Wages, and Remittances: Semi-Parametric Estimation of Illegality Effects. IZA Discussion Paper No. 4527. 2009.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МИР-СИСТЕМЫ*

Гринин Л. Е.**

Революционные события 1917–1920 гг. в России не только потрясли мир в момент их совершения, но и существенно, даже круто изменили его, причём это влияние в течение десятилетий возрастало. Социалистическая революция в России вызвала мощный резонанс в мире, стала новым направлением развития. Речь идет не только о силе примера, о повторении события в других обществах. Ее воздействие и шире, и глубже. Она существенно изменила систему мирового порядка в XX в. В статье рассмотрен аспект данного влияния на трансформацию мирового порядка в разные периоды XX в., а также сделана попытка связать это влияние с общими тенденциями исторического процесса.

Ключевые слова: революция, социалистическая революция, мировой порядок, баланс сил, геополитика, ядерная гонка, антиколониальное движение, третий мир, социализм, капитализм, новые принципы международных отношений, право наций на самоопределение.

The revolutionary events of the period between 1917 and 1920 that took place in Russia not only 'shocked the world' at that period but had dramatically changed it, and the influence increased over decades. The socialist revolution in Russia has produced a powerful resonance in the world and become a new developmental trend. This refers not only to the influence of example and the recurrence of the event in other societies. The affect is both wider and deeper since it has significantly changed the world order in the 20th century. The present article considers the aspects of its influence on the transformation of the world order during different periods of the 20th century, and also attempts at relating this influence to the general trends of historical process.

Keywords: revolution, socialist revolution, world order, balance of forces, geopolitics, the nuclear race, anticolonial movement, the third world, socialism, capitalism, new principles of international relations, the right of nations to self-determination.

I. Введение. О волнах влияния российской революции на Мир-Систему

Столетний юбилей Февральской и Октябрьской революций в этом году дает возможность вновь обратиться к анализу тех уже далеких, но по-прежнему

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 17-06-00464).

** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., в. н. с. Института востоковедения РАН, зам. руководителя Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования.

крайне важных событий. Есть события, к которым невольно обращается время от времени взор не только историков, но и многих мыслящих людей. Чаще всего это такие события, которые, говоря словами Джона Рида, не только «потрясли мир» в момент их совершения, но и существенно, даже круто изменили его, причем это влияние в течение десятилетий могло даже возрасти. Именно к таким относятся революции 1917 г.¹

Социалистическая революция в России имела мощный резонанс в мире, стала началом важных изменений в развитии многих обществ. Поэтому ее можно считать одной из великих революций, число которых за всю историю вряд ли превышает десяток. Но речь идет не только о силе примера и о повторении ее в других обществах. Ее влияние и шире, и глубже. В советское время был расхожим тезис, что Октябрьская революция стала главным событием XX в. В какой-то мере в этом заключался довольно важный смысл. Но, конечно, не тот, что вкладывался коммунистами. Не тот, что Октябрьская революция положила начало социализму и новому строю, за которым будущее. Тем не менее она реально изменила расклад сил в мире и дала значимый импульс для развития ряда векторов развития, особенно в отношении государственного планирования, социального страхования и обеспечения в капиталистических странах. Также нельзя отрицать, что она очень существенно повлияла на изменение системы мирового порядка в XX в. В статье мы рассмотрим этот последний аспект подробнее, а также попытаемся взглянуть на Русскую революцию в связи с общими тенденциями исторического процесса.

Большевики с самого начала рассматривали Октябрь как начало всемирной революции. Первые годы само существование революционной социалистической России, ее влияние на революционные события в Европе и Азии, сама возможность победы большевиков в гражданской войне и т. п. оказывали огромное идеологическое, пропагандистское и иное влияние (например, в плане «полевления» политических партий и лозунгов, осуществления социальных реформ в капиталистических странах). Это была, условно говоря, ее *революционная фаза влияния на мир*.

Только десять лет спустя после ожесточенной внутривнутрипартийной борьбы между сторонниками И. В. Сталина и Л. Д. Троцкого была признана в качестве партийной доктрины возможность говорить о построении социализма в отдельно взятой стране и о длительном периоде сосуществования с капитализмом. После этого началась новая фаза влияния революции на изменения в мире, условно названная *государственной*.

Третья фаза началась с 1939 г., когда СССР стал активно участвовать в геополитическом разделе и переделе мира. Это привело его на вершину могущества. *Можно назвать эту фазу влияния геополитической*.

Наконец, четвертая фаза влияния – *фаза сверхдержавы* – началась в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Последнюю, в свою очередь, можно разделить на два

¹ В настоящей работе автор не ставил своей целью углубляться в анализ и оценку причин революций, тем более анализ различных точек зрения. См. об этом спецвыпуск ежегодника «История и Математика» под названием «О причинах Русской революции» [О причинах... 2010], в котором представлены широкий спектр мнений и довольно острая дискуссия. Оговоримся также, что в настоящей статье мы часто будем говорить о русской (российской) революции в единственном числе, поскольку основное влияние на трансформацию Мир-Системы имели последствия победы большевиков.

периода. Первый – период зенита – длится примерно до начала – середины 1960-х гг., когда динамика развития СССР, стран социализма и революционной активности, совпавшей с подъемом национально-освободительного антиколониального движения, еще повышалась. И второй этап – период заката, когда все заметнее стали проявляться симптомы кризиса системы, исчерпания импульса ее развития. Уровень жизни повышался, но это в итоге окончательно погасило революционный импульс, зато усиливало недовольство населения и рост его претензий к правительству, поскольку социализм все сильнее стал проигрывать в сравнении с капитализмом.

II. Революция и изменение мирового порядка до 1945 г.

Крах старого европейского порядка. Напомним, что мировой порядок сложился именно как мировой только к концу XIX в., когда США и Япония стали уже активными игроками [см.: Гринин 2015]. Но в целом он еще оставался европейским, только начал трансформироваться от «Концерта великих держав», созданного Венским конгрессом, к двублоковому противостоянию Антанты и центральных европейских держав, что и вызвало в итоге Первую мировую войну. Первая мировая война разрушила старый порядок, политическая карта мира и расклад сил в нем принципиально изменились. Начался переход от европоцентричного порядка к мировому. Но этот переход был непростым и весьма конфликтным, несмотря на субъективные желания ряда политиков. Когда после Первой мировой войны в связи с созданием Лиги Наций американский президент Вудро Вильсон использовал фразу «новый мировой порядок», надеясь, что удастся, наконец, создать систему международной безопасности и поддержания мира, это означало поиск нового основания и новых принципов международных отношений. Однако, к сожалению, новый мировой порядок означал тогда (как во многом и теперь) прежде всего баланс *силы* держав и их союзов в мире. Не может быть сколько-нибудь прочного мирового порядка, если не установлен баланс сил и определенное представление о нем [о роли баланса сил см.: Киссинджер 1997; Kissinger 2014].

Российская революция и ее влияние на формирование новых принципов международных отношений. Как в деле слома старого порядка, так и в установлении новых реалий и новых принципов российская революция сыграла весьма важную роль. Во-первых, образовался целый ряд новых государств: Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Чехословакия, Венгрия, Королевство СХС (то есть будущая Югославия). Первые пять государств в итоге получили независимость в результате революции в России. И крайне важно, что в первый период революции большевистское правительство не только этому не препятствовало, но и вполне искренне выражало готовность признать их независимость. Последние три государства образовались в результате распада Австро-Венгрии.

Важно помнить, что в XIX – начале XX в. одной из наиболее влиятельных идей политики в Европе (и частично в мире) стала идея о праве наций на создание собственного государства [см., например: Геллнер 1991]. Однако эта идея с трудом реализовывалась в мире, где господствовали империи. Вспомним, как тяжело боролись те же ирландцы за свою независимость. В социал-демократии в предвоенные годы идея права наций на самоопределение была одной из важнейших,

особенно, естественно, среди австромарксистов и российских марксистов. В годы войны эта идея укрепилась, а затем благодаря революциям 1917–1919 гг., особенно российской революции, она стала активно реализовываться, также была использована победителями в Первой мировой войне, чтобы закрепить результаты своей победы. С одной стороны, они не могли сопротивляться силе национальных движений, с другой – предпочитали так переключить карту, чтобы усилить свои позиции. Национализм – одновременно очень сильная и весьма разрушительная, агрессивная идеология. Но в настоящей статье мы эти аспекты не рассматриваем [см. об этом: Гринин 2005]. Важно, что идея о праве наций на самостоятельное государство или на тот или иной вид автономии существенно укрепилась.

Этому в немалой степени способствовала и практика построения национальных отношений в СССР. Построение новой национально-федеративной модели в многонациональном государстве (формально основанной на добровольном и равноправном союзе национальных государств) не могло не оказать влияние на идеологию различных национальных и особенно национально-освободительных движений (в том числе в колониях). Сама новая модель, как известно, не выдержала проверку временем, наличие формальных границ и государственных атрибутов существенно способствовало распаду СССР и Югославии. Однако и в межвоенное время, и после Второй мировой войны она оказала влияние на практику государственного строительства в ряде стран, например, в Китае, Индии, некоторых африканских государствах.

В определенной мере политика большевиков оказала влияние и на идеи о принципах международной дипломатии. В частности, к таким можно отнести факт публикации тайных договоров, отказ от неравноправных договоров (например, с Персией).

В целом это был именно революционный этап влияния революции с выдвиганием новых, абсурдных с точки зрения старого порядка принципов: мир без аннексий и контрибуций, отказ от войны как от средства решения международных вопросов, право наций на самоопределение, отказ от тайной дипломатии и др. Некоторые из них в той или иной мере входили в арсенал принципов международных отношений, в частности в Устав Лиги Наций (не без влияния большевистской революции).

Российская революция и общая обстановка нестабильности. Периоды с 1919 по 1923 г. и время Великой депрессии (1929–1933 гг.) в Европе были довольно нестабильными в социально-политическом плане. А период так называемой частичной стабилизации капитализма с 1924 по 1929 г. оказался очень коротким; но и в это время было много социальных протестов и противостояний, а также и переходов к более или менее откровенной диктатуре (например, в Италии, Польше). В 1930-х гг. обстановка в некоторых отношениях стала еще нестабильнее. К социальным протестам и революциям (в Австрии, Испании) добавились правые национал-социалистические революции в Германии, усиление милитаризма в Японии и др. Поэтому в целом весь послевоенный период был довольно турбулентным и противоречивым. Политика СССР внесла заметный вклад в эту нестабильность.

Как известно, революционная идеология основывалась на идее, что «весь мир насилия мы разрушим до основания», на том, что социалистическая революция должна охватить весь мир. Предполагалось также, что вместе сольются различные антикапиталистические и антиимпериалистические движения, включая антиколониальную борьбу за независимость. Вот почему в первые несколько лет (но в целом и в течение всего предвоенного периода) одна из важнейших линий внешнеполитической деятельности СССР была направлена на организацию революций (особенно в Германии) и революционных движений. Для этого, в частности, использовался Третий интернационал. Хотя успехов на этом направлении достичь не удалось, но на «полевении» политического спектра в европейских странах это сказывалось. Однако такая политика управления мировым коммунистическим движением существенно способствовала внешнеполитическим успехам СССР после войны (и частично во время нее).

Заметным было влияние на антиколониальное движение. Фактически пример России, российской революции и построения социализма был очень значимым для колониальных и полуколониальных стран². Это совпало с общим подъемом (экономическим, политическим, идеологическим и культурным) в ряде вышеназванных стран и не могло не повлиять на ситуацию в метрополиях, вынужденных идти на определенные уступки.

О росте роли государства в жизни общества: пример СССР. Существенное влияние на нестабильность, конечно, оказал и небывалый экономический кризис 1929–1933 гг., который окончательно разрушил прежний экономический порядок в мире, привел к росту протекционизма и закату обеспеченных золотом валют. В этой ситуации пример СССР с его небывалыми темпами индустриализации и экономического роста в период, когда большинство экономик мира жестоко страдало, не мог не вызывать восхищение. Факт исчезновения безработицы в СССР в то время, когда она достигла невиданных размеров в США, Германии и других странах, как и ряд других фактов, не мог не влиять на повышение авторитета социалистической идеологии. Отметим, кстати, что влияние экономических успехов СССР также способствовало в то и особенно в послевоенное время усилению роли экономического планирования в масштабах государства как в капиталистических, так и в развивающихся странах³. Кстати, и идея небезызвестного четырехлетнего плана (1936–1940 гг.) фашистской Германии, о которой Гитлер начал говорить с 1933 г., явно была заимствована им у СССР. Это влияние Советского Союза в целом способствовало повышению роли государства в целом ряде стран в экономике и перераспределении благ и ресурсов, а указанный ниже рост тоталитаризма в мире, по сути, стал одним из путей усиления роли государства в условиях социально-экономической нестабильности. В западных странах в итоге удалось совместить возросшую роль государства с демократией, но далеко

² См., например: Неру 1977: гл. 180 «Пятилетка, или русский пятилетний план» (с. 280–288) и гл. 181 «Трудности, неудачи и успехи Советского Союза» (с. 288–299).

³ В настоящее время две крупнейшие и наиболее быстро развивающиеся страны – Китай и Индия – используют пятилетние планы как способ своего развития. Их применяют также во Вьетнаме и Малайзии. В течение прошедшего периода пятилетние планы использовали в разной степени почти тридцать стран (не считая социалистических), в том числе, например, с 1960 по 1996 г. Южная Корея.

не сразу. Новый курс Ф. Рузвельта, например, представлял собой экстраординарные, почти чрезвычайные меры. Один запрет хождения золота в стране чего стоит.

Смена политических режимов в мире. Само существование СССР как революционного государства было противоречивым уже потому, что целью социалистической революции являлось уничтожение государства как института. Неудивительно, что внешняя политика этого нового государства была внутренне противоречивой. Эта противоречивость в разных ее проявлениях: поддержка пацифизма и активнейшая подготовка к войне, декларация мирного сосуществования разных идеологических режимов и активное инспирирование революций в западных странах, провозглашение достижения высшей формы демократии в СССР и быстрое движение в сторону тоталитарного режима, небывалая по объявленным правам трудящихся социальная политика государства и экспроприация у собственного крестьянства и т. п. – существенным образом влияла на ситуацию в мире. С одной стороны, она привлекала бедные или угнетенные страны, с другой – вызывала серьезные опасения у культурных и богатых государств. Это стало одной из причин (наряду, конечно, с традиционной русофобией), по которой Англия и Франция, не доверяя России, проводили близорукую политику попустительства Гитлеру.

Отметим большие изменения в политической культуре Европы (да и мира в целом) в этот период. Во-первых, в результате войны и революций пали ведущие монархии мира: Российская, Австро-Венгерская и Германская империи. На их месте образовались демократические государства, хотя далеко не во всех из них традиции демократии были достаточно сильны. Таким образом, модель демократического, а также и национального государства стала более распространенной, чем раньше, что, несомненно, повлияло на вектор политического развития в XX в. С другой стороны, возник определенный парадокс. Хотя база демократических режимов как бы расширилась, уже с 1920-х гг. начинается подъем, а затем и триумф авторитарных и вождистских режимов разной степени (в Италии, Польше, Венгрии, Финляндии, Португалии, Литве). И режим революционной диктатуры пролетариата в СССР не только был составной частью этого авторитарного дрейфа, но и, с одной стороны, способствовал укреплению правых диктатур как реакции на «красную опасность», а с другой – в известной мере стал образцом для подражания в фашистских государствах, в частности в Италии и позже в Германии. А затем влияние Германии усилило тоталитарные веяния в ряде стран Европы, включая Испанию, Венгрию, Румынию, Эстонию и Латвию, Болгарию. А на Востоке росла мощь авторитарной Японии.

Авторитарные и тоталитарные режимы разного рода (в том числе комбинации с режимом конституционной монархии), по-видимому, были одним из механизмов укрепления государственности и новой формы модернизации, но они же и подталкивали мир к войне.

Социальная политика. Нельзя не сказать о влиянии социальной политики СССР (и притягательной силы революции) на изменение социальной политики внутри западных стран, где стали приниматься законы о социальном страховании, в частности по безработице или обеспечению безработных работой. Конечно, эти идеи возникли задолго до Первой мировой войны, но практическое их воплоще-

ние, несомненно, было ускорено примером СССР. Кроме того, в общественном мнении капиталистических стран усилилось общее осуждение капитализма и эксплуатации, произошли изменения в налоговой политике западных стран, направленные в том числе и на сглаживание неравенства в обществе. В целом в 1920–1930-е гг. было заметно определенное «полевение» политического спектра в демократических странах Европы и даже в США, а в тоталитарных фашистских обществах государственная политика в ряде отношений использовала опыт СССР.

Таким образом, в десятилетие с 1928 по 1939 г. революционное влияние трансформировалось в государственные формы, в виде успехов и примера государства нового типа. *Вот почему эту фазу условно можно назвать государственной.*

Предвоенные годы и война. Новый мировой порядок после Первой мировой войны установился лишь на очень короткое время, по сути, были лишь попытки его установить, но уже в 1930-е гг. наспех возведенное здание нового порядка стало рушиться. Грандиозный экономический кризис, нежелание Германии признавать наложенные на нее ограничения и другие причины привели к новому обострению отношений и новой войне. Развитие новых систем вооружения также в определенной мере способствовало усилению опасности войны.

Печальный опыт поражений и отступлений в Первой мировой вследствие недостаточной подготовленности усилил стремление СССР избежать этой ошибки. Поэтому подготовка к войне была главной задачей, и в развернувшейся гонке вооружений Советский Союз стал одним из наиболее активных участников. Начиная с 1920-х гг. затраты на модернизацию армии и флота увеличились в несколько раз. Особенно быстро они росли со второй половины 1930-х гг., чему, несомненно, способствовало несоблюдение Германией Версальского договора и быстрое разворачивание немецкой военной промышленности. Активность Японии также «подстегивала» СССР. Зато Англия, Франция и другие европейские государства, уставшие от войны, в 1920-х – первой половине 1930-х гг. стремились к сокращению военных расходов, в них набирали популярность пацифистские взгляды. Недаром в этот период возникали идеи о разоружении (вроде пакта Бриана – Келлога 1928 г.). Эти страны включились в гонку вооружений существенно позднее, что и стало важной причиной решения А. Гитлера развязать войну. Военный баланс сдвинулся в пользу Германии, в итоге межвоенный мировой порядок рухнул.

Быстрый экономический рост СССР, модернизация вооруженных сил, а также общеизвестные политические события в Европе 1938–1939 гг. позволили СССР усилить свое влияние. Он стал крупнейшим геополитическим игроком, роль его возросла в течение войны и послевоенного раздела Европы и Азии.

Нет нужды говорить обо всем известных событиях Второй мировой войны. В аспекте нашей темы лишь заметим, что логика этой войны реализовала переход от европоцентристского мирового порядка к реально мировому. Начало такой трансформации, повторим, было связано с Первой мировой войной. Однако в связи с тем, что после нее США вновь склонились к политике изоляционизма, европоцентристский порядок оставался еще во многом актуальным. И новая мировая война сначала возникла как европейская, превратившись по-настоящему в миро-

вую лишь с конца 1941 г., когда она охватила огромный Азиатско-Тихоокеанский регион.

И в завершение параграфа выскажем такую идею. После революций политические режимы и лозунги в послереволюционных обществах могут значительно и неоднократно меняться. Однако, несмотря ни на что, влияние великих революций ощущается долго, поскольку они как бы «развязывают» энергию нации. В этом плане причины и результаты победы СССР во Второй мировой войне можно сравнить с причинами и влиянием побед наполеоновской Франции. В обоих случаях импульс революции во многом способствовал победам, а сами победы вели к серьезным изменениям (осуществленным в большей или меньшей степени по революционным лекалам) в оккупированных странах.

III. Трансформация мирового порядка после Второй мировой войны

Переход от системы великих держав к системе двух сверхдержав. Несмотря на крупные изменения в 1920–1930-е гг., система великих держав, которые определяли основные векторы политики в мире, хотя и видоизменилась, но сохранялась и даже в каких-то аспектах усилилась. Вторая мировая война реально превратила систему великих государств в систему двух сверхдержав, поскольку, во-первых, вычеркнула побежденных из этого списка. И до сих пор действуют ограничения на объем вооруженных сил и их использование в Японии и Германии. Во-вторых, война подорвала возможности Англии и Франции. И хотя победители еще в 1944–1945 гг. продолжали закладывать в будущее мироустройство именно систему великих государств (наиболее наглядным свидетельством чему был устав ООН с пятью постоянными членами СБ: США, СССР, Францией, Англией и Китаем), уже в 1945 г. становилось ясно, что в новом послевоенном мире есть только две великие державы, позже названные сверхдержавами. Соответственно, и влияние социалистической революции в России теперь трансформировалось во влияние сверхдержавы, имеющей значимую поддержку со стороны целого ряда союзников и дружественных стран.

Гонка вооружений, ядерный баланс. Мировой порядок всегда (и, к сожалению, до сих пор) держится на балансе сил, в первую очередь военных. Но военная сила требует экономической мощи и развития науки. В частности, обе мировые войны убедительно доказали, что несоответствие между наличной мощью вооруженных сил и систем вооружения, с одной стороны, и неадекватной ей экономической силой нации – с другой, рано или поздно приводит к политическому или военно-политическому краху таких держав. Стало также ясно, что поскольку экономическая мощь опирается на уровень научно-технологического развития, в целом баланс силы и его поддержание требовали от держав высоких темпов экономического и технологического развития. Попутно заметим, что политический кризис в СССР в 1989–1991 гг. также стал примером указанного несоответствия, при котором стремление к гегемонизму вошло в резкое противоречие с отставанием в научно-информационной сфере. И, кстати сказать, сегодняшним российским лидерам, которые пытаются возродить военно-политический статус державы, необходимо постоянно помнить об этом, поскольку у страны, плетущейся в хвосте экономического развития, очень скоро не хватит ресурсов для таких

притязаний. Для поддержания необходимого уровня влияния в мире России сегодня нужна совсем иная экономическая, инновационная и образовательная политика.

Надо отметить, что и до войны, и в первые десятилетия после нее Советский Союз демонстрировал впечатляющие темпы экономического развития, постоянно стремился к технологическому обновлению, а после войны (используя немецкие разработки) смог быть первым в научно-технологическом плане во многих военных и стратегических разработках. Разумеется, это достигалось очень высокой ценой, сначала за счет снижения уровня жизни населения, а затем за счет обескровливания мирных секторов, в конечном счете полностью лишившихся импульса к развитию. Однако в первые полтора десятилетия после войны импульс, заданный революцией и идеологическим обновлением в стране, в чем-то даже усилился, поскольку война и победа в ней подняли в обществе новую волну энтузиазма, на этот раз замешанного на великодержавном патриотизме, хотя и с социалистической начинкой.

В итоге по валовому продукту СССР твердо вышел на второе место в мире после США, а за счет перераспределения произведенного в пользу военных секторов смог претендовать на роль новой сверхдержавы. Здесь были особенно важными два направления.

Во-первых, уже после ядерных бомбардировок Японии стало ясно, что без создания собственного ядерного оружия СССР долго не сможет претендовать на роль достойного соперника США, а также на удержание положения, завоеванного в результате победы над Германией и оккупации Восточной Европы. Как известно, уже в августе 1949 г. было проведено испытание советской атомной бомбы на Семипалатинском полигоне. Через четыре года там же была испытана водородная бомба. Соревнование в этой области, с одной стороны, потребовало развития новой физики, а с другой – дало импульс для нее (физика элементарных частиц, высокотемпературной плазмы, сверхвысоких плотностей энергии и аномальных давлений) и всего, с ней связанного. Ядерная гонка также способствовала развитию атомной энергетики в мире.

Во-вторых, создание ракет, способных доставить мощный взрывчатый заряд (в том числе и ядерный) на большие расстояния. Здесь в некоторых отношениях СССР даже опередил США, доказательством чего стал запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 г. О лидирующих позициях Советского Союза в области ракетных технологий говорит и такой факт, что уже 5 ноября 1956 г. в заявлении советского правительства «О решимости применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке» в отношении Англии и Франции были выдвинуты открытые угрозы применить ракетное оружие⁴.

Таким образом, мир стал втягиваться в гонку ракетно-ядерных вооружений, что очень сильно изменило весь военно-политический баланс в мире, а также мироощущение жителей Земли. Никто теперь не чувствовал себя в полной безопасности. Эта тревога трансформировалась в различные политические или иные

⁴ Конфликтная ситуация была связана с Суэцким кризисом, который был вызван национализацией Г. А. Насером Суэцкого канала и попытками Англии, Франции и Израиля воздействовать на Египет военным путем (США также осудили эту агрессию Израиля и поддержали Египет).

движения, но также вместе с доктриной отсутствия победителя в ракетно-ядерной войне стала основой для формирования неустойчивого равновесия сил в мире, которое в конечном счете помогло избежать третьей мировой войны.

Нельзя также не сказать о том, что гонка вооружений оказала огромное влияние на технологическое развитие в целом, на ускорение научно-технической революции, которая далее трансформировалась в научно-информационную революцию. Развитие атомной энергетики, космических, информационных технологий, самолетостроения, автоматизации, робототехники и многого другого было так или иначе связано с военными технологиями [подробнее об этой революции см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015].

Формирование мировой социалистической системы и двублокового мирового порядка. Таким образом, после Второй мировой войны стал складываться новый мировой политический и экономический порядок. При этом он имел существенные отличия от предыдущих вариантов мирового порядка. Во-первых, повторим, теперь имелись только две сильнейшие державы (США и СССР).

Во-вторых, он формировался по идеологическим основаниям. Подобные основания никогда прежде не лежали в основе мирового порядка. Также и создание устойчивых идеологических блоков произошло на мировой арене впервые⁵.

В-третьих, происходило деление не только по идеологии и политическим пристрастиям, но и по экономической системе. В мировом масштабе это также наблюдалось впервые⁶. И борьба идеологий велась не только за то, кто будет победителем, но и какой должна быть экономическая и правовая система в мире.

В-четвертых, борьба шла не только на уровне внешней политики и мобилизации сил в области гонки вооружений, но и на всех остальных уровнях: культурном, спортивном⁷, пропагандистском, организации подрывных и оппозиционных течений в странах противника и т. д. и т. п. *Словом, противостояние стало тотальным, на уровне буквально каждого человека и каждого акта.*

Вместе с этим, а также с ростом влияния органов разведки и агентуры на внутренние движения и политические силы активизировалась практика совершения переворотов и интервенций с обеих сторон, хотя по их числу лидировали США⁸.

Несомненно, именно революционная практика лидеров СССР, которая стала базой для разворачивания невиданного ранее масштаба пропагандистского влияния на население и подавления инакомыслия, оказала огромное влияние на такой вари-

⁵ Не исключено, что именно идеологизация и обеспечила довольно длительное существование послевоенного мирового порядка. Вообще говоря, в каком-либо сложившемся и достаточно устойчивом виде мировой порядок, который так или иначе признавался и поддерживался ведущими силами, обычно держался максимум три-четыре десятилетия, а то и меньше [см. подробнее: Гринин 2015]. Таким образом, мировой порядок после Второй мировой войны с 1945 по 1990 г., существовавший 45 лет, стал своего рода рекордом.

⁶ В меньших масштабах можно найти аналогии в борьбе капиталистической Англии против рабовладения, борьбе северных и южных штатов США за путь развития экономики, который также перерос в идеологический конфликт, завершившийся Гражданской войной.

⁷ Здесь, видимо, «первопроходцем» стала нацистская Германия, стремившаяся в 1936 г. использовать Олимпийские игры в Германии в качестве доказательства превосходства арийской расы.

⁸ Разумеется, практика переворотов существовала давно, уже с XVIII в., а может быть, и ранее, она активно использовалась Англией, теми же Соединенными Штатами и другими странами в первой половине XX в. Но после Второй мировой войны она интенсифицировалась уже в связи с появлением многих новых государств.

ант внешнеполитического противостояния. Как мы помним, официальная политика Советского Союза до войны заключалась в том, чтобы всячески поддерживать коммунистическое и подрывное движение в капиталистических странах и колониях. После войны она несколько модернизировалась, но во многом оставалась той же, хотя и не столь откровенной в отношении капиталистических государств. Однако в отношении развивающихся стран, где всегда поддерживались всякого рода движения и формирования, выдававшие себя за революционные, левые и тем более социалистические, она оставалась революционно-подрывной.

Капиталистические страны, которые в 1930-х – начале 1950-х гг. больше оборонялись на идеологическом фронте, перешли в активное наступление, постепенно развернув мощную пропаганду через различные радиостанции и другие формы, активно поддерживая и взращивая в качестве пятой колонны так называемое диссидентское движение. Все это в итоге оказало большое влияние на изменение взглядов населения СССР.

Важно заметить, что весь этот арсенал средств борьбы с противником не только не ушел в прошлое с распадом социалистического блока и Советского Союза, но и, напротив, стал в руках США еще более грозным оружием. Кроме того, само идеологическое прикрытие экспансии с 1990-х гг. и по настоящее время также продолжает быть идеологизированным, идет под лозунгом продвижения демократии, свободного рынка, борьбы с коррупцией, авторитаризмом, нарушением прав человека [см. подробнее: Гринин 2015; см. также: Чумаков 2015].

В-пятых, военно-политическое и идеологическое противостояние стало реально мировым, геополитические соперники стремились использовать для усиления своих позиций любые страны, любые движения и события. Поскольку США были намного богаче и влиятельнее, они смогли распространить свои базы по всему миру, создав буквально их паутину, включая в орбиту своего влияния много развивающихся стран (этому активно способствовала и Великобритания).

В настоящей статье нет смысла сколько-нибудь подробно останавливаться на истории возникновения социалистической системы. С одной стороны, конечно, без оккупации этих стран такой системы бы не сложилось, но с другой – вне всякого сомнения, вместе с победой СССР в войне позиции левых сил и коммунистов (в частности, во многих странах) резко усилились. Так, установление коммунистического режима (пусть и не сталинского типа) в Югославии, которая никогда не была оккупирована, победа коммунистов Китая в гражданской войне, а также движения коммунистов в Италии и Франции в 1940-е гг., которые удалось остановить только под нажимом США, подтверждают сказанное.

Победа в войне, казалось бы, подтверждала силу социалистического строя, правоту утверждений, что будущее за социализмом. Возникновение целого ряда правящих коммунистических режимов, а равно вышеописанные успехи в военной и научной сферах служили весомым аргументом в подтверждении идеи о неизбежности победы социализма во всем мире в недалеком будущем для многих политических сил в колониях и развивающихся странах. Думается, что и сами лидеры СССР и социалистических стран в 1950-е гг. вполне искренне в это верили.

Крайне немаловажно для нашей темы, что установление в социалистических странах социалистических режимов не шло просто по пути насаждения лояльных

правительств. Реально это были попытки осуществить социальные преобразования, по глубине и форме родственные социалистической революции в России, с экспроприациями, социально направленными репрессиями, чистками, насильственным объединением крестьян в кооперативы, притеснением церкви и другими ее атрибутами. Правда, в европейских странах, может быть, за исключением Албании, масштаб репрессий не был сравним с тем, что имелся в СССР, а также некоторые «преобразования» в некоторых странах, в частности Польше, до конца довести не удалось⁹. Но так или иначе, идеологическая установка о том, что именно должна включать в себя социалистическая революция, приобрела большое поле для экспериментов.

В результате описанных процессов постепенно *мир стал двуполосным, а затем и дублоковым* (НАТО и Организация стран Варшавского договора).

Это произошло довольно скоро после войны. Напомним, что НАТО образовалось в 1949 г., а Организация стран Варшавского договора – в 1955 г., поводом для этого стало вступление в НАТО ФРГ.

Попытки Англии продолжать играть роль третьей великой державы входили в серьезное противоречие с ее возможностями. Кроме того, не будучи теперь в безопасности, как было ранее до создания ракетных войск, Британия, как и другие западные страны, всерьез опасалась военной мощи Советского Союза (см. выше). Да и экономически они стали независимыми только к концу 1950-х гг. Соответственно, европейские страны согласились на роль младших партнеров США, вскоре найдя для себя достаточно удобным и выгодным не нести столь заметных военных расходов и быть под защитой американского ядерного зонтика.

Влияние на антиколониальное движение и третий мир. Советское правительство поддерживало антиимпериалистическую и антиколониальную борьбу с первых дней своего существования. После Второй мировой войны борьба стран за независимость вошла в новую фазу. Правда, сталинское руководство не сразу смогло найти нужные формы взаимодействия с этими движениями, пытаясь прогнуть их под себя (наиболее известный пример – с Индией). Где-то по-прежнему преобладали военные формы противостояния с использованием освободившихся стран. Корейская война, война против власти Франции в Индокитае (а затем и против агрессии США) – наиболее известные эпизоды. Отметим, что идея, подкрепленная авторитетом российской революции и последующими успехами СССР, о том, что победа в революции не бывает легкой, что она так или иначе требует и победы в вооруженной борьбе и гражданской войне (а после нее закрепления победы в виде социальных чисток и репрессий), оказывала огромное влияние на политическую жизнь многих стран.

Но позже, особенно уже в хрущевский период, влияние Советского Союза на формирующийся третий мир усилилось. Наиболее ярко это проявилось, может

⁹ Но в азиатских странах (особенно в Китае и Северной Корее) репрессии и пертурбации были очень масштабными. При этом в отдельных случаях, как при режиме красных кхмеров в Кампучии, поддерживаемом КНР, процесс уничтожения населения, кажется, превзошел в процентном отношении все ранее известное. Имелось и «творческое» развитие режима, в частности превращение власти генерального секретаря в наследственную в КНДР. С другой стороны, именно в КНР в конце 1970-х гг. началась трансформация тоталитарной социалистической системы, благодаря чему социализм ныне все еще остается реальным фактором международной политической жизни.

быть, на Ближнем Востоке в противостоянии арабских стран и Израиля, где СССР, естественно, занял антиизраильскую позицию.

В результате сотрудничества социалистических государств и третьего мира происходила существенная промышленная модернизация ряда развивающихся стран, передача технологий, причем формировалась тяжелая промышленность. СССР и другие соцстраны оказывали помощь разным государствам, многие из которых хотя не приветствовали социализм советского типа, но принимали государственный индустриализм (Индия, Египет и др.). По разным причинам значительно возросла необходимость для Запада и СССР быть в союзе с развивающимися странами, в итоге началась борьба великих держав за третий мир [подробнее см.: Гринин, Коротаев 2016]. Они были нужны, в частности, для включения их в орбиту военно-политического противостояния, но далеко не только для этого. Многие страны примкнули к так называемому Движению неприсоединения, поэтому СССР, позиционирующий себя как борец за мир, стремился оказывать влияние на этот форум с участием многих десятков стран. Роль развивающихся стран за счет их многочисленности была особенно наглядной в различных международных организациях, прежде всего в ООН. В целом стало важно сотрудничать с развивающимися странами для подкрепления своих идеологических установок, для активизации внешнеэкономических стратегий и по многим другим причинам.

Конвергенция режимов. Как уже было сказано, пример СССР оказал определенное влияние на то, что участие государства в экономике и социальном перераспределении благ стало больше. Несомненно, и «полевение» ряда политических партий и лидеров, и требования национализации крупнейших предприятий в Англии, Франции и других странах, которая была произведена после войны, в значительной мере опирались на опыт нашей страны. Капиталистические государства активно шли по пути социального государства, для чего были повышены налоговые ставки, иногда доходившие до 50 % и более от прибыли и личного дохода. С другой стороны, уровень жизни быстро увеличивался в СССР и других социалистических странах. При этом государство вынуждено было уделять поддержке этого большое внимание. Росли также и притязания граждан на обладание собственностью (квартирами, машинами, дачами и т. п.). Все это означало сближение режимов. Неудивительно, что в 1950–1960-е гг. появились теории конвергенции социализма и капитализма, в том числе и на базе теории единого индустриального общества, то есть капитализма и социализма (П. Сорокин, Дж. Гэлбрейт, У. Росту, Ж. Фурастье и др.). Определенная конвергенция действительно наблюдалась. И чем она становилась заметнее, тем меньше оставалось импульса для дальнейшего влияния российской революции на мир. Это влияние «выдыхалось», а экономика и в целом развитие СССР и других социалистических стран замедлялось. Эпоха социализма подходила к концу.

IV. Заключение. О великих революциях

Вне всякого сомнения, Русская революция 1917 г. относится к великим революциям. Открывая новые, невиданные ранее горизонты в плане социально-политической ломки и реформации, глубины насилия и разрушения, такие рево-

люции в то же время не просто ломают, но и как бы очерчивают круг возможных социальных изменений на длительный период. По крайней мере, часть революционных идей и принципов рано или поздно распространяется не только в породившем их революционном обществе, но и за его пределами. Иногда на штыках (как это было во время Наполеоновских войн или в результате Второй мировой войны), иногда силой примера в ходе соперничества режимов и идеологий.

В результате совершения великих революций возникают альтернативные линии развития. Это обогащает социальную эволюцию. Но такие революционные линии развития в итоге в большей или меньшей степени проявляют себя как тупиковые. Великая революция XVII в. в Англии создала республиканскую линию развития крупной державы¹⁰. Однако вскоре она зашла в тупик. И идея республики для Англии в результате Реставрации Стюартов в 1660 г., а затем и Славной революции 1688 г. была отброшена. То же относится и к Великой французской революции конца XVIII в., которой в итоге не удалось доказать жизнеспособность ни республиканского правления, ни полной отмены сословий. Ни одну из революций 1848–1849 гг. нельзя назвать великой, но в целом, учитывая массовость революционных действий и быстрое «перебрасывание» революции из одной страны в другую, эти события носили характер великой европейской революции. Идеи социальной революции и социального общества, которые пытались реализовать во Франции в июле 1848 г., испугали не только буржуазию, но оказались явно не по душе многим слоям в европейских обществах. В результате революции этого периода потерпели поражения. Русская революция открыла направление перестройки общества на основе идей уравнительного социализма и отмены частной собственности. В конечном итоге, хотя далеко не сразу, эта линия развития исторического процесса также зашла в тупик.

Но с точки зрения всемирно-исторического развития влияние великих революций отнюдь не бывает бессмысленным. Напротив, по гегелевскому закону отрицания отрицания их идеи и практики широко внедряются, но это внедрение могло быть успешным только потому, что на практике удалось отказаться от крайнего радикализма¹¹. Так, после Славной революции в Англии установилась не республика, но конституционная монархия, которая и стала моделью развития европейских обществ в течение последующих двух столетий. В результате Великой французской революции в Европе и самой Франции стали вводиться конституции, крепостное право в ряде стран отменялось или было смягчено, укреплялась крестьянская собственность на землю, произошли существенные изменения в законодательстве и других сферах. Так, вследствие отрицания крайностей социальной революции 1848 г. (и Великой французской революции), но под влиянием этих идей в европейских обществах произошли значительные перемены и была открыта дорога к развитию капитализма и частично к формированию социальной

¹⁰ До этого республики существовали только в небольших государствах.

¹¹ В революциях (особенно на Западе) основная борьба обычно идет между умеренными и радикалами [Хантингтон 2004: 278]. В России в результате Октября к власти пришло радикальное крыло революционеров, которые, в отличие от участников предшествующих им революций, смогли прочно там удержаться. Однако отметим, что и внутри партии большевиков был целый ряд представителей более радикальных направлений.

политики государства, особенно в Германии. А под влиянием социалистических идей Русской революции и практики СССР в демократических обществах стали активно развиваться социальная политика и формы социального обеспечения, в итоге эти страны достигли уровня общества социального благоденствия (правда, сегодня в результате роста неравенства кое-где от него существенно отступили).

Таким образом, великие революции могут увести в сторону и даже отбросить назад породившее их общество, но в них реализуется (правда, в очень искаженном идеологией виде) запрос исторического развития на определенные изменения, трансформации и потребности. При этом выиграть от такого развития могут соседние общества, которые под влиянием революционных событий проводят соответствующие изменения. Иными словами, это способ движения исторического процесса, в котором прогресс в одних обществах может реализовываться за счет провала других. Хотя говорить о полном отсутствии прогресса в отечественном обществе, конечно, не приходится, поскольку на определенном этапе развития советское общество цивилизовалось и добилось довольно значимых успехов. Революция и социальные эксперименты потребовали очень высокой цены от СССР и последовавших за ним обществ. Тем более обидно, что этот путь оказался тупиковым¹².

Как сказано выше, важным моментом, связанным с всемирно-историческим аспектом влияния крупных революций, является появление новых линий исторического развития. Появление новой линии развития – это возникновение новых возможностей, усиление конкуренции, рост одновременно и дивергенции, и конвергенции. Социалистическая революция стала новым направлением в индустриализации отстающих стран. И хотя эта линия не была магистральной, но она существенно способствовала модернизации мира, и его деколонизации.

Литература

Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991.

Гринин Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. № 1. С. 6–31.

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? // Век глобализации. 2015. № 2. С. 2–17.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016.

Киссинджер Г. Дипломатия. М. : Ладомир, 1997.

Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: в 3 т. М. : Прогресс, 1977. Т. 3.

¹² Возможно, это не было бы полным тупиком, если бы советским реформаторам 1980-х гг. удалось сделать переход удачным (пример Китая показал, что выход без коренной ломки политической системы все же был возможен).

О причинах Русской революции / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М. : ЛКИ, 2010.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2(16). С. 35–47.

Kissinger H. World Order. New York, NY : Penguin Press, 2014.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ «ПОСТ»: ВОЗМОЖНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ

Бахтуридзе З. З.*

Статья посвящена теоретическому осмыслению международных отношений на современном этапе. Подчеркиваются значительные трансформации в области представлений о международных отношениях. В качестве одного из значимых элементов современного мирового политического процесса рассматривается глобализация, представлены полярные мнения по поводу данного феномена и его влияния на мировую политику и международные отношения. Лейтмотивом данной статьи является мысль о необходимости правильного выбора и об ответственности тех, кто должен принимать осознанные решения, а значит, каждого из нас.

Ключевые слова: трансформационные процессы, постсоветское пространство, неореализм, неоидеализм, неомарксизм, транснационализм, система международных отношений, глобализация, синергетика.

This article presents the theoretical considerations about contemporary international relations in the present period. It emphasizes the significant transformations of the concepts of international relations. Globalization is considered as one of the most significant elements of contemporary global political processes, and this article presents the opposing views on globalization and its impact on world politics and international relations. It argues in particular about the necessity of good choices and the responsibilities of those who are to make conscious decisions, which is to say, each of us.

Keywords: transformational processes, the post-Soviet territory, neorealism, neoidealism, neomarxism, transnationalism, the system of international relations, globalization, synergetics.

Трансформационные процессы, происходящие в области международных отношений, ведут к поискам новых теоретических обоснований для осмысления политических процессов и явлений.

Всякая теория выполняет как минимум две основные функции. Во-первых, она должна выявить и разъяснить особенности изучаемого объекта, в том числе его структуру; во-вторых, дать прогноз его развития. Что касается объекта исследования, о котором идет речь, то в первую очередь нам придется столкнуться с вполне характерной для сложных феноменов проблемой – проблемой определения. Многочисленные дискуссии и различные подходы демонстрируют отсутствие согласия относительно содержания понятия «международные отношения».

Существует ряд теоретических школ, которые пытались дать свое объяснение и выявить тенденции развития международных отношений. В первую очередь

* Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – д. п. н., профессор Института специальной педагогики и психологии (г. Санкт-Петербург). E-mail: zeinabb1000@list.ru.

необходимо упомянуть о таком направлении, как реализм, представители которого (Ганс Моргентау, Раймон Арон, Эдуард Карр) выделяют в основе структуры международных отношений национальные государства, отстаивающие свои интересы с помощью силового компонента. Таким образом, международная политика представляется борьбой за власть между государствами, основывающейся на приоритете национальных интересов с целью обеспечения безопасности, выживания и сохранения суверенитета. Реалисты утверждают, что характер взаимодействия государств определяется количеством накопленных ими ресурсов, в которых выражается уровень мощи государства. По мнению Э. Карра, для реалиста «неуместность государственного суверенитета – идеология доминирующих держав, которые рассматривают суверенитет других государств как препятствие для использования своего преобладающего положения» [Карр 2003: 57].

В рамках реализма для самозащиты государство может рассчитывать только на свои силы, отсюда стремление к самодостаточности: разностороннее развитие собственной экономики и военной промышленности, обеспечение контроля над стратегическими ресурсами. К важным чертам реалистического мировоззрения относится убеждение, что международная политика управляется объективными законами, которые носят долгосрочный характер. Поскольку конфликтность международной системы коренится в ее природе, она лишь отчасти сдерживается международным правом, институтами и моральными нормами. Условием мирного сосуществования государств является поддержание равновесия сил, нарушение которого ведет к войне. Возможности эволюционного развития появляются в результате приспособления к новой расстановке сил.

Неореалисты в лице Кеннета Уолтца расширяют традиционное в реализме понимание мощи государства, предлагая истолковывать государственную мощь не только с точки зрения военной силы, а как комбинацию возможностей государства в разных сферах общества (социальной, культурной, экономической, политической). Существование множества государств, которые пытаются реализовать свои собственные интересы при отсутствии признаваемой ими общей системы законов, делает практически неизбежным возникновение конфликта. Как весьма точно подметил К. Уолтц, «государство использует силу, если, оценив перспективы на достижение успеха, выяснит, что желаемые цели более привлекательны, чем спокойствие мирной жизни. Поскольку каждая держава – сама себе высший судья, поскольку любая страна в любое время может применить силу для проведения собственной политики, из-за этого другие страны вынуждены быть постоянно готовы ответить на силу силой или же заплатить за свое спокойствие» [Уолтц 2003: 93]. Исследователь также отмечает, что в кризисных ситуациях попытки обеспечить единодушную поддержку внешней политики чаще всего успешны, так как имеет место убежденность граждан «в зависимости собственной безопасности от безопасности государства» [Там же: 105]. Получается, что единство нации укрепляют противостояния, возникающие в международных отношениях. В связи с вышесказанным К. Уолтц приходит к весьма интересному выводу в духе неореализма: «При этом важно не то, что появляется ненависть между народами разных стран, а то, что страна мобилизует ресурсы, интересы и чувства граждан для реализации военной политики» [Уолтц 2003: 106].

Сторонники идеализма (в частности, Гренивиль Кларк и Луис Б. Сон) убеждены, что государства – не только не единственные, но и не главные междуна-

родные акторы, так как эта роль принадлежит международным организациям. Идеалисты акцентируют внимание на наличии универсальных, общечеловеческих ценностей, интересов, неотъемлемых прав человеческой личности и на необходимости создания всеобъемлющей системы коллективной безопасности в целях сохранения и защиты этих прав. Если реалисты настаивают на том, что основные международные процессы представлены конфликтами, то идеалисты твердят о переговорах и сотрудничестве. Сторонники идеализма верят в создание справедливого международного права, в возможность покончить с войнами и вооруженными конфликтами между государствами путем правового регулирования и демократизации международных отношений. Одна из приоритетных тем идеализма – создание системы коллективной безопасности на основе добровольного разоружения и взаимного отказа от войны как инструмента международной политики. Этому способствует прежде всего экономическое сотрудничество и рост взаимозависимости государств. В политической практике идеализм воплотился в создание Лиги Наций, крах которой не помешал формированию Организации Объединенных Наций, призванной служить делу сохранения всеобщего мира и предупреждению войн.

Неомарксистское направление в лице Й. Галтунга, И. Валлерстайна, Р. Кокса и др. представляет мир в виде глобальной системы многообразных экономик, государств, обществ, идеологий и культур. Неомарксисты утверждают, что государства сегодня превращаются в агентов, пытающихся реализовать в национальных экономиках требования мировой экономики, что необходимо в условиях конкуренции на мировом рынке.

Наконец, сторонники транснационализма (Джозеф С. Най-мл., Роберт О. Кохэн) считают, что на поведение дипломатов и военных оказывают «сильное влияние географические факторы, характер внутренней политики, научный и технический прогресс» [Най-мл., Кохэн 2003: 152]. При этом транснациональные организации могут формировать новое отношение, создавая мифы, символы и нормы для обеспечения легитимности своей деятельности, в результате транснациональных отношений государства становятся зависимыми от сил, не контролируемых ни одним из них [Там же: 160]. В частности, при неравенстве государств транснациональные отношения могут дать преимущества более могущественным государствам... и лишить каких бы то ни было преимуществ и без того слабые страны [Там же: 152]. Не отрицая роли правительств как наиболее важных игроков на политическом поле, авторы отмечают, что «малые и средние государства и даже великие державы в системе баланса сил вынуждены смириться с низким уровнем контроля над внешним миром: они должны согласиться с изменениями, а не изменять силы истории» [Там же: 163].

Как известно, выделяют следующие системы международных отношений:

- Вестфальская система, которая характеризовалась идеей баланса сил;
- Венская система, характеризующаяся идеей «Европейского концерта»;
- Версальско-Вашингтонская система (по результатам Первой мировой войны);
- Ялтинско-Потсдамская система (по результатам Второй мировой войны), ставшая основой биполярного мира.

Исследователи склонны считать Ялтинско-Потсдамскую систему завершившейся в 1991 г. с распадом СССР и прекращением биполярного противостояния, однако нет единства в определении наименования системы международных от-

ношений на нынешнем этапе. Современный период развития цивилизации одни исследователи называют Беловежской эпохой, другие придерживаются названий «эпоха постмодерна», «постбиполярная эпоха», «Post-cold-war era», где само применение приставки «пост-» означает, пожалуй, то, что какие-то другие характеристики пока трудноразличимы. Возможно, здесь обнаруживает себя со всей очевидностью проблема пересмотра норм международного права. Впрочем, то, каким образом в классической истории международных отношений формируются и закрепляются новые правовые нормы, вызывает напряженность, связанную с ожиданием серьезных конфликтов и потрясений.

В отношении тенденций дальнейшего развития, а также характеристик того, что происходит на данном этапе, точки зрения исследователей иногда прямо противоположны. Рассуждая в заданном направлении, говорят о глобализации, об интеграции, о дифференциации; о формировании однополярного, бесполярного, многополярного мира. Пожалуй, единственной характеристикой современного этапа, с которой соглашаются все исследователи, является наличие трансформационных процессов и различных кризисов, присутствие которых всегда предшествует формированию новой системы международных отношений, а соответственно появлению новых правил миропорядка.

Венский конгресс по сравнению с дипломатическими процессами раздела постсоветского пространства представляется детской игрой. Впрочем, некоторые тезисы участников Венского конгресса актуальны до сих пор. Очевидно, что развалины империи как тогда, так и сейчас оказались лакомым куском для многих. Ошибки и проблемы прочно заняли свое место в истории дипломатии последних десятилетий, чего нельзя сказать о достижениях и успехах. При условии того, что все стороны прекрасно осознают необходимость диалога и декларируют мирное разрешение любых конфликтных ситуаций, возникают все новые и новые горячие точки вооруженного противостояния, создается впечатление, что мы «слишком напуганы, чтобы воевать, слишком глупы, чтобы договариваться» (Галейран). Не хотелось бы, чтобы этот тезис знаменитого француза оказался актуальным применительно к сегодняшней мировой политике.

Авторы философской методологии исследования проблем мировой политики предлагают вниманию читателей позицию, согласно которой «в современном мире, где чрезвычайно велика тяга к стиранию границ, самым важным стало умение и желание, не отгородившись от остального мира, сохранить свою самобытность» [Васильева, Лагутина 2011: 101]. Данная проблема имеет два диаметрально противоположных решения. С одной стороны, возможен поиск принадлежности через этнос, религию (национальность мы даже не рассматриваем как понятие, изжившее себя и неадекватное современным реалиям), а с другой – усиление гражданской, государственной идентичности. Весьма интересным представляется мнение Н. Саркози, согласно которому через внешнюю политику выражается идентичность нации, внешняя политика может эволюционировать и менять свои формы в новых условиях, но непременным условием для нее остается отражение интересов нации [Ягья и др. 2009: 133].

Что же представляют собой современные международные отношения? Снижает ли роль национальных государств появление и все более усиливающееся влияние различных негосударственных, надгосударственных организаций и транснациональных корпораций? Глобализация – всего лишь временный феномен

эпохи трансформации мирового политического процесса или же сущностное содержание будущей картины мира?

В рамках данного дискурса высказывались различные точки зрения: о том, что современность представляет собой «промежуточный этап более или менее продолжительной диверсификации этносов, пытающихся достичь идентичности через обособление» (А. С. Панарин); о том, что в условиях глобализации национальные интересы начинают уступать интересам мирового гражданского общества, важными составляющими которых являются права человека, проблемы мира и международной безопасности [Васильева, Лагутина 2011: 94]. Сложно не согласиться с тем, что «важнейшей сферой геополитического противоборства в XXI столетии становится культурно-цивилизационная среда и духовная сфера» [Ивашов 2012: 31]. Исследователи пишут о снижении значимости территории – одного из основополагающих признаков национального государства. Многие также считают, что в решении глобальных проблем современности государства оказались не на высоте, продемонстрировав свою слабость и беспомощность. Широкий философский взгляд на оценку происходящего присутствует у Г. Гачева. Согласно его позиции, национальная разметка так же преходяща, неизбежна, реальна и эфемерна, как все до нее. «Глупо спорить и смешно бороться с тем, что сейчас именно “нация” – мета всего того конкретного, что противостоит реющему в виртуальных высях глобализму. Борьба происходит на другом уровне – на уровне трактовки самой “нации”» [Гачев].

Известно, что существуют как минимум два подхода к пониманию нации. Согласно одному из них, нация – этническая общность с единым языком и самосознанием. Согласно другому подходу, нация – политическая общность граждан определенного государства. Хочется обратить внимание также и на то, что в терминологии международного права нация является синонимом государства. Именно в этом более широком понимании значения данного термина кроется решение поставленных перед мировым сообществом задач, связанных с уменьшением различного рода национальных конфликтов.

Л. Г. Ивашов делает вывод, что «человечество находится в состоянии мировой войны нового типа, сочетающего в себе обновленные элементы как “холодной”, так и войны с применением вооруженных и специальных сил». Цель таких геополитических операций, по мнению исследователя, – овладение государствами и пространством. В принципе цель классическая, ничего нового, но вот средства гораздо более разнообразны. «На направлении главного удара действуют информационно-психологические, финансовые, политические “войска”, экономические санкции, карательные отряды и трибуналы. Международное право и Устав ООН также превратились в оружие войны» [Ивашов 2012: 31]. Слишком пессимистичная оценка происходящего или отражение суровой реальности, которую мы не хотим замечать? Существует ли вообще закономерная и предсказуемая логика развития международных отношений? Сколько сценариев и поворотов можно предвидеть и описать? Может ли геополитический вызов получить адекватную реакцию?

Существует мнение о том, что геополитический статус цивилизаций и групп государств, динамика их развития, степень внешней и внутренней безопасности, уровень суверенности будут определять «ключевые (стратегически важные) районы мира, стратегические коммуникации, глобальные ресурсы» [Там же: 32].

Несмотря на сложность и неоднозначность оценок, современные международные отношения потенциально многовариантны в своей дальнейшей эволюции, которая основана прежде всего на необходимости реализации национальных интересов (что, собственно, и является логической основой для развития международных отношений) и на влиянии или необходимости учета общих тенденций формирующегося мироустройства. Глобализация, являющаяся одной из подобных тенденций, при этом самой очевидной и узнаваемой, имеет свои внутренние побудительные факторы развития. Глобализация трансформирует содержание национальных интересов государств, лежащих в основе международных отношений, расширяет возможности объединения государств в целях развития, обеспечения безопасности и стабильности. Но создает ли глобализация новую мировую политику? Здесь явственно просматриваются две противоположные позиции. Одна из них заключается в том, что государство, его суверенитет и национальные интересы остаются абсолютными непререкаемыми величинами в развитии международных отношений; сторонники другой утверждают, что эпоха государств завершается и на авансцену политической истории выходят различного рода объединения и транснациональные корпорации, бюджет которых нередко превышает бюджет отдельно взятого национального государства.

Приходится констатировать, что прежняя ориентация государств постепенно размывается: ни один национальный интерес не может быть полностью реализован в условиях или рамках односторонней зависимости.

Глобализация, меняющая экономическую, социальную, культурную и информационную среду обитания человека, ведет, с одной стороны, к возрастанию взаимозависимости между странами в реализации их национальных интересов практически во всех измерениях, а с другой – в силу своего многослойного характера к неравномерному развитию мирового сообщества.

Невозможно обойти стороной теорию самоорганизации. Представляется интересным рассмотреть субъекты международных отношений с точки зрения системного подхода. Традиционный подход к управлению сложными системами основывался на представлении о действующей схеме: управляющее воздействие – желаемый результат. Основоположники синергетики отмечают, что на практике многие усилия оказываются тщетными, а иные даже приносят вред, если они противостоят собственным тенденциям саморазвития сложноорганизованных систем. Синергетика со всей очевидностью демонстрирует, что сложноорганизованным системам нельзя просто навязывать пути их развития, скорее необходимо понять, как способствовать их собственным тенденциям развития.

Если принимать за систему целостную совокупность элементов, которые настолько тесно связаны между собой, что данная система выступает по отношению к другим системам и окружающей среде как нечто единое, то вполне очевидно, что государства можно отнести к социально-экономическим системам. Соответственно, они являются «сложными развивающимися системами, и в жизненном цикле этих систем проявляются закономерности, свойственные многомерным системам» [Игнатьев 2012: 242]. Одной из значимых закономерностей является «феномен наличия адаптационного максимума». То есть при наложении ограничений на сложные развивающиеся системы (те, у которых количество переменных больше 6) адаптационные возможности сначала увеличиваются, достигают максимума, а потом начинают убывать, и при продолжении наложения

ограничений система становится жесткой и погибает в потоке перемен окружающей среды. Поэтому сложные развивающиеся системы должны управляться в рамках адапционного максимума, иначе они обречены.

Синергетика свидетельствует также о том, что для сложных систем, как правило, существует несколько альтернативных путей развития. Отсутствие жесткой предопределенности укрепляет надежду на возможность выбора наиболее приемлемого и верного пути. Любопытно, что настоящее состояние системы определяется не только ее прошлым, но и формируется из будущего в соответствии с грядущим порядком, основы которого закладываются сегодня. Синергетика позволяет утверждать, что природа политических кризисов многогранна, а политика как многоуровневая система весьма восприимчива к резонансным явлениям. Согласно утверждениям И. Пригожина, «понимание общих принципов организации эволюционного целого имеет большое значение для выработки правильных подходов к построению сложных социальных, геополитических целостностей, к объединению стран, находящихся на разных уровнях развития, в мировое сообщество» [Пригожин 1989: 18].

Нелинейное развитие самоорганизующихся сложных систем может привести к различным вариантам будущей картины мира, осознание этого вызывает серьезные опасения и отчаянные попытки отвоевать себе место в структуре, не обладая даже информацией о том, каким он будет, этот новый миропорядок. Парадоксально, но в пессимистичности этого вывода коренятся наши надежды на то, что общие цели, пусть даже такие прагматичные, как достижение безопасности, приведут к пониманию необходимости диалога.

Человечество, привнося в жизнь множество революционных изменений, при этом весьма сложно к ним приспосабливается. Революция в международных отношениях столь же пагубна, как и в других социальных сферах. Не поддающееся подсчету количество возможных воздействий (с разных позиций) человеческой цивилизации на социальные процессы и явления, в том числе на международные отношения, вызывает обеспокоенность и тревожность. В противовес революционным сдвигам эволюция как естественный процесс включает в себя возможности сохранения адапционного потенциала. Ведь эволюция – процесс, совершающийся сам по себе, как результат взаимодействия множества факторов, которые также подвержены изменениям. В целом эволюция и есть процесс непрерывного возникновения адаптации в целях обеспечения выживания.

По весьма точному наблюдению А. Н. Чумакова, современный глобальный кризис может завершиться «только радикальной трансформацией международных отношений, и даже не перестройкой (перестраивать, собственно, еще нечего), а созданием принципиально новых структур управления глобальным сообществом». При этом, по мнению исследователя, «принципиально то, что сама собой сложившаяся ситуация не разрешится, и если у человечества не достанет воли и разума найти согласованные решения, то, будучи саморегулирующейся системой, жизнь (биосфера) сама все поставит на свои места» [Чумаков 2008: 88–94].

Возможно, человечество допускает огромную ошибку пытаясь выдумать законы геополитики, эволюции международных отношений, вместо того чтобы открывать их для себя, подобно законам физики. В свое время А. Эйнштейн говорил, что политика гораздо сложнее физики. Действительно, законы физики дока-

зумы опытным путем, в то время как никакой политической опыт не дает четких доказательств ввиду многомерности процесса и присутствия человеческого фактора (будь то роль лидеров или иррациональное влияние масс). Пытаясь воздействовать на логику и закономерности развития мирового порядка, человечество губит себя, равно как в попытках воздействовать на природу и окружающий мир. В политике в большей степени, нежели в других сферах, люди становятся заложниками собственных заблуждений, навязываемых средой, конъюнктурой, эпохой. Стоит вспомнить о том, что тезисы о величии и значимости человека привели к последствиям, совершенно противоположным тем, которые ожидали теоретики Просвещения. Логика кризиса, потерянности и разрушения – вот очерченный контур человеческого бытия в современной реальности. Ни гуманизация и демократизация внешней политики и международных отношений, ни идея всеобщего благоденствия и мира не стали духовной основой человеческой цивилизации в контексте эпохи «пост». Сенека сказал, что когда не знаешь, куда идти, ни один ветер не будет попутным, но если знания о пути ошибочны и иллюзорны?

Впрочем, мир таков, каков он есть, а наши представления о нем, какими бы разными они ни были, – всего лишь частные попытки осмысления его бесконечного многообразия.

Литература

Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Философские вопросы науки о мировой политике. Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2011.

Гачев Г. Глобальное и национальное: чья возьмет? [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/9/konf-pr.html> (дата обращения: 15.08.2014).

Ивашов Л. Г. Глобальный мир стремится к биполярности // Геополитика и безопасность. 2012. № 1(17). С. 28–33.

Игнатъев М. Б. Об ответственности ученых в современном мире // Проблемы формирования и развития блокового противостояния на Севере Европы и в Балтийском регионе после Второй мировой войны 1939–1945 гг.: мат-лы круглого стола ЗВО, Ин-т воен. истории ВАГШ ВС РФ. СПб. : Политика-сервис, 2012. С. 237–256.

Карр Э. Х. Двадцать лет кризиса: 1919–1939. Введение в изучение международных отношений // Теория международных отношений. М. : Гардарики, 2003. С. 53–68.

Най-мл. Д. С., Кохэн Р. О. Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений: хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М. : Гардарики, 2003. С. 152–167.

Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3–19.

Уолтц К. Н. Человек, государство и война: теоретический анализ // Теория международных отношений: хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М. : Гардарики, 2003. С. 93–110.

Чумаков А. Н. Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций // Век глобализации. 2008. № 2. С. 88–94.

Ягья В. С., Чернов И. В., Блинова Н. В. Лингвистическое измерение мировой политики. СПб., 2009.

ПЛАНЕТАРНАЯ «ЗРЕЛОСТЬ» И НАШ ГЛОБАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР

Мартин Г. Т.*

В статье утверждается, что нам необходим глобальный общественный договор, который существовал бы в соответствии с Конституцией для Федерации Земли, чтобы укрепить и актуализировать нашу планетарную согласованность и взаимосвязь таким образом, что она будет защищать и уважать наше разнообразие, нашу свободу и наше будущее. Отмечается также, что на протяжении более ста лет открытия всех основных наук показали тесную взаимосвязь и холизм нашей Вселенной. Все виды, что существуют в природе, глубоко взаимосвязаны и интегрированы в окружающую среду, кроме человека. При этом подчеркивается, что антропогенные разрушения окружающей среды, бедность и войны, которые опустошают нашу планету, требуют изменения парадигмы человеческих отношений в глобальном смысле и перехода от фрагментации к целостной интеграции.

Ключевые слова: договор, глобальная экономическая система, глобальный общественный договор, демократия, бедность, окружающая среда, Конституция Земли, Федерация Земли.

This article will argue that we need a global social contract under the Constitution for the Federation of Earth to solidify and actualize our planetary coherence and interconnections in such a way that it will both protect and respect our diversity, our freedom, and our future. For more than a century, the central on-going discovery of all the major sciences has been the deep coherence and holism of our universe. Everything that exists is coherent and deeply integrated into its species and its environment, except for human beings. However, the immense problems of environmental destruction, poverty, and war that are devastating our planet cry out for a paradigm shift from fragmentation to holistic integration. That paradigm shift would embody a global social contract through which human beings begin cooperating to build a decent future for our planet and all its creatures.

Keywords: agreement, global economic system, global social contract, democracy, poverty, environment, the Constitution of the Earth, Federation the Earth.

В самом начале XXI в. наша планета, кажется, скатывается в глобальную войну и планетарный хаос. Так называемая «война с терроризмом», раздробленность некоторых 193 предположительно суверенных национальных государств, эгоизм и жадность крошечного правящего класса, контролирующего 50 % мирового богатства и большую часть его военной силы, распространение оружия, войн и насилия по всему земному шару – все эти явления создают впечатление разделенного, разобщенного мира, что не дает возможности говорить о жизнеспособ-

* Мартин Глен Т. – профессор факультета философии и религиоведения Рэдфордского университета, Вирджиния (США). E-mail: gmartin@radford.edu.

ном, последовательном и мирном будущем. В таких книгах, как «Globalistan: How the Globalized World Is Dissolving Into Liquid War» П. Эскобара, наиболее явно усиливается осознание этой проблемы.

Однако эти поверхностные явления могут заставить нас игнорировать тесные связи и объединения, которые продолжают появляться по всему миру, указывая на новый уровень планетарной «зрелости». Повсюду человек начинает осознавать и понимать свое собственное право быть непохожим на других внешне, иметь непохожую культуру, традиции, религию и даже сам стиль жизни. Повсюду люди все более осведомлены о происходящих в других частях мира трагедиях, конфликтах, борьбе людей за выживание и достойный образ жизни. Повсюду язык прав человека и демократии используется очевидно недемократическими правителями национальных государств. В статье утверждается, что нам необходим глобальный общественный договор, который существовал бы в соответствии с Конституцией Федерации Земли, укреплял и актуализировал бы нашу планетарную согласованность и взаимосвязь, таким образом защищая и уважая наше разнообразие, нашу свободу и наше будущее [Мартин 2015: 90–107].

Более ста лет открытия всех основных наук доказывали тесную взаимосвязь и холизм нашей Вселенной. Все виды, что существуют в природе, глубоко взаимосвязаны и интегрированы в окружающую среду, кроме, разумеется, человека. Но огромные проблемы разрушения окружающей среды, бедность и войны, которые опустошают нашу планету, призывают к незамедлительному изменению парадигмы человеческих отношений в глобальном смысле, переходу от фрагментации к целостной интеграции. Этот сдвиг парадигмы будет претворять в жизнь глобальный общественный договор, через который люди начнут сотрудничать, чтобы построить достойное будущее для нашей планеты и всех ее созданий.

С тех пор как А. Эйнштейн открыл космическую интеграцию пространства-времени-материи-энергетического континуума, которую мы называем нашей Вселенной, наука подтверждала и расширяла это понимание взаимосвязи и взаимозависимости различных полей в структуре Вселенной и всего, что в ней имеется. Эта взаимосвязь всех вещей была, как известно, обнаружена также на микрокосмическом, квантовом уровне. Она существует на каждом (от субатомного до астрономического) уровне, охватывая всю Вселенную. Ученые в конце XX и начале XXI в. также обнаружили удивительную интеркогерентность в биологическом мире (вплоть от уровня генома) через клетки, органы, организмы, виды, региональные экосистемы в биосферу нашей планеты в целом. Подобная когерентность показала правдивость соединений человеческого сознания, восприятия, а также связей между человеческими телами. Эксперименты с так называемыми паранормальными связями показали, что молитва за больных людей, даже незнакомых, на самом деле имеет важное значение; такая невероятная связь встречается также между идентичными близнецами, или влюбленными людьми, или даже между незнакомцами, медитирующими вместе. Когерентность и невербальная коммуникация, которые практиковались у традиционных племен и коренных народов, продолжают существовать в современном обществе, хотя и подавляются такими факторами, как раздробленность мира и др.

Кроме того, антропологи (например, Дональд Э. Браун) исследовали впечатляющее количество «человеческих универсалий», которые проявляют все люди. Лингвисты (такие как Ноам Хомский и Стивен Пинкер) доказали универсальную

способность к познанию другого языка у всех нормальных людей. В то же самое время философы языка, такие как Юрген Хабермас, доказали универсальность потенциала для «диалога, направленного к взаимопониманию», характеризующего всех говорящих существ.

Аналогично в области великих мировых религий ученый Джон Хик, изучая Священные Писания, обнаружил удивительную когерентность базового этического видения. Именно видения, которое подчеркивает различные модификации «золотого Правила», а также стимулирует «*agape/Karuna*» (любовь и сострадание) всеми мировыми религиями: иудаизмом, христианством, исламом, индуизмом, буддизмом, даосизмом и конфуцианством. Хик, опираясь на работу К. Ясперса и других, также описал процесс возникновения общих и универсальных структур человеческого сознания одновременно во всем мире во время знаменитого «аксиального периода» человеческой истории, приблизительно от VIII до II в. до н. э. Подобным же образом в начале XXI в. заканчивается время позитивизма, и мыслители начинают понимать, что ценность этики субъективна и условна. Влиятельные и известные ученые, такие как Ю. Хабермас, Дж. Ролс и Дж. Финнис, полагают, что универсальные этические принципы воспринимаются обычно добровольно всеми этически зрелыми людьми. Люди живут в универсальном «поле» оценки. Мы все – оценивающие существа, каждый день в нашей жизни мы делим вещи на хорошие и плохие, на приносящие пользу и вред, на красивые и безобразные. Каждый человек является «поллюсом» или «узлом» в данном процессе, вместе с тем каждый из нас – «волна» или колебание в ценностном поле, которое и есть человечество.

Эта сфера этической науки дополняется психологическими/когнитивными исследованиями процессов человеческого развития на более высоких нравственных и когнитивных уровнях. Существует взаимное согласие среди тех, кто изучает это, от А. Маслоу к К. Колбергу, К. Гиллигану, Ю. Хабермасу и К. Уилберу. Такая же аналогичная когерентность паттерна найдена на «этапе веры» и изучена Джеймсом Фаулером. Для Гиллигана, например, процесс роста нравственности происходит от эгоцентрического уровня до уровня этноцентричного, к всемирно-ориентированному «уровню наивысшей интегрированности». Нижние эгоцентричные и этноцентристские уровни, характеризующиеся сосредоточенностью на себе и культурной необъективностью, заменяются уровнями всеобщности, согласованности, сострадания и интеграции со всеми людьми во всем мире, когда человек становится более зрелым.

Как считали Дж. Хик и К. Ясперс, развитие зрелости отдельных лиц идет параллельно с развитием зрелости человеческого сознания и человеческого рода в целом. Подобное понимание этого многогранного развития было выдвинуто в нескольких книгах «всеобъемлющего» ученого – Кена Уилбера. Уилбер разделяет эти достижения в области нашего понимания целостного развития на четыре сектора: «Я», «Это», «Мы» и «Этот», квадрант интегральной теории. Квадрант «Это» предполагает научное развитие когерентности и холизма всего в физической Вселенной, от микро- до макроуровней.

Квадрант «Я» представляет собой модель роста индивидуального сознания, например от эгоцентрической модели себя к мифической личности преуспевающего себя, к чувствительной, целостной, и, наконец, «всеобъемлющей» модели себя. Аналогичная картина имеет место в квадранте «Мы», где люди культурно,

коллективно продвигаются через стадии так называемых богов власти, мифического порядка, научно-рационального, плюралистического, целостного и «всеобъемлющего». Уилбер указывает удивительное сближение между наукой, личностным ростом и развитием нашего человеческого вида сознания.

Четвертый квадрант, «Этот» (или система), в значительной мере параллелен первым трем, но, кажется, существует серьезная нехватка в определении того, что необходимо на данном этапе истории и развития человечества. Его этапы в этом секторе включают в себя ранние нации, государства, корпоративные ценности общины, целостное достояние и «интегральные ячеистые сети». «Интегральное видение» Уилбера, однако, испытывает недостаток в понимании насущной необходимости глобального общественного договора. Он в действительности видит, что человек организовал «системы», которые будут продолжать развиваться во веки веков кооперативными и согласованными путями, но он не видит абсолютно жизненно важной функции демократического мирового права в этот момент в истории.

В моей книге *Millennium Dawn: The Philosophy of Planetary Crisis and Human Liberation* (2005) я предложил теорию «планетарной зрелости», которая охватывает это движение к интегральной и последовательной планетарной цивилизации на Земле. Я утверждаю, что «планетарная зрелость» включает в себя три компонента, каждый из которых является необходимым, ни один из них недостаточен в одиночку: рационально строить цивилизацию на основе критической социальной теории, которая дополняется развитием сострадания, и они вместе в результате составляют преобразующую «активного отказа от насилия». Упомянутые выше мыслители, по существу, согласны со мной в том, что духовное/этическое развитие человека включает в себя все большее сострадание к другим лицам и в конечном счете, как говорили буддисты, ко «всем живым существам». Кэрол Гиллиган, например, отмечает, что на самом высоком уровне «заботливая» ориентация, которая преобладает в развитии женщин, интегрирована с логико-универсальностью ориентации, которая преобладает в развитии мужчин. Следовательно, забота или сострадание имеет основополагающее значение наряду с рациональной универсальностью.

В одиночку сострадать недостаточно, потому что мы в равной степени нуждаемся в развитии нашей критической рациональности в виде того, что в книге *Millennium Dawn* называется «критической социальной теорией». Мы должны иметь возможность анализировать господствующие институты, которые доминируют в нашем мире до точки, где мы различаем их устаревший, насильственный, регрессивный и фрагментарный характер. Критическая социальная теория в “*Millennium Dawn*” артикулирует его, означает не только воздействие на фрагментацию и эксплуататорский характер глобальной экономической системы, но и распознавание фрагментации и по своей природе опасного характера системы суверенных национальных государств. Именно на этом этапе Уилбер и многие другие, по-видимому, прогрессивные и дальновидные мыслители терпят неудачу. В самом деле, в любой точке мира, где я вел диалог с так называемыми «прогрессивными» мыслителями, я часто сталкивался с этой же слепотой. Прогрессисты нередко проникательны при критическом анализе глобальной экономической системы, зачастую находящейся в катастрофическом состоянии, но они обычно настаивают на том, что имперские и неоколониальные страны должны «уважать

суверенитет» более слабых развивающихся стран. Им не хватает критического понимания не только врожденной недостаточности системы суверенных государств, но и эксплуататорского и экологически деструктивного характера глобальной экономической системы. Им не хватает полного спектра критической социальной теории.

Быть может, все интеллектуально и морально зрелые люди признают нашу общую человеческую природу и принимают «мироцентристскую» точку зрения. Тем не менее существует пропасть между интеллектуальным опознаванием своего человеческого единства-в-разнообразии и освобождения себя от разрозненных систем, укоренившихся в нашем сознании с самого рождения. Система суверенного национального государства (обычно понимается как в первую очередь актуализированная Вестфальским договором в 1648 г.) институционально нарушает взаимозависимые поля нашего человечества – наше удивительное единство-в-разнообразии оценки, духовности, когнитивного развития, цивилизационной культуры и коммуникативный потенциал.

Книга *Millennium Dawn* раскрывает не только неотделимость критической социальной теории с развивающейся теорией вселенского сострадания, но и показывает, как синтез этих двух сторон нашего человеческого потенциала актуализируется в преобразующую теорию «активного отказа от насилия». Это также более полно эксплицирует критическую социальную теорию. Как и многие мыслители, в «мире федералистов» традиционно поняли (пройдя весь обратный путь от руководства Международной женской лиги за мир и свободу во время Первой мировой войны до философских корней в трактате И. Канта «К вечному миру» [1795 г.]), что глобальный капитализм не только проблематичен блокированием человеческого продвижения к гармоническому развитию мировой цивилизации.

Существует также устаревшая система суверенных национальных государств, капитализм и данные государства срослись, как сиамские близнецы, там царит глобальный беспорядок, который по своей природе является военной системой, системой эксплуатации, национального эгоизма, а также планетарной раздробленности. Система корпоративного господства капитализма использует мощные национальные государства и их военную мощь, чтобы защитить и расширить свой контроль над рынками, правительствами, ресурсами, землями и рынком труда по всей планете. Большинство признают это на каком-то уровне, но лишь немногие «рисуют» четкие, логические выводы.

Мои последующие книги, такие как *Ascent to Freedom: Practical and Philosophical Foundations of Democratic World Law* (2008), *Triumph of Civilization: Democracy, Nonviolence, Piloting of Spaceship Earth* (2010), раскрывают холизм, выходящий из всех наук и указывающий на «планетарную зрелость». Эти книги представляют собой анализ, показывающий, как планетарная экономическая и национально-государственная система может и должна быть преобразована в глобальный общественный договор, охватывающий права, достоинство и свободу всех граждан Земли под демократическим правлением Всемирного парламента, основанном на принципе «единства-в-разнообразии». Нет никакого другого реального способа создать благотворную мировую систему, которая охватывала бы согласованность и интеграцию человеческого развития, защиту планетарной окружающей среды, установление устойчивых экономических принципов для

Земли, а также окончание войн и разоружение наций до тех пор, пока их разнообразие не будет принято и понято, а не раздроблено бесконечными конфликтами.

Критики этой идеи глобального демократического правительства часто проецируют свой нынешний опыт граждан угнетающего, военизированного для национальной безопасности государства на масштаб планеты и утверждают, что они опасаются глобальной тирании [Global Studies... 2014: 245–247]. Но зрелость, на которой базируется Конституция для Федерации Земли, является всемирно-ориентированной, сострадательной, универсалистской и преобразующей. Нельзя иметь репрессивное военизированное государство, обеспечивающее национальную безопасность, без врагов, и Конституция Земли основательно покончила с концепцией национальных «союзников» или «врагов», которая функционирует как темная сторона концепции суверенного государства, не признающего никакого эффективного закона над собой. Суверенные государства почти по определению являются государствами, находящимися в экономической и военной конкуренции с другими странами за власть, ресурсы и рынки. Глобальная тирания может наступить, когда одно государство доминирует над всеми остальными, размещая оружие в космосе, военизированные беспилотные летательные аппараты на каждом континенте, достигая «полного спектра доминирования» над всем воздушным пространством, сушей и водой. Однако именно структурное изменение Федерации Земли предназначено для предотвращения такой тирании и делает ее невозможной, одновременно расширяя права и возможности складывающейся комплексной парадигмы.

Конституция Земли устраняет эту войну – подобную модель и соперничество (так называемый «политический реализм», с помощью которого большинство национальных государств продолжают действовать сегодня) – и инициирует модель «единство в своем многообразии» планетарной зрелости [Global Studies 2003: 551–555]. Так как степень, в которой находится состояние институтов человеческого сознания, сегодня общеизвестна, должно быть понятно, что модель «единство в своем многообразии» зрелого планетарного правительства будет быстро преобразовывать мышление человека как участника общего будущего, имеющего дело с глобальными вопросами, такими как продовольственная безопасность, образование, обеспечение экологической устойчивости и окончание войны. Поскольку сегодняшние государства жестко контролируют национальную безопасность, это может дезориентировать незрелых людей, так что глобальный общественный договор будет четко ориентирован на избрание более зрелых индивидуумов в качестве лидеров и должностных лиц.

Исследование Конституции Земли показывает множество способов реализации этого «единства-в-своем-разнообразии» не только в письменном виде в его преамбуле, но и в разработке самих основ власти Федерации Земли, наброске нескольких десятков путей на каждом континенте, в каждой стране, для каждой расы и каждой религии в обрамлении глобальных законов, защиты прав человека, прекращения войны (и разоружения народов), охраны окружающей среды (и перехода к устойчивой экономике), ликвидации бедности и болезней во всем мире. Этот принцип преобразует автономные, суверенные национальные государства в федеративные единицы, регулирующие себя на региональном уровне в рамках демократической конституционной основы для всех, и конвертирует эксплуататорский корпоративный капитализм на пользу глобальной экономике, способ-

ствующей стабильности в рамках разумной экономической свободы и равенства для всех.

Понятие «глобальный общественный договор» символизирует интеграцию и развитие, зрелость человеческого сознания. Люди согласны работать вместе, в конкретной и практической глобальной демократии, чтобы решить общие проблемы и перейти от войны и дефицита миро-системы к миру и процветанию в ней. То есть этот «договор» – взаимное сотрудничество, «единство разнообразия» и верховенство демократически узаконенной надлежащей правовой процедуры для каждого человека на Земле. Понятие «общественный договор» используется таким же образом, например, современным политологом Бенджамином Барбером. По существу, оно имеет положительные коннотации, связанные с развитием нашего человеческого проекта пути к всемирно-ориентированным, когерентным и сострадательным взаимоотношениям. «Глобальный общественный договор» меняет парадигму, через которую мы понимаем нашу Землю, и страхует человечество от войн, насилия, конфликтов, тирании, создает условия для перехода к миру, ненасилию, кооперации и модели свободного развития.

Ратификация Конституции Земли и образование Федерации Земли не требует своего выполнения только продвинутыми, «включенными» мыслителями, не исключен и «мироцентризм» индивидов. Почти каждый человек может понять преимущества прекращения войны, защиты окружающей среды и ликвидации крайней нищеты. Тем не менее, когда это будет достигнуто, его «включенность» и когерентная структура позволят немедленно начать движение людей Земли к требуемому сдвигу парадигмы (уже заложенной в Конституции) – от раздробленности к «единству разнообразия».

Даже мировая полиция, в соответствии с Конституцией, проходит подготовку в разрешении конфликтов, защиты всеобщих прав человека, а также ненасильственных методов задержания. Понятие «глобальный общественный договор» не подразумевает здесь содержания конкретной традиционной теории социального контракта Джона Локка или любого из других теоретиков общественного договора XVIII в. Они популяризировали данное выражение, но XXI в. присваивает ему совсем другое значение. Оно больше не содержит идею автономных лиц, которые утверждают свои априорные права в отношении против правительства и которые формируют правительство в первую очередь для защиты их личной «жизни, свободы и собственности». Модель демократии, разработанная Локком (которая, по существу, лежит в основе Декларации независимости США и Конституции), не является образцом демократии в понимании лиц планетарной зрелости, которые развили свою способность к пронизательной и зрелой критической социальной теории, состраданию и активному ненасилию.

Локковская модель делит планету на совокупность суверенных государств, которые, по сути, не признают ни одного закона над собой. В XVII, XVIII и начале XIX в. не только Дж. Локк, но и Спиноза, Т. Гоббс, И. Кант и Г. В. Ф. Гегель признают, что система суверенных государств была по своей сути «войной-системой», так как не было общественного договора среди самих стран, а система означает, что страны не признавали никаких эффективных законов над собой – в результате имеется то, что Гоббс называет «войной всех против всех» на межгосударственном уровне.

В нынешней системе неолокковская и неогоббсианская теории национальных государств продолжают угрожать самой человеческой цивилизации возможностью ядерной войны, также вероятен охват мира вечной насильственной войной по борьбе с терроризмом и многочисленными локальными войнами, в то время как, одновременно игнорируя постоянно расширяющуюся глобальную бедность и быстро увеличивающийся коллапс климата, мы спрашиваем: какие практические варианты доступны для человечества, если мы хотим создать жизнеспособное и достойное будущее для двух миллиардов детей в мире? Единственным по-настоящему практичным и разумным ответом является ратификация Конституции Федерации Земли.

Конституция была написана в рамках четырех составляющих ассамблей между 1968 г. в Интерлакене (Швейцария) и 1991 г. в Трое (Португалия), в каждой из которых приняли участие в крупном международном избирательном округе граждан мира международные юристы и эксперты-мыслители. Это документ, который воплощает в себе несколько десятков способов реализации, критическое общественное понимание наших недостатков, гоббсовской миро-системы, глубокое осознание равенства, свободы и достоинства всех людей, понимание того, как установить ненасильственную миро-систему, свободную от структурных и военных форм насилия, мир, основанный, как выразился Махатма Ганди, «на истине, а не лжи».

Лучший способ – приступить к созданию глобального общественного договора, это следует из планетарной теории и способствует зрелости работы над ратификацией Конституции Земли в соответствии с критериями, указанными в статье 17. Это является единственным реальным, жизнеспособным вариантом для человечества, так как все другие инициативы, например экологическая деятельность, работа в области прав человека, разоружения и т. д., являются лишь частичными и будут в конечном счете требовать глобальной защиты, демократически закрепленной в законе мирового права. Не только эта, но и все частные инициативы имеют тенденцию оставлять глобальную экономическую систему и суверенность национального государства на месте, в результате чего они участвуют в положительной работе, но в итоге потерпят поражение от самой системы. Наш глобальный общественный договор приведет к «сердцу» наших многогранных и взаимосвязанных проблем. Это даст возможность развивать человеческие отношения по принципу «единство в разнообразии» и в рамках демократии на основе закона.

С Конституцией Земли можно ознакомиться на многих сайтах в Интернете, и она доступна в печатном виде [A Constitution... 2010]. Конституция была переведена на 23 языка и является самым известным и наиболее широко принимаемым видом различных «конституций», которые были предложены для Земли. Речь идет не о какой-то расплывчатой, идеалистической «Хартии Земли» или неосуществимых «Целях развития тысячелетия». Речь идет о реальной конституции, которая предусматривает процедуры и протоколы для справедливого мира законов, нормативно-правовых актов для всех индивидов. Конституция не отменяет ООН, но объединяет многие его ценные агентства в демократических рамках, которые обеспечивают правительству и Федерации Земли реальную власть, чтобы положить конец войне, защищать права человека, глобальную окружающую среду. Если мы действительно хотим получить «интегральную теорию всего», как предлагает К. Уилбер, нам нужно добавить около вершины квадранта его четвертый

компонент – «системность» Конституции для Федерации Земли. Это может быть не самая оптимальная система, которой люди достигнут в своем развитии в направлении все более высокого уровня сознания и организации, но это именно глобальный общественный договор, который необходим в XXI в.

Это век, который определит, выживем ли мы и разовьем ли дальше невообразимо обширный человеческий потенциал. Этого не произойдет, если мы не установим реальную парадигму перехода от разрозненных систем, которые в настоящее время угрожают нашему будущему на этой планете, и не создадим целостную мир-систему, устойчивую и справедливую, что даст возможность трансформировать будущее. Основной документ для этого жизненно важного перехода цивилизации от раздробленности к единству в своем разнообразии в наших руках, – только тридцать страниц, готовых к выходу. Мы должны действовать ради нашей развивающейся планетарной зрелости, ради наших детей и будущего, а также создания глобального общественного договора путем ратификации Конституции для Федерации Земли.

*Перевод студентки ФГП МГУ имени М. В. Ломоносова
А. Айвазовой*

Литература

Мартин Г. Т. Глобализация и Конституция Земли: ключевые стадии в борьбе за человеческое освобождение // Век глобализации. 2015. № 2(16). С. 90–107.

A Constitution for the Federation of Earth: with Historical Introduction, Commentary, and Conclusion / Ed. by G. T. Martin. Appomattox, VA : Institute for Economic Democracy Press, 2010.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B.V., 2014. XI. 3. Pp. 245–247.

Global Studies Encyclopedia / Ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov, W. C. Gay; TsNPP “Dialog”. Moscow : Raduga Publishers, 2003. Pp. 551–555.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ПРАВСТВЕННОСТЬ И МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ В БИЗНЕСЕ И ПОЛИТИКЕ

Яскевич Я. С.*

В статье выявляется специфика рационализма в коммуникативных практиках, политике, экономике. Обосновывается тезис о необходимости ценностного поворота в принятии управленческих решений в бизнесе, коммуникации и политической деятельности.

Ключевые слова: коммуникативная рациональность, принятие решений, политика, рациональность, синергетическая картина мира, управление, ценностный подход, экономика.

The article reveals the peculiar features of rationalism within communicative practices, policy, and economy. The author justifies the idea about the necessity of a value-based turn in making the management decisions in business, communication and political activities.

Keywords: communicative rationality, decision-making, policy, rationality, synergetic picture of the world, management, valuable approach, economy.

Нужно всегда искать разумные доводы и излагать их отчетливо со всей возможной точностью.

Г. Лейбниц

В бизнесе вы получаете не то, что заслуживаете, а только то, о чем вам удалось договориться.

Ч. Каррас

Обращение к рациональному осмыслению происходящих событий перед лицом глобального кризиса и рискогенности существования, необходимости синтеза полученных знаний актуализирует фундаментальную проблему рациональности. В современных научных исследованиях особое внимание уделяется *рациональности* как философско-мировоззренческой установке, согласно которой истинными основаниями бытия, познания и поведения людей являются принципы разума. Тема рациональности пронизывает разнообразные сферы человеческого бытия, специфицируясь в социально-философских, ценностно-антропологических, научно-познавательных, политико-правовых и экономических дискурсах [Степин 2012]. Наряду с этим выстраиваются гносеологические и методологические модели рациональности, опирающиеся на такие критерии познавательных целей и их достижения, как *эмпирическая адекватность*, *целерациональность*,

* Яскевич Ядвига Станиславовна – д. ф. н., профессор, директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета. E-mail: yaskevich@bseu.by.

эффективность и продуктивность интеллектуальной и практической коммуникации, общепринятость норм и правил поведения, ясность и согласие относительно понятий и суждений. Разрешение конфликта между различными типами рациональности, преодоление ранжирования их на «низшие» и «высшие» возможно, если исходить из принципа методологической дополнительности Н. Бора, позволяющего рассматривать оба подхода в ракурсе смысловой сопряженности и связи человеческих знаний в раскрытии закономерностей природы и общества, эффективности социальных действий и институтов, субъективности свободы и творчества [Порус 1999]. Рассмотрим специфику рационализма в политике, экономике, коммуникативных практиках, принятии рациональных и в то же время нравственных решений в контексте ценностных регулятивов.

Коммуникативная рациональность и жизненный мир человека

Рационализм в европейской традиции как жизнеспособный и полнокровный образ мысли придал характерную окраску не какому-то отдельно взятому, а всем без исключения социальным, экономическим, политическим направлениям, невзирая на их содержательные различия. Почти все ныне существующие бизнес-мены и политики заняли рационалистическую или приближающуюся к ней позицию, идя к этому образу мыслей собственным путем – или по убеждению, или в силу веры в то, что рационализм неотвратим, или вовсе принимая его без рассуждений. При этом общий характер и настрой рационалиста заключается в том, что он всегда утверждает независимость и необходимость разума в любых возможных обстоятельствах, утверждение свободы мысли, отказываясь преклоняться перед авторитетом и делая исключение только для авторитета разума. По своему образу мыслей рационалист является одновременно и скептиком, и оптимистом: скептиком – потому что во всем разнообразии мнений, обычаев, верований не находится ничего, что избежало бы его критики, ничего, способного уйти от суда разума; оптимистом он является потому, что никогда не сомневается в способности собственного разума определять истинную ценность вещей, справедливость мнений или ущербность действий [Оукшот 2002].

В рамках различных коммуникативных практик и конкретного социокультурного пространства работают соответствующие правила коммуникации. Коммуникация считается рациональной, если она подчинена определенным критериям, разумность которых признается и принимается субъектами коммуникации: если ее участники признают разумными конкретные приемы и процессы обмена смыслами, влекущими за собой определенные действия; если она позволяет достичь целей на основе общих ценностей – рационального принятия управленческих решений, взаимопонимания и консенсуса в переговорном процессе, в случае разрешения различного рода конфликтов и др.

Поиск критериев рациональности, которые бы «работали» на более широком коммуникативном пространстве и в меньшей степени подвергались критической рефлексии и сомнению, приводит нас к осмыслению концепции *формальной рациональности М. Вебера*. В качестве критерия рациональной коммуникации здесь выступает успешное действие, то есть действие, достигающее цели или способствующее ее достижению. Действия, не достигающие своей цели, определяются как нерациональные или иррациональные, то есть уводящие от цели действия.

В рамках *политической коммуникации* ее субъекты ориентируются прежде всего на ценность власти, учитывая методы усиления своей и возможности чужой власти, что и является здесь критерием рациональности и рационального политического решения. *Экономическая рациональность* не обходится без таких ценностных ориентиров, как экономическая выгода, прибыль, бизнес-успех и т. п.

Несмотря на специфику коммуникативного пространства (политическое, научное, экономическое пространство), существует общий предметно-смысловой континуум, «общий язык», общее правило, позволяющие осуществлять коммуникативный процесс, приспособливая свой опыт и свой язык к опыту другого, чтобы не произошла «блокировка» общей коммуникационной системы из-за нашего неумения/нежелания принять ее «правила игры» [Проблемы... 2016]. *Чтобы не прийти к «пределу доверия», надо быть предельно внимательным и рациональным.* Ведь даже в технических устройствах достаточно трех неверных попыток для блокирования системы. Наши ошибки в политической, экономической, межличностной коммуникации имеют порой негативные последствия, когда из-за оброненного или написанного слова, сообщения, неверных фраз, игнорирования социокультурного и ментального контекста трудно наладить деловые и иные коммуникационные отношения. Именно поэтому Ю. Хабермас в «теории коммуникативного действия» связывает понятие коммуникативной рациональности с жизненным, быстро меняющимся миром.

В современном демократическом обществе важно, чтобы *коммуникативная рациональность* или *рациональность общения* была ориентирована на *предпочтения ценностей компромисса, консенсуса, рационального дискурса* и тем самым способствовала взаимному согласованию деятельности социальных субъектов, наработке и вписыванию в общественное развитие наиболее прогрессивных локально-коммуникационных практик, что приводит к реализации принципа социальной справедливости.

Рациональность современного общества с необходимостью проявляет себя в умении согласовывать частные и общие интересы, в стремлении не доводить до крайности и конфронтации различные политические, экономические и духовные предпочтения, нейтрализовать их враждебные столкновения. Отсюда возможность рационализации конфликтов на пути согласования интересов, рационализация принятия политических и экономических решений, разработка специальных институтов и технологий по регулированию приемлемых для конфликтующих сторон вариантов консенсуса.

Специфика рациональности в экономике и политике

Развитие коммуникационных практик и технологий за последние несколько десятилетий качественно преобразило облик современного мира, расширяя различные источники информации, средства и каналы доставки знаний, радикально изменяя содержание процессов общения в сфере экономического и социально-политического дискурсов. *Политика и экономика изначально содержат в себе коммуникационное начало*, которое проявляется в конкретно-исторических формах взаимодействия различных субъектов экономики и политики – индивидов, субъектов хозяйствования и финансово-экономической деятельности, социальных групп и выражающих их интересы институтов по поводу установления, функционирования и изменения политической и экономической власти в обществе.

Рациональность в экономике означает такое поведение экономического агента (потребителя, производителя, правительства и т. д.), которое соответствует набору правил, относящихся к предпочтениям (preference). В теории потребительского спроса, например, предполагается, что потребители подчиняются *аксиомам рациональности* и другим аксиомам поведения, которые в совокупности образуют поддающуюся проверке теорию поведения потребителей. К таким аксиомам рациональности, используемым в теории потребительского спроса, относятся *аксиомы полноты, транзитивности и выбора*. *Аксиома полноты* утверждает, что потребитель имеет возможность «заказать» любые доступные комбинации товаров в соответствии со своими предпочтениями; *аксиома транзитивности* утверждает, что если некоторая комбинация (А) товаров предпочитается другой комбинации (В), а В, в свою очередь, предпочитается С, то (вследствие транзитивности) А предпочитается С. Транзитивность применима также и к ситуациям безразличия. Нарушение аксиомы транзитивности обычно истолковывают как проявление иррациональности. Согласно *аксиоме выбора (отбора)* потребитель стремится к своему наиболее предпочтительному состоянию. В противоположность классическому подходу в экономической науке, в котором предпочтение отдавалось расчетливому, рационально-прагматическому экономическому агенту с его установкой на получение собственной выгоды любой ценой, в современной экономике формируется постнеклассический тип рациональности, предполагающий соотносительность с ценностно-целевыми структурами общества.

Современная экономика социальных взаимодействий «переживает» *антропологический поворот*, выявляющий природные механизмы формирования альтруизма, чувства справедливости и т. п. Оказывается, экономическому измерению можно подвергнуть и такие антропологические и личностно-субъективные феномены человеческого бытия, как удовлетворенность жизнью или счастье. Эконометрические методы, несмотря на субъективность, вариативность и зависимость от изменчивых ожиданий показателей счастья, все же позволяют зафиксировать, что именно самоощущаемое удовлетворение от жизни или счастье является наиболее близким аналогом функции полезности, или целевой функции экономических агентов. «Экономика счастья» устанавливает зависимость между увеличением доходов и ощущением полноты счастья, падением инфляции и несчастьем от роста безработицы и т. п. Установлено, например, что уровень счастья действительно растет по мере роста ВВП, что несчастные люди работают хуже [Di Tella, MacCulloch 2006: 168].

Рациональный подход проявляет себя и в проблеме формирования справедливого общества, в частности *справедливого распределения*, основополагающие принципы которого нашли свое отражение в книге «Теория справедливости» Джона Ролза. Автор утверждает, что справедливое общество – это такое устройство общества, которое индивиды выбрали бы, если бы на них не оказывали влияния их чисто личные интересы. В таком «исходном положении», когда индивиды заведомо не знают того положения (определяемого полом, расой, способностями), которое они займут в социуме, они выберут такое общество, которое будет обладать следующими свойствами: каждый индивид получит равные права на максимальную личную свободу, совместимую со свободой других индивидов; все неравенство в социуме (а) может являться результатом свободной конкуренции и (б) может оправдываться лишь настолько, насколько оно приносит пользу всем

членам общества. Данное свойство, которое Дж. Ролз назвал «дифференциальным принципом», представляет наибольший интерес для экономистов. В соответствии с этим принципом неравенство допустимо только тогда, когда оно создает стимулы к труду и производству, когда оно гарантирует максимальное возможное благосостояние наименее обеспеченному члену общества. К тому же Ролз рассматривает понятия «богатство», «состоятельность» и «неравенство» не в терминах полезности, то есть прагматической рациональности, а в *гуманистических терминах первичных благ*, к которым, наряду с благосостоянием и доходом, относятся права, свободы, возможности и способности человека. Заметим, что если в классической экономике благосостояние рассматривалось как синоним удовлетворения или полезности, то в современных экономических концепциях *благосостояние является этическим понятием и удовлетворение потребностей индивида рассматривается как благо*. Экономическая теория благосостояния выступает в качестве науки о том, как экономическое устройство влияет на благосостояние членов общества. Экономическое благосостояние при этом выступает как часть человеческого благосостояния, являющаяся результатом потребления благ и услуг и выражающаяся не только в денежной, но и в ценностно-гуманистической форме. *Хотелось бы верить, что по мере того, как на смену обществу и экономике потребления будут приходить общество и экономика справедливости, критерии экономического благосостояния станут наполняться новыми, гуманистическими индикаторами, подобными «экономике счастья», блага, ценностей, гражданского долга, привилегий общественной морали и партнерства и альтруизма.*

Нравственно-аксиологические повороты открытой рациональности дают импульс к изменению облика современной экономики и политической коммуникации. Человечество пока еще сохраняет хрупкий баланс альтруистических и эгоистических интенций в межличностных и социальных коммуникациях. Альтруистическое начало в природе человека неистребимо. Оно служит основой реального существования таких высших ценностей, которые выражаются понятиями добра, красоты, истины, справедливости, свободы, творчества, духовного возвышения, что и создает основу для будущих преобразований массового сознания. Включаясь в широкий спектр массовой коммуникации, политическая коммуникация действует на формирование отношения к тем или иным политическим проблемам общества и в конечном итоге воздействует на функционирование экономической и политической системы, ее стабильность и устойчивость. Политическая коммуникация является неотъемлемой частью политики, представляет ее сущность, организует общение между людьми для решения социально значимых задач в политической сфере, оказывает значительное влияние на отдельные политические процессы, осуществляет взаимодействие субъектов политики, формирование политических предпочтений и ориентаций, является своеобразным индикатором социально-политических процессов.

Рациональная коммуникация в сфере политики и экономики предполагает использование элементов и диалогической, и авторитарной, и манипулятивной направленности. В последнем случае *политическая коммуникация реализует свое экспрессивное начало*, позволяющее воспринимать ее, интерпретировать и понимать. Здесь в отличие от других сфер коммуникации вряд ли уместно то или иное сообщение «прошептать», подать в мягкой, индифферентной форме. *Мотивиру-*

ющим и оптимизирующим средством политической коммуникации является ее ориентация на власть, подобно тому как в науке таким средством и целью выступает истина, в экономике и бизнесе – деньги, прибыль, обогащение, коммуникативное взаимодействие в процессе производства материальных благ. Вместе с тем при всей специфике рациональной коммуникации в зависимости от ее принадлежности к тем или иным глобальным формам социальности – к политике, экономике, бизнесу, науке и т. д., важно ее наполнение нравственным началом, либеральными ценностями, идеалами согласия, толерантности, взаимопонимания и взаимоуважения. Как только нарушается эта «мера добра», возникает возможность «перекодировки» системы коммуникативной рациональности, ее перехода в свою противоположность. К примеру, когда политические решения регулируются не кодом власти, а кодом денег, возникает коррупция, когда для субъекта власти код личных предпочтений более значим, чем объективные критерии и показатели развития общества, возникает политический волюнтаризм, ведущий к рискованным ситуациям и принятию неадекватных управленческих решений.

Важнейшим условием социальной жизни является вотум доверия в обществе, без чего невозможны бизнес, политика, искусство, личная жизнь, консолидация и обеспечение единства общества, его цивилизационное развитие. Именно доверие и гражданская идентичность обеспечивают стабильность и реализацию нравственного вектора социальной динамики. При этом доверие в широком смысле слова означает взаимное доверие личности к бизнесу, экономике, праву, государству, определяет механизмы формирования гражданской идентичности [Гульчинский 2012].

Демократическая коммуникативная рациональность позволяет ее участникам поддерживать целенаправленное общение даже в случае негарантированного успеха, ради стремления к консенсусу, что лишает такую коммуникацию потенциальной или актуальной «репрессивности». При этом коммуникативная рациональность/нерациональность погружается в пространство анализа отношений между субъектами коммуникации, разрешения проблемных ситуаций, налаживания дискурса и «языковой игры» с ее правилами и системой аргументации. В зависимости от участников коммуникации, их целей, интеллектуального окружения рациональность приобретает специфические черты и смыслы в ситуации повседневности, научного, политического, экономического дискурса и т. п., обеспечивая плюрализм коммуникативного пространства. В любом случае рациональность как базисная ценность европейской культуры цементирует собой социальное устройство демократических стран, систему международного права и современные коммуникативные стратегии, демонстрируя свою общественную значимость и фундаментальность, обеспечивая тем самым принятие адекватных политических и экономических решений.

Модели принятия управленческих решений: нравственно-ценностные регулятивы

Неразрывная связь политической коммуникации и принятия управленческих решений со стратегией экономической политики, развитием рыночных отношений обуславливает необходимость разработки эффективных механизмов принятия рациональных и нравственных решений и управления этим процессом на уровнях мегариска (международного или глобального), макрориска (внутреннего,

странового) и микрориска (отдельных субъектов – политиков, экономистов, предпринимателей, фирм и т. п.) с учетом междисциплинарных подходов и стратегий.

Структура принятия управленческого решения включает в себя субъект принятия решения, средства, цели и результат деятельности. По мере возрастания статуса субъекта, принимающего решения, степень его свободы действий в отборе вариантов действий и социальной ответственности становится выше. *В принятии решений выделяют несколько фаз:* накопление исходных данных о проблемной ситуации в обществе; анализ исходных и всех дополнительных данных; принятие решения; реализация решения [Решетников 2003]. *Политико-управленческое решение* направлено на разрешение конфликтных политических ситуаций, является способом реализации интересов участников политических событий, это разработка нескольких вариантов действия для устранения возникшей политической проблемы, сопровождающаяся выбором оптимального из них и нацеленная на реализацию решения с максимальной степенью эффективности и продуктивности [Симонов 2003]. *Концептуализация принятия решений* основывается на знании ситуации и особенностей субъектов принятия решений; выработке механизмов принятия решения с обоснованием конкретных приемов, методов, техник и иных организационных процедур; предвидении возможных последствий в результате реализации принимаемого решения.

Рационализм в принятии решений исходит из необходимости глубинного изучения проблемы и ориентации на достижение наилучшего способа ее полного разрешения при наименьших затратах: «минимальные затраты – максимальный эффект». Метод рационализма при этом предполагает ранжирование всех ценностей и приоритетов, имеющих значение для достижения данной цели; выработку нескольких возможных альтернативных путей реализации; выбор оптимального варианта. Используемый при этом метод *рационален*, поскольку основывается на беспристрастном и максимально объективном, логически обоснованном способе оценки информации, *универсален*, ибо требует учитывать все возможные варианты и ценности. В реальной практике такой метод не всегда можно использовать в силу сверхтребований по отношению к нему и противодействия со стороны общества (например, при радикальном его реформировании). *Инкрементализм* как метод поэтапных, последовательных приращений и улучшений проблемной ситуации не затрагивает ее системных фундаментальных причин. Субъекты, принимающие управленческие решения, при этом отбирают наиболее приемлемые, а не максимально эффективные варианты, прагматично планируя конкретные шаги для достижения цели, что упрощает процесс принятия решений. *Смешанно-сканирующий метод* сочетает в себе рациональный подход к одним элементам проблемы и поступательно-поэтапный, последовательный – к другим, позволяя менее болезненно адаптироваться к динамично меняющимся ситуациям.

Повышение эффективности государственного управления, расширение сферы открытости и прозрачности государственной политики обеспечивают процесс трансформации государственной политики в общественную (публичную). В теоретико-методологических исследованиях отмечается, что термин «*публичная политика*» предполагает сочетание демократического правления и эффективного государства. Использование понятий «публичная политика» и «публично-государственная политика» более точно выражает общественное содержание государственно-управленческих процессов, взаимодействие государства и общества.

Публично-государственная политика представляет собой целеориентированную и управляемую, комплексную и организованную совместную деятельность индивидов и их групп по легитимному разрешению общественных проблем при руководящей и интегративной роли институтов государственной власти и на основе использования коллективных ресурсов общества. Государственная (или общественная) политика рассматривается исследователями как совокупность целей, задач, приоритетов, принципов, стратегических программ и плановых мероприятий, которые разрабатываются и реализуются органами государственной и муниципальной власти с привлечением институтов гражданского общества [Лобанов 2004]. *Процесс принятия управленческих решений, сочетающий в себе диалог государства и общества, государственных структур и гражданских инициатив, олицетворяет содержание современной общественной (публичной) политики, обеспечивая гуманистический вектор ее дальнейшего развития и реализацию целей прогрессивной динамики социума.*

Принятие решений в сфере государственного управления детерминировано масштабом управленческого воздействия и уровнем своего осуществления. *Междисциплинарно-синергетический ракурс интерпретации общественной политики позволяет рассматривать процесс принятия политико-управленческих решений как саморазвивающуюся систему*, ориентирует исследование на раскрытие целостности данной системы и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей системы принятия решений и сведения их в единую теоретическую картину, где равнозначно представлена совместная управленческая деятельность институтов государства и институтов гражданского общества, система официального законодательства, демократических структур и инициатив [Современная... 2012].

В современной науке *формируется качественно новая синергетическая социально-политическая картина мира, изменяются наши концептуальные модели описания, объяснения и прогнозирования развития социума*. В такой картине мира доминируют понятия становления, коэволюции, кооперативности компонентов мировой политической системы, нелинейность и открытость вариантов будущего развития, нестабильность и хрупкость современного мира. Синергетическое мировидение дает вместе с тем и теоретическую основу для исторического оптимизма, ибо предполагает, что шествие человеческой истории не предопределено и во многом зависит от нравственного выбора людей, ответственности субъекта власти, их способности заглядывать «за горизонт», принимая соответствующие решения и «проигрывая» возможные варианты их реального воплощения в сценарий истории и становясь одновременно его режиссером, автором и исполнителем [Яскевич 2011: 118].

Синергетическая эпистемология задает новые принципы в развитии социально-гуманитарных наук и поведения человека в XXI в., ибо важно понять, что «линейное мышление может быть опасным в нелинейной сложной реальности... Мы должны помнить, в политике и истории монокаузальность может вести к догматизму, отсутствию толерантности и фанатизму... Подход к изучению сложных систем порождает новые следствия в эпистемологии и этике. Он дает шанс предотвратить хаос в сложном нелинейном мире и использовать креативные возможности синергетических эффектов» [Майнцер 1994: 211].

Современные модели принятия решений все в большей степени должны коррелировать с ценностно-ориентированными моделями менеджмента – управления развитием человеческого капитала на основе ценностей, изменения культуры организаций и компаний, индивидуализации структуры управления с акцентом на роль лидера в управлении персоналом, его личностных и эмоциональных качествах, установок на сотрудничество, понимание, согласие и высокий профессионализм. *Динамика менеджерских моделей демонстрирует сегодня инновационные прорывы от управления по инструкциям (Managing by instructions – MBI) к управлению по целям (Managing by objections – MBO) и, наконец, к управлению на основе ценностей (Management by values – MBV)* [Долан 2008]. В условиях радикально меняющегося рынка, возрастающей сложности, открытости, неопределенности и стремительной изменчивости делового мира, его глобальных технологических перемен косные, *одномерно-линейные модели менеджмента с иерархическим управлением вступают в противоречие с системой деятельности современных компаний. Принятие управленческих решений в духе командно-административной практики, жесткой иерархии и безоглядного следования инструкциям не вписывается в логику современного бизнеса, требующего инновационного и творческого подхода, гибкой мобильности, ориентированности на корпоративную культуру и интересы клиента.* Ряд авторов отмечает существование большого временного разрыва между появлением инновационных идей и их реализацией, принятием предложений инновации соответствующими лицами, отвечающими за их воплощение в реальную жизнь. Только при участии широких слоев общества – ученых, политиков, экспертов, гражданских активистов – модернизация общества и его управленческой культуры может быть успешной. Необходимы так называемые «инновации в сотрудничестве» (collaborative innovation) как основанный на сотрудничестве подход к инновациям и решению проблем в социуме с учетом готовности работать, развивать и реализовывать идеи «в упряжке как внутри, так и вне конкретных организаций» с заинтересованным участием со стороны отдельных личностей, правительственных и неправительственных акторов в процессе подготовки и принятия решения на различных этапах цикла принятия решений [Сунгуров 2013].

Модель управления на основе ценностей как устойчивой системы убеждений о предпочтительных принципах поведения, требованиях организационной жизни и нравственных регулятивов позволяет эффективно, творчески и ответственно решать сложные вопросы, уметь приспосабливаться к неопределенности, работать на взаимном доверии и преданности делу компании. Вопрос заключается в том, «как сохранить человеческий облик в ситуации, когда господствующая идеология либерализма принципиально отрицает мораль как таковую, а резкое ухудшение условий жизни создает сильнейший соблазн избавиться от моральных норм, сохраняющихся “по инерции”» [Десягин 2013: 17].

Модель управления на основе ценностей является своего рода вызовом современной экономике, предъявляя системе управления человеческим капиталом необходимость ее переориентации на субъект-субъектные отношения в лице персонала компании, организационное развитие управления и принятия решений на основе изменения культуры компании, культуры контроля и культуры развития. *Необходимы нравственные повороты в динамике модели управления на основе*

ценностей, индивидуализации в структуре управления через акцентуацию роли лидера в управлении персоналом, личностное развитие руководителя, качества, развивающие сотрудничество, образующие социальный капитал, его эмоциональное воздействие. Сегодня обладание солидным человеческим капиталом, стремление получить опытных и образованных сотрудников создает конкурентный рынок, а руководители, игнорирующие влияние персонала и корпоративной культуры, рискуют быть невостребованными. Эффективное управление персоналом становится ключевым показателем [Веряскина 2012]. Такие принципы управления персоналом, как разумное использование ресурсов компании, эффективные коммуникационные планы, гибкая корпоративная культура, основанная на сотрудничестве, четкая политика вознаграждений и отчетности, оказывают наибольшее влияние на акционерную стоимость, повышают корпоративную производительность, эффективность сотрудников компании и доход акционеров. Индекс человеческого капитала (HCI), оценивающий различные методы и принципы управления персоналом и принятия решений, подтверждает четкую взаимосвязь между эффективностью сотрудников компании и высоким доходом акционеров, как показывают исследования международной компании Watson Wyatt Consulting [Oliver 1998: 14].

Эффективные методы и принципы управления и развития персоналом, конкурентная стратегия по повышению качества работы, гибкость и инновационность в PR-политике приносят бóльшую рентабельность инвестиций, чем новые технологии и разработки (НИОКР). О влиянии персонала на итоговые достижения компаний свидетельствует семилетнее исследование Management Today, проведенное в Великобритании Институтом персонала и развития, в рамках которого был сделан вывод, что от управления персоналом зависит 19 % различий в производительности между компаниями и 18 % различий в объемах дохода, что выше влияния НИОКР. Инновационная модель управления на основе ценностей, бизнес-модель, несомненно, требует реорганизации культуры предприятия в целом, внедрения и развития новых убеждений и приоритетов среди персонала на всех уровнях, системного управления качеством и эффективного планирования.

Таблица

Модели управления: сравнительный анализ

№ п/п	Параметры оценки	Модели управления		
		МВИ – управление по инструкциям	МВО – управление по целям	МВВ – управление на основе ценностей
1	2	3	4	5
1	Ситуация, в которой принимается решение	Повседневная работа	Умеренная сложность, сравнительно стандартизированное производство	Решение сложных вопросов, потребность в креативе
2	Субъекты управления	Управление исполнителями	Управление сотрудниками	Управление профессионалами
3	Тип лидера	Традиционный	Сосредоточенный на распределении ресурсов	Лидер перемен (способствующий переменам)

Окончание табл.

1	2	3	4	5
4	Образ клиента	Потребитель-покупатель	Потребитель-клиент	Клиент, пользующийся свободой выбора
5	Товарный рынок	Монополизированный, стандартизированный	Сегментированный	Диверсифицированный, динамичный
6	Организационная структура	Многоуровневая пирамида	Многоуровневая пирамида	Функциональные объединения, проектные команды
7	Потребность в умении приспосабливаться к неопределенности, ответственности, самостоятельности	Низкая	Средняя	Высокая
8	Тип рынка	Стабильный	Умеренно-изменчивый	Непредсказуемый, динамичный
9	Философия управления	Сверху вниз, непосредственный контроль деятельности	Контроль и поощрение личных достижений	Поощрение самоконтроля
10	Цель организации	Поддерживать производство	Улучшать результаты	Постоянно совершенствовать процесс
11	Масштаб стратегического видения	Краткосрочный	Среднесрочный	Долгосрочный
12	Основные культурные ценности	Количественное производство, лояльность, дисциплина	Оценка результатов, рационализация, мотивация, эффективность	Участие сотрудников в процессе, креатив, взаимное доверие, преданность

Примечание: подготовлено автором на основе: Oliver 1998.

Такие приоритетные корпоративные ценности в деятельности сотрудников, как креативный подход при решении сложных вопросов, умение находить быстрые решения в условиях неопределенности, самостоятельность и ответственность, самоконтроль, преданность компании, взаимное доверие, обеспечивают эффективное функционирование организации, ее рост, конкурентоспособность, личностное развитие сотрудников, их мотивированность на успех, продвижение и благополучие, ибо «основа успеха – сотрудники. Именно поэтому они вознаграждаются за преданность, высокие достижения и личностный рост, опираясь на три долгосрочные инициативы компании: предоставление сотрудникам права покупки акций компании, вручение наград за профессиональные достижения и постоянное обучение, и тренинг» [Долан 2008]. В реальной практике утверждаются системы корпоративных ценностей, управление по ценностям (*Management by values, MBV*), которое является новым инструментом стратегического лидерства, когда ключевой корпоративной ценностью выступает самосознание, предполагающее, что ясное понимание своих внутренних побуждений, желаний и намерений, своего места в мире, обществе и семье, в профессии и компании наполнит работу и жизнь сотрудников смыслом [Зубова 2013].

*Высокие личностные качества руководителей-управленцев, их привлекательный имидж и глубинный профессионализм создают основу развития эффективной экономики и бизнеса. «В бизнесе, как и в любом другом виде человеческой деятельности, особенно в высших ее проявлениях, высока роль личности. Именно от личности зависит выбор и принятие решения в важных и критических управленческих ситуациях, которые определяют, по какому пути пойдет основное развитие» [Литвак 2006: 13]. *Философия управления на основе поощрения самоконтроля, креативного решения сложных ситуаций, высокой потребности к самостоятельности и ответственности, творческого участия и взаимного доверия и означает управление на основе ценностей и развития человеческого потенциала.**

Таким образом, в современной политике, экономике, бизнесе, культуре принимать управленческие решения приходится в контексте коммуникативной рациональности и наличия множества синергетических факторов, когда необходимо учитывать меняющуюся информацию о событиях, определять вероятность реализации многообразных вариантов принимаемых решений и социально-политических рисков, ориентироваться на нравственные регулятивы и ценности, идеалы доверия, сотрудничества и ответственности. Динамично развивающийся современный экономический, политический, духовный и в целом жизненный мир человека, несомненно, открыт для инновационных средств общения и новых коммуникационных практик. При всех издержках рационализма, который критиковался в своих мировоззренческих и методологических установках как образцово-идеальная модель организации общества, основных социальных практик, человеческого поведения и общения, достижения истинного объективного знания, эта методологическая установка остается непреходящим ориентиром современной науки, культуры, экономики, политики, коммуникации, включая в свое исследовательское поле нравственные ориентиры и идеалы согласия, понимания и диалога.

Литература

Веряскина В. П. Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика // *Философские науки*. 2012. № 6. С. 7–21.

Делягин М. В жерновах глобальной депрессии // *Свободная мысль*. 2013. № 1(1637). С. 17–21.

Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. М. : Претекст, 2008.

Зубова Е. Корпорация самопознания // *Forbes*. 2013. № 04(109). С. 96–99.

Литвак Б. Г. Великие управленцы: монография. 2-е изд., доп. М. : Наука-Пресс, 2006.

Лобанов В. В. Государственное управление и общественная политика. СПб. : Питер, 2004.

Майнцер К. Размышления о сложности. Сложная динамика материи, разума и человечества. М. : Наука, 1994.

Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М. : Идея-Пресс, 2002.

Порус В. Н. Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности). М. : УРАО, 1999.

Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е. В. Ганиной, А. Н. Чумакова. М. : Проспект, 2016.

Решетников С. В. Теория процесса принятия управленческих решений. Минск : Академия при Президенте РБ, 2003.

Симонов К. В. Политический анализ. М. : Логос, 2003.

Современная политическая наука: нравственные регулятивы / под ред. Я. С. Яскевич, К. А. Войташчика. Минск : Право и экономика, 2012.

Степин В. С. Научное познание в социальном контексте. Минск : БГУ, 2012.

Сунгуров А. Ю. Инновации в социуме и политике. Аналитический обзор // Философские науки. 2013. № 3. С. 5–20.

Тульчинский Г. Л. Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества // Философские науки. 2012. № 11. С. 76–88.

Яскевич Я. С. Политический риск и психология власти. Минск : Право и экономика, 2011.

Di Tella K., MacCulloch R. Some Uses of Happiness Data in Economics // Journal of Economic Review. 2006. Vol. 96. June. P. 108.

Oliver J. Invest In People and Profitability and Productivity // Management Today. 1998. March.

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Ruslan I. Khasbulatov. Idols and their worshippers: the collapse of libertarianism. Article 3 (pp. 3–16).

Yuri D. Granin. The “West” and alternative strategies of modernisation (pp. 17–30).

Tatyana G. Leshkevich. “The global modernism” and a new interpretation of subjectness (pp. 31–42).

Processes of globalization

Vladimir S. Golubev. The sovereign globalization and geopolitics (pp. 43–50).

Ernest G. Kochetov. The paradigm of the Global Renaissance as the model of future (its essence stated briefly) (pp. 51–60).

Global issues

Alexander B. Veber. Ecology and public consciousness: a difficult path to sustainable development (pp. 61–76).

Nigyar R. Mekhtiyeva. Information wars as a “digital” aspect of globalization (pp. 77–89).

Dmitry V. Savelenko. The economic potential of labor migration for development of the Customs Union countries (pp. 90–96).

Nature, society, and humans

Leonid E. Grinin. The revolution in Russia and the transformation of the World-System (pp. 97–112).

Zeynab Z. Bahturidze. The international relations in the “post”-epoch: the evolutionary opportunities (pp. 113–120).

Glen T. Martin. Planetary maturity and our global social contract (pp. 121–129).

Yadviga S. Yaskevich. The rationality, morals, and management models in business and politics (pp. 130–142).

Уважаемые читатели!

Доводим до вашего сведения, что со второго полугодия 2017 г. журнал «Век глобализации» внесен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, включенных Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузицина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».

3(23), 2017. – 144 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Технический редактор *К. Р. Ташланова*

Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*

Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71. E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 14.08.2017. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,61. Тираж 1000 экз. Заказ №

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»

Полиграфкомбинат «Офсет»

400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10